Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 80 № 2 2021 Март–Апрель

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993
Подписной индекс по объединенному каталогу “Пресса России” 70354

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва)

Редакционная коллегия

акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург),
акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва),
акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва),
член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург),
член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва),
член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва),
д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург),
д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва),
д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва),
д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва),
проф. *Хенрик Баран* (США, Университет Олбани),
проф. *Марчелло Гардзанити* (Италия, UNIFI, г. Флоренция),
проф. *Александр Строев* (Франция, l’Université Sorbonne Nouvelle Paris 3),
проф. *Герд Хентшель* (Германия, Университет Карла Оссиецкого, г. Ольденбург),
проф. *Чжэн Тиу* (Китай, Шанхайский университет иностранных языков),
канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва),
д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва),
А.Ч. Пиперски (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва),
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: http://www.izv-oifn.ru

© Российская академия наук, 2021
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2021
© Редколлегия журнала “Известия РАН. Серия литературы и языка” (составитель), 2021

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 80 No. 2 2021 March–April

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993
Subscription code in the Catalogue of the Russian periodicals issued by "Russian Post" is 70354

The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences

Editor-In-Chief
Vadim V. Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philol.),
The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow

Editorial board
Nikolai N. Kazansky, Academician of the RAS, The Institute of Linguistic Studies of the RAS, St. Petersburg,
Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow,
Alexander M. Moldovan, Academician of the RAS, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow,
Vladimir A. Plungian, Academician of the RAS, The Institute of Linguistics of the RAS, Moscow,
Svetlana M. Tolstaya, Academician of the RAS, The Institute for Slavic Studies of the RAS, Moscow,
Vsevolod Ye. Bagno, Correspondent Member of the RAS, The Institute of Russian Literature of the RAS, St. Petersburg,
Yury L. Vorotnikov, Correspondent Member of the RAS, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow,
Anna V. Dybo, Correspondent Member of the RAS, The Institute of Linguistics of the RAS, Moscow,
Aleksei I. Zherebin, Doct. Sci. (Philol.), The A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg,
Tatiyana G. Ivanova, Doct. Sci. (Philol.), Moscow, *Leonid P. Krysin*, Doct. Sci. (Philol.) (Deputy Editor-In-Chief),
The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow,
Elena V. Haltrin-Khalturina, Doct. Sci. (Philol.), The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow,
Professor *Henryk Baran* (the USA, State University of New York at Albany),
Professor *Marcello Garzaniti* (Italy, The University of Florence),
Professor *Alexander Stroev* (France, l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3),
Professor *Herd Hentschel* (Germany, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg),
Professor *Cheng Tiu* (China, Shanghai International Studies University),
Sergei I. Gindin, Cand. Sci. (Philol.), Russian State University for the Humanities, Moscow,
Vladimir L. Korovin, Doct. Sci. (Philol.) (Scholarly Editor), The M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Alexander Ch. Piperski (Assistant Editor), Higher School of Economics, Moscow
Olga I. Lukashenko (Managing Editor)

Address for Correspondence:
Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: http://www.izv-oifn.ru

© The Russian Academy of Sciences, 2021

© The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2021

© Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
Том 80, номер 2, 2021

У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук
А. Паолелла 5

О задачах и перспективах проекта «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского”»
К. А. Баршт 18

М. Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка
А. Д. Ивинский 30

План В. Я. Брюсова по изданию полного собрания сочинений А. С. Пушкина
С. А. Казакова 38

Мотивы прозы Н. М. Карамзина в повести А. А. Дьякова “Из записок социал-демократа”
А. С. Ефимов 47

Об информационном обеспечении научно-методического руководства научными исследованиями в области языкознания в Российской академии наук
А. Б. Антопольский 53

Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации)
В. В. Дементьев 64

Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики)
О. П. Ермакова 81

Театральный проезд или *проезд Театра*? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии)
М. Ю. Федосюк, И. И. Бакланова 87

Указатель авторов словарных статей к третьему изданию энциклопедии “Русский язык” (М., 2020)
С. А. Крылов 98

Хроника конференции

XXII Международная конференция SPECOM-2020 “Речь и компьютер”
А. А. Карпов, Р. К. Потапова, В. В. Потапов 107

Юбилеи ученых

Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения)
Л. П. Крысин 116

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
Volume 80, No. 2, 2021

At the Origins of the Literary Portrait: Physiognomy in the Context of Modern Humanities
Alfonso Paolella 5

On the Goals and Prospects of the Project «Integrated Automated Database "United Digital Archive of F. M. Dostoevsky"»
K. A. Barsht 18

Mikhail Muravyev, Catherine II and Friedrich II: On the Status of the Russian Language
A. D. Ivinskij 30

V. Ya. Bryusov's Plan for publishing A. S. Pushkin's Complete Works
S. A. Kazakova 38

Motives of N. M. Karamzin's Prose in A. A. Dyakov's Novella "From the Notes of a Social-Democrat"
A. S. Efimov 47

Information Support of Scientific and Methodological Guidance of Scientific Research in the Field of Linguistics in the Russian Academy of Sciences
A. B. Antopolsky 53

A New Discursive Revolution? (Towards Comprehending Two Typological Characteristics of Internet Communication)
V. V. Dementyev 64

Who is Whose Namesake and Contemporary? (Interaction of Grammar and Pragmatics)
O. P. Ermakova 81

Teatral'nyj Proezd or *Proezd Teatra*? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)
M. Yu. Fedosyuk, I. I. Baklanova 87

The Contributors Index to the 3rd edition of "The Russian Language" Encyclopedia (Moscow, 2020)
S. A. Krylov 98

Chronicles

The 22nd International Conference SPECOM-2020 "Speech and Computer"
A. A. Karpov, R. K. Potapova, V. V. Potapov 107

Jubilees of scholars

Mikhail Viktorovich Panov (On the 100th Anniversary of his Birth)
L. P. Krysin 116

DOI: 10.31857/S241377150014549-6

У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук

© 2021 г. А. Паолелла

Доктор филологии (PhD in Philology),
Институт культуры Торквато Тассо в Сорренто,
корсо Италия, 53, Сорренто, Италия
palf68@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 28 января 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Цель данной статьи – кратко очертить важные аспекты физиогномики как части науки о человеке в контексте современных гуманитарных наук. Учение о портрете стремится раскрыть и выявить глубинную связь между внешностью и личностью человека, открывая путь литературе, живописи, пластическим искусствам, семиотике, этнологии, паралингвистике, психолингвистике, социолингвистике. Методология и научные инструменты физиогномики применяются в современной науке о литературе. У истоков физиогномики – работы итальянского философа-гуманиста и естествоиспытателя XVI в. Дж. Делла Порта, оказавшие влияние на формирование гуманитарных наук, основы которых были заложены итальянским Возрождением. В своих работах Делла Порта опирается на тексты греческих, римских, арабских, средневековых авторов и своих современников. Трактаты ученого-гуманиста вдохновили исследования Лафатера (1772), повлияли на возникновение френологии Галля (1810), отца современной нейропсихологии и когнитивных нейронаук, внесли вклад в рождение криминальной антропологии Ломброзо. Физиогномика, которую в эпоху позитивизма считали псевдонаукой, ставит своей целью составление психологического и нравственного портрета человека на основании его наружности, предполагая существование глубинной связи между телом и душой, внешним и внутренним. Она оказала влияние на работы многих художников, прежде всего портретистов, начиная с эпохи Возрождения, в том числе и на карикатуры XVIII в. и более поздних эпох, а также на литературу, в частности, XIX столетия – Бальзака, Мандзони, Мастриани и др.

Ключевые слова: физиогномика, семиотика портрета, Делла Порта, Леонардо да Винчи, гуманитарные науки, Лафатер, Галль, Ломброзо, портретистика, Шарль Лебрен, Бальзак.

Для цитирования: *Паолелла А.* У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук / Пер. с итал. А.В. Голубцовой, М.А. Ариас-Вихиль // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 5–17. DOI: 10.31857/S241377150014549-6.

At the Origins of the Literary Portrait: Physiognomy in the Context of Modern Humanities

© 2021 Alfonso Paolella

PhD in Philology,
Istituto di Cultura Torquato Tasso di Sorrento,
corso Italia, 53, Sorrento, Italy
palf68@gmail.com

Received by Editor on January 28, 2021
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The purpose of this article is to briefly outline important aspects of physiognomy as a part of the human science in the context of modern humanities. The teaching about the portrait seeks to reveal and lay bare the deep connection between the appearance and personality of a person, opening the way for literature, painting, plastic arts, semiotics, ethnology, paralinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics. The methodology and scientific tools of physiognomy are applied in modern studies of literature. At the origins of physiognomy — the work of the Italian humanist philosopher and natural scientist of the 16th century. G. Della Porta, who influenced the formation of the humanities, the foundations of which were laid by the Italian Renaissance. In her works, Della Porta draws on the texts of Greek, Roman, Arabic, medieval authors and her contemporaries. The treatises of the humanist scientist inspired the studies of Lavater (1772), influenced the emergence of Gall's phrenology (1810), the father of modern neuropsychology and cognitive neurosciences, and contributed to the birth of the criminal anthropology of Lombroso. Physiognomy, which in the era of positivism was considered a pseudoscience, aims to draw up a psychological and moral portrait of a person on the basis of his appearance, assuming the existence of a deep connection between the body and the soul, the external and the internal. She influenced the work of many artists, primarily portrait painters, starting from the Renaissance, including the 18th century and later eras' cartoons, as well as literature, in particular, that of the 19th century — Balzac, Manzoni, Mastriani, etc.

Key words: physiognomy, semiotics, Della Porta, Leonardo da Vinci, cognitive sciences, anthropology, Lavater, Gall, Lombroso, portrait art, Charles Lebrun, Balzac.

For citation: Paolella, A. *U istokov literaturnogo portreta: fiziognomika v lontekste sovremennykh gumanutanykh nauk. Per. s ital. A.V. Golubtsovoy, M.A. Arias-Vihil* [At the Origins of the Literary Portrait: Physiognomy in the Context of Modern Humanities. Trasl. from Ital. by A.V. Golybtsova, M.A. Arias-Vihil]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 5—17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014549-6.

Джамбаттиста Делла Порта (итал. Giambattista Della Porta; 1535—1615) — итальянский ученый, философ, алхимик и драматург. Автор трудов по алхимии "Натуральная магия" ("Magiae naturalis sive de miraculis rerum naturalium", 1558), криптологии "Про скрытую значимость отдельных букв" ("De furtivis literarum notis", 1563), медицине "О человеческой физиогномике" ("De humana physiognomonia", 1586), ботанике "Фитогномика" ("Phytognomonia", 1588); после 1596 г. Делла Порта целиком посвятил себя литературно-драматической деятельности, став автором ряда пьес, в числе которых самая известная — комедия "Ловушка" ("La Trappolaria", 1596). Трактат "О человеческой физиогномике", опубликованный в 1586 г. в 4 книгах и в 1601 г. в 6 книгах, в отличие от многих трактатов по физиогномике того же периода (Джованни д'Индаджине, Бартоломео делла Рокка, Джироламо Кардано, Джованни Инджeньери, Мишеля Леско, Давида л'Анье и др.), представляет собой не просто обобщающий труд, а "сумму", полную энциклопедию, содержащую все знания, накопленные в физиогномике за много веков, от досократиков до современников Делла Порта. Достаточно сказать, что в ней упоминаются почти 400 авторов, которые так или иначе описывали психофизические свойства и черты характера знаменитых или малоизвестных личностей. Эта работа становится фундаментальным изложением основ данного учения, начиная с самой его формулировки — установления взаимосвязи между телесными особенностями и характером людей, а в античности — еще и между телесными особенностями и болезнями. Симптоматическое соотношение между наружностью (тем, что позднее врачи назовут *facies*) и заболеваниями отмечал еще Гиппократ в трактатах "О священной болезни", "Прогностика", "О диете при острых болезнях", "Эпидемии" и в некоторых "Афоризмах".

В эпоху Возрождения понятие *fisiognomonia* объединяло целый ряд исследований, которые только в последующие века получат эпистемологическую автономию. Прорицательство, медицинская *facies*, характерологическая таксономия соединялись в рамках этой дисциплины, где видимые анатомические знаки

отсылали к знакам незримым, психологическим, влияя и на такие, на первый взгляд, далекие сферы, как изобразительное искусство и, в частности, скульптура и портретистика.

Прорицательский компонент и физиогномический детерминизм, свойственный данному учению в его предсказательной функции, заставили бдительную инквизицию обратить особое внимание на дискуссию о свободе воли, которая разворачивалась среди философов и богословов в этот сложный и проблемный для Европы период.

В арабском мире также сложилась прочная физиогномическая традиция, особенно после перевода на арабский язык "Физиогномики" Псевдо-Аристотеля и комментария Полемона (оба перевода выполнены в IX в.). Текст Псевдо-Аристотеля, переведенный Хунайном (873 г.), присутствует у Ад-Дина ар-Рази (1149–1209), который был известен Делла Порта в переводе Герарда Кремонского и часто цитируется как в "De humana physiognomonia" [1], так и в "Coelestis physiognomonia" [2]. Физиогномика, по мнению Ибн аль-Акфани (ок. 1286–1348), полезна в дружбе, для оценки людей, с которыми общаешься; пригодится она и в супружеской и семейной жизни (жена, дети, домочадцы), и в политической (советники и придворные). Эта наука необходима человеку, который есть "от природы существо социальное" [3]. В XIII в. те же представления поддерживали и Майкл Скот ("Liber Phisionomiae"), шотландский ученый, переводчик античных и арабских мыслителей, и Чекко д'Асколи ("L'Acerba"), итальянский астроном и поэт.

История издания трактата Делла Порта "De humana physiognomonia" оказалась весьма непростой. Достаточно сказать, что итальянский перевод, выполненный самим автором между 21 июля и 3 августа 1588 г., из боязни нового приговора инквизиции был опубликован под именем его друга, Джованни де Роза, в 1598 г. [4].

Издание 1601 г. в 6 книгах состоит из следующих частей: в четырех книгах анализируется человеческое тело, анатомические компоненты которого соотносятся с определенной чертой характера человека. В пятой книге все рассмотренные характеристики собраны в синтагматические последовательности, обрисовывающие типы характера: отважный, щедрый, хитрый, гневливый и т.д. Подобным же образом классифицируются персонажи театра Делла Порта: имя персонажа определяет его поведение (т.н. говорящее имя), согласно формуле "nomen est omen" (проныра-слуга – "Траппола" (Ловушка), капитан – "Драголеоне", паразит – "Фагоне" (Обжора), влюбленный – "Эраст" и т.д.).

Со времен античности физиогномика использовала три метода анализа взаимосвязей между телом и душой. Этологический метод состоял в наблюдении за изменениями тела под воздействием различных чувств, таких как гнев, симпатия, ревность, страх и т.п., создающих собственную систему знаков, грамматику и синтаксис. По мнению Гиппократа и Галена, телесные жидкости напрямую связаны с психикой. Например, меланхолия (черная желчь) почти всегда проистекает из "недостатка" чего-либо – силы, любви, желания, славы и т.д. В рамках данной теории выделяют 4 основных типа характеров, которые соответствуют 4 жидкостям человеческого тела: крови (сангвиник), желтой желчи (холерик), черной желчи (меланхолик), флегмы (флегматик). В этом методе отчетливо проявляется близость физиогномики со средневековой и ренессансной медициной.

Этнологический метод исходит из убеждения древних о том, что каждому этносу присущ особый характер. Соответственно, характеры определяются взаимодействием человека со средой, народов с географическим пространством, как отмечал еще Гиппократ, хотя и в несколько иной формулировке, в трактате "О воздухе, водах и местностях". По мнению Птолемея, северные народы свирепы, дики и жестоки; италийцы и греки благородны, приветливы, дружелюбны и очень мужественны, ценят свободу и справедливость. Арабы, населяющие знойные и сухие края, вороваты, лукавы, лицемерны, нечестны, непостоянны и алчны; африканцы из-за жары и влажности сладострастны и безрассудны, не держат слова и т.д. [5].

Зоологический метод основан на сравнении людей с животными. По словам Делла Порта, "кто желает извлечь пользу из этой науки, должен с великим тщанием изучать книги, описывающие животных, чтобы стать знатоком их нравов, мыслей, знаков, а также частей их тел, поскольку от этого зависит вся наука. Не следует пренебрегать различиями между знаками; ведь некоторые знаки рождаются вместе с нами, другие появляются позже и остаются с нами до смерти: как, например, широкий лоб, приплюснутый нос и тому подобные. <...>

Если части тел животных, подобные человеческим, указывают на человеческие нравы, подобные животным, не значит ли это, что темперамент этого животного сформировал эту часть тела, подобную такой же человеческой? В каждом животном преобладает какая-либо телесная жидкость: отсюда и те добродетели и пороки, которыми оно наделено, и та же самая жидкость формирует эту часть тела” [4, I, XIV, 57–61; XXVIII, 14–19].

Хотя физиогномика считалась, скорее, учением, а не наукой, и сам автор это сознает, трактат Делла Порта, с одной стороны, формализует и освящает тысячелетнюю традицию прочно устоявшихся топосов, с другой – становится ориентиром, своего рода руководством, которое окажет влияние на работы множества позднейших художников, прежде всего портретистов, а также писателей, особенно XIX в. (Бальзака, Мандзони, Дюма-отца и Дюма-сына, Мастриани и др.).

Нужно сразу пояснить: физиономика – это просто наблюдение за телесными чертами, а физиогномика, как пишет Делла Порта, «происходит от слов φύσις, что значит “природа”, и γνώμη, “правило”, и означает “закон”, или “правило Природы”, по которому при знании определенных природных правил, норм и порядка по той или иной форме тела... можно определить ту или иную страсть души» [4, I, XXX, 23].

Делла Порта обращается к высшему авторитету эпохи: “Аристотель говорит, что (человек), поскольку он вынужден сосуществовать с другими, должен уметь выбирать в друзья хороших людей, а не дурных” [4, Proem, p. 4]. Однако, поскольку это всего лишь искусство и учение, о чем свидетельствует и традиция, нельзя всецело полагаться на внешность, поскольку “человеческий дух <...> так хорошо скрыт темной пеленой притворства, что когда кажется, что глаза, лоб и вся наружность говорят правду <...> тогда-то они и лгут сильнее всего <...> Это искусство показывает... каких негодяев тебе следует прогонять и каких достойных людей привечать” [4, Proem, 13–14].

В доказательство автор ссылается на фрагмент “Тускуланских бесед” Цицерона, где “знаток физиогномики Зопир, увидев в наружности Сократа множество пороков и сказав об этом публично, был осмеян всеми слышавшими это, поскольку те не знали за Сократом таких пороков. Но потом сам Сократ похвалил его, признав, что имел подобные склонности, но победил их силой разума и философии” [4, Proem, 134–138].

Тем не менее, даже если оставить в стороне лицемерие, характер может меняться и с возрастом, и в повседневных ситуациях. Поэтому следует отличать “постоянный” знак, или “свойство”, от знака “слабого” или “общего” для людей и животных. Ведь “когда душа меняет свои нравы, тело меняет форму и очертания, а когда тело меняет форму, душа также меняет свои обыкновения. При меланхолической душе тело становится вялым и бледным, а в веселье и тело вновь расцветает. <...> Известно также, что при исцелении тела исцеляются и недуги души” [4, I, II, 74–75]. Ведь “облик печального человека отличает лоб в морщинах, распластанные брови, напряженные веки, склоненная голова, обращенный книзу взгляд, запавшие глаза, удлиненный нос, исхудалое лицо” [4, II, IX, 54–55]. И напротив, “веселость узнается, прежде всего, по гладкому безмятежному лбу, спокойным глазам, полному красному лицу” [4, II, IX, 64–65].

Чтобы не ошибиться в оценках, стоит прибегать к аналогиям с характерами животных, поскольку они не умеют и не способны притворяться: “Платон говорит, что, если человек подобен <...> какому-либо животному телом, он будет подобен ему и нравом, и желаниями; таким образом <...> соотнося эту фигуру с неким свойством, страстью или нравом, он угадывает по фигуре и нрав. Например, лев должен быть смелым и отважным, <...> этот знак указывает, что имеющий широкую грудь, крупные и мощные плечи, крупные конечности, то есть руки и ноги <...>: по характеру щедр, великодушен, наделен волей к победе, силен, обходителен, справедлив, милосерден” [4, I, XIII, 5 ss.].

Следовательно, люди, наружностью подобные животным, перенимают и их основные черты: “...смелый, как лев, пугливый, как заяц, дерзкий, как петух, докучливый, как собака, суровый, как ворон, милосердный, как горлица, коварный, как гиена, нежный, как голубка, лукавый, как лиса, кроткий, как ягненок, резвый, как косуля, незаметный, как леопард, ленивый, как медведь, незлобивый, как слон, трусливый и глупый, как осел, покорный, как павлин, говорливый, как воробей, трудолюбивый, как пчела, бродяга, как коза, необузданный, как бык, упрямый, как мул, молчаливый, как рыба, благоразумный, как ягненок,

сластолюбивый, как свинья, коварный, как сова, трудолюбивый, как лошадь, зловредный, как волк. <...> Если человек какой-то своей частью подобен этим животным, имей в виду, что и нравы он будет иметь сходные" [4, I, XIII, 28–37].

Делла Порта уточняет: "Если увидишь человека с глазами, похожими на львиные и сидящими не слишком глубоко, то они обнаруживают в нем льва; если очень запавшие – то обезьяну: тогда он будет отличаться дурным нравом; если посаженные неглубоко, можно сказать, что они похожи на бычьи; если навыкате, то тупые и наглые, как у осла" [4, I, XV, 19–23]. Подобные сходства он иллюстрирует зримыми свидетельствами: "Фигура неразумного глупца отличается узкой и заостренной головой. Те, у кого заостренная голова, также лишены стыда. Голова неблагородная и чрезмерно вытянутая говорит о наглости и... напоминает воронов и перепелов, у которых заостренный клюв и наглый характер" [4, II, I, 331–335].

Кроме того, "обладающие широким лбом робки и трусливы, поскольку такие знаки и нрав свойственны быку" [4, II, II, 18–19]. Имеют свое значение также выступающий рот и квадратный лоб: "Выступающий рот, округлый и обращенный книзу, с толстыми губами, формой похожий на наклонный угол, выдает нечистоплотность, прожорливость, глупость" [4, II, XIII, 45–47]. "Квадратный лоб, обладающий должной симметрией и пропорциями относительно остального лица, является очевидным знаком благоразумия и великодушия" [4, II, II, 82–84].

Делла Порта, в русле античной эстетики и теоретических трактатов эпохи Возрождения, понимает *mesotes*, или *medietas*, как гармоническое соотношение души и тела, идеал красоты: "Итак, тело не слишком крепкое и не слишком расслабленное, ни твердое, ни мягкое, ни волосатое, ни гладкое. <...> Красота есть соразмерное расположение всех членов тела, кое являет собой модель и образ души; внутренние части имеют тот же состав, что и внешние. <...> Поэтому природа сотворила тело согласно со свойствами души" [4, IV, XI, 25–38].

Однако Алкивиад со своей красивой наружностью противоречит топосу этической и эстетической гармонии (καλοκαγαθία): "Такова была красота Алкивиада, что всем известно, как прославляли ее писатели. Плутарх утверждает, что он опережал всех афинян своего времени красотой лица и хорошо сложенного тела; и был наделен замечательным даром природы – не только в детстве и юношестве, но и в любом возрасте отличался благородной наружностью и цветущей красотой. Сатир у Афинея говорит, что он обладал выдающейся красотой; и когда он входил в театр, на него с восхищением взирали не только мужчины, но и женщины. Антисфен, лично его видевший, утверждает, что он был прекрасен в любом возрасте и даже в сражениях заботился о том, чтобы казаться красивым. Среди ионийцев не было никого похотливее и сладострастнее. Тимею, жену Агиса, он соблазнил как продажную женщину; а когда его стали упрекать, ответил, что сделал это не из похоти, а чтобы в Лакедемоне правили его потомки, и чтобы царский род звался именем не Геркулеса, а Алкивиада. В войске он всегда возил с собой проституток Тимандру и Феодоту; он обесчестил свою дочь, которую, обнимая, называл подругой Аксиоха. Ферекрат пишет о нем: Алкивиад – не просто мужчина, как кажется многим, а муж всех женщин. По натуре он был очень жаден до славы и говорил, что в жизни не стоит желать ничего, кроме власти над всеми. В красноречии, философии и военном искусстве он не уступал никому, был отважен, свиреп, отвергал досуг и покой, более всех любил состязания и, наконец, вынашивал планы против свободы своей родины, как свидетельствует Фукидид" [4, IV, XI, 51–74].

В трактате Делла Порта толкование внешнего знака, смысл которого закреплен в традиционной топике, получает дополнительное подтверждение и, в свою очередь, по инерции становится основанием для последующей традиции. Возьмем, например, следующий фрагмент: «*Большие и хорошо расположенные глаза.* Он же (Аристотель), говорит, что большие глаза, если они округлой формы и правильно расположены, свидетельствуют о достойной натуре. А Гален в "Медицинском искусстве" пишет, что большие глаза могут свидетельствовать и о хорошем, и о дурном, как и голова; ведь если большие глаза сочетаются с правильной формой и хорошей зрительной способностью, это свидетельствует о высоком качестве того неоднородного вещества, из которого они состоят. И если мне будет позволено уподобить их какому-либо животному, я бы назвал оленя, у которого большие глаза красивой формы, и среди животных он

обладает острым умом. Гомер постоянно называет Минерву boîpí, потому что у нее большие и красивые глаза, и из всех богинь обычно именно она получает такой эпитет. Большими прекрасными глазами отличался Сократ, как утверждает Полемон, но Платон в “Теэтете” говорит, что глаза у него были навыкате; он был справедлив, благоразумен, учен и исполнен любви, и Аполлон называл его мудрейшим из всех. Неоптолем имел округлые глаза и был воинственен, как пишет Дарет Фригийский» [4, III, I, 47–61].

Представление о больших глазах, указывающих на вышеупомянутые черты характера, – топос, сложившийся еще в античной портретистике, – пронизывает все изобразительное искусство от Мадонн Джотто или Чимабуэ до портретов эпохи Возрождения и по инерции сохраняется в кино, публицистике, массовой литературе и даже в персонажах мультфильмов и научной фантастики.

Таков же и образ Елены, которая “была светловолосой, с большими глазами, маленьким ртом, чистым лицом, красивыми ногами, и вся отличалась необыкновенной красотой: из Дарета <...> так что Телемах и сын Гектора на пиру, сидя рядом с Еленой, были ослеплены и ошеломлены такой красотой, но она была не мила своему мужу” [4, IV, XI, 88–90].

Этот образ часто встречается в портретистике, начиная с росписей греческих ваз. Похищение Елены, с которого началась Троянская война, стало для греков парадигматическим при осмыслении понятия верности (“светловолосые отличаются верностью”, пишет Делла Порта) [4, I, XIX, 90] и неверности, свободы воли и предопределения.

Светлые волосы присутствуют во всех изображениях Елены, от греческой античности до фильма 2003 г. “Елена Троянская” Джона Кента Харрисона, в “Прибытии Елены в Трою” Франческо Паскуччи (1748–1803), “Любви Елены и Париса” Жака-Луи Давида (1748–1825), “Елене и Парисе” Шарля Мейнье (1768–1832) и т.д.

Еще один интересный топос – волосатость, которая указывает на могучий эротизм: «Волосатые люди похотливы. Аристотель в “Проблемах” ищет причину того, что пышно оперенные птицы и волосатые люди отличаются похотью; и дает объяснение, что в них много крови и тепла одновременно, то есть в них в изобилии имеется и жидкость, и тепло, чтобы согреть ее; знаком этого служат волосы и перья; ведь в отсутствие жидкости и тепла ни перья у птиц, ни волосы у людей не могли бы вырасти. Мужское семя зарождается в определенном месте в определенное время, то есть весной и в воздухе, поскольку его природа горячая и влажная. Отсюда и волосатость, которая говорит о похоти. Только у зайца от природы шерсть растет даже во рту и на ступнях, как пишет Аристотель, а за ним Плиний. Заяц – самое волосатое из животных. И Трог, рассмотрев это свойство зайца, по его примеру называет волосатых людей похотливыми. Майкл Скот: если встретишь человека с обильными волосами на теле, ногах и животе, и он не будет похотлив, вознеси хвалу Господу. У Калигулы были редкие волосы и совсем голая макушка, а все остальное – волосатое. Он был весьма похотлив и состоял со многими в любовных отношениях, жил в преступной связи с сестрами и не оставил нетронутой ни одной знатной женщины, как сообщает Светоний» [4, IV, II, 28–46 и 180n].

Похотливы все животные с длинной шерстью – кролики, козы и козлы, обезьяны и т.п. Неслучайно в древности сатиров часто изображали волосатыми, с козлиными ногами, рогами и эрегированным пенисом: “Припоминаю, что Филострат, изображая сатиров, олицетворяющих саму похоть, уподоблял их козлам со впалыми ягодицами. <...> С древности волосатые сатиры с козлиными ногами, похотливые, с возбужденным членом, символизируют мужскую силу” [4, II, XLII, 50].

Топос волосатого мужчины с XII в. ассоциируется с мифом о дикаре. Дикарь живет в лесу, он сексуально невоздержан и похищает женщин, которых затем спасает благородный рыцарь. Этот образ закрепляется с обнаружением дикарей Нового Света, при этом дикарь часто наделяется чертами сатира. Данный топос продолжает свое существование в многочисленных изображениях сатиров XVI в., таких как неоднократно воспроизводившаяся “Семья сатира” Дюрера (1505) или Стефано делла Белла (1657), “Сатир и амур” (1742–1745) Тьеполо и т.д. Интересно, что и дьявол, по ассоциации, наделяется чертами сатира – как в “Шабаше ведьм” Франсиско Гойи (1798), который продолжает традицию, сложившуюся еще в Средневековье (см.: [6]). Традиция изображения волосатого человека как злодея сохраняется, например, в фильмах Чаплина, где в 11 кинолентах появляется актер

Альфред Кэмпбелл (1,98 м ростом) в роли злодея с длинными колючими усами и пугающей фигурой, своего рода Синей Бороды, который ухаживает, как правило, безуспешно, за очередной красавицей. В “Красавице и чудовище” (1946), фильме Жана Кокто, чудовище покрыто волосами целиком, а в мультфильме Уолта Диснея (1991) – частично.

Существование трактата по физиогномике, принадлежащего Леонардо, – всего лишь гипотеза, тем более что сам Леонардо резко критиковал ее предсказательную силу, однако в “Трактате о живописи” содержится множество наблюдений, связанных с физиогномикой. Леонардо да Винчи пишет о различных состояниях и движениях человека и о пропорциях членов тела: “О ложной физиогномике и хиромантии я не буду распространяться, так как в них нет истины, и это обнаруживается из того, что подобные химеры не имеют научных оснований. Правда, знаки лица отчасти обнаруживают природу людей, их пороки и склад, но знаки на лице, отделяющие щеки от губ рта, ноздри от носа и глазные впадины от глаз, отчетливы у людей веселых и часто смеющихся; те же, у которых они слабо обозначены, – это люди, предающиеся размышлению; те же, у которых части лица сильно выдаются, – это люди скотоподобные и гневные, с малым разумом; те же, у которых линии, находящиеся между бровями, очень отчетливы, – склонны к гневу; те же, у которых поперечные линии лба сильно прочерчены, – это люди, богатые тайными или явными жалобами. И так же можно говорить о многих других частях”[1] [7, § 288].

В “Тайной вечере” каждый апостол изображен по-своему, в зависимости от своего характера: “О движениях человеческого лица. Душевные состояния приводят в движение лицо человека различными способами: один смеется, другой плачет, иной веселится, другой печалится, один обнаруживает гнев, другой – жалость, один удивляется, другие ужасаются, одни кажутся глупцами, другие – размышляющими и созерцающими. И такие состояния должны сопровождаться движением рук, лица и вообще всего человека” [7, § 282].

[1] Текст на русском языке цит. по изд.: Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентинского [Текст] / Впервые полностью переведенная на рус. яз. А.А. Губером, В.К. Шилейко под ред. А.Г. Габричевского. М.: ОГИЗ-Изогиз, 1934. 384 с. (прим. перев.).

На рисунке углем “Голова кричащего человека” Леонардо да Винчи (Будапешт, Музей изобразительных искусств), выполненном для “Битвы при Ангиари” (1503–1506) и изображающем злобу и безумие, можно обнаружить связь с заметками из того же трактата: “Разгневанную фигуру делай так, чтобы она держала кого-нибудь за волосы, свернув его голову к земле и [упершись] ему одной коленкой в бок, правой рукой поднимая вверх кинжал; волосы у нее должны быть приподняты, брови опущены и сжаты, зубы стиснуты, оба угла рта изогнуты дугообразно; шея толстая; спереди, из-за наклона к врагу, она должна быть полна морщин” [7, § 377].

В первые тридцать лет XVII в., если рассматривать только итальянские издания, появляется необыкновенное множество текстов по физиогномике: Джованни Инджeньери (часто издается вместе с “Физиогномикой” Делла Порта), Лудовико Сеттала, Филиппо Финелла, Шипионе Кьярамонте, Чиро Спонтоне, Джироламо Кардано, Камилло Бальди, Никола Спадон.

Любопытный и загадочный текст, который позволяет оценить в том числе и успех Делла Порта, – “Физономическая кефалогия” (“Cefalogia fisonomica”) Корнелио Гирарделли [8], болонского монаха-францисканца. Данный текст, если не считать “Метопоскопий” (“Metoposcopia”) Делла Порта [9], Кардано (опубликован в 1658 г.) [10] и Маджини (приписывался Спонтоне) [11], которые сосредоточивались исключительно на линиях лба, предвосхищает работы последующих веков, концентрирующих внимание на одном лишь лице. Делла Порта в своем труде, как отмечает Аквилеккья, «рассуждая о лбе во второй декаде и соотнося линии лба с семью небесными телами, при этом не останавливается подробно на анализе данного вопроса, утверждая... что суждения, высказываемые знатоками метопоскопии, не имеют “подлинного основания в Философии”» [12, p. 285]. *Кефалогия* подразделяется на десять декад. Декада, в свою очередь, состоит из десяти рассуждений, каждое из которых посвящено некоему характеру на основании физиогномических черт головы (волосы, лоб, брови, глаза, нос, рот, подбородок, уши, лицо, череп). Все рассуждения имеют одинаковую структуру: портрет головы, затем – сонет, далее – *Рассуждение* самого автора, *Мнение писателей* и, наконец, *Дополнение* от одного из членов Академии деи

Веспертини – вероятно, Овидио Монтальбани, под псевдонимом “Беспокойный”, представленного как “дражайший друг”. Последнее рассуждение каждой декады посвящено женскому физиогномическому типу [12, p. 68–69]. Этот труд, во всяком случае по замыслу автора, также был предназначен для художников, скульпторов, поэтов и писателей. Его интерес к магии, медицине и астрологии придавал еще более неоднозначный характер соотношению – и без того проблемному – между дисциплинами: неясно, то ли медицина и астрология – или астрологическая медицина – являются вспомогательными (*ancillae*) для физиогномики, то ли наоборот.

Еще Декарт в “Страстях души” (1645) отмечал, что “главные из этих внешних выражений [страстей] – движения глаз и лица, изменение цвета лица, дрожь, слабость, обморок, смех, слезы, стоны, вздохи”[2].

Тесная взаимосвязь между физиогномикой и изобразительным искусством как представлением страстей становится отличительной чертой искусства XVII в. Шарль Лебрен (1619–1690) даже набрасывает частичную таксономию эмоциональных выражений в трактате “Фигуры страстей” (“Фигуры страстей, общий вид таблиц на гравюрах Б. Пикара, выполненных для посмертного издания речи Шарля Лебрена”, 1698) [13], где демонстрируются и анализируются различные эмоции, отражающиеся на лице.

Исследования Лебрена опирались на декартовский рационализм, в научных терминах описывавший взаимосвязь физиологии и страстей. В отличие от физиогномики Делла Порта, которая была в целом статичной и обращала внимание, главным образом, на глаза и взгляд, Лебрен составляет таксономию страстей в динамичном движении мышц тела, которые двигаются по-разному в зависимости от эмоций, а в последнем абзаце речи, произнесенной в парижской Академии живописи и скульптуры (1698) [13], выделяет еще один принцип, который будет широко применяться в последующие века: лицевой угол, то есть угол наклона лба и носа, указывающий на животную составляющую психики индивида и достигающий максимума у животных и у примитивных народов. В ином ключе составлены “Характеры” (“Les Caractères”, 1688) Лабрюйера (к моменту его смерти в 1696 г. насчитывалось 8 изданий) [14], где описание характера и поведения современных людей, по большей части, не связано с их физическими особенностями. Изображение персонажей в ироническом и сатирическом духе направлено исключительно на социально-политическую критику французского общества.

Голландский анатом Петрус Кампер (1722–1789) первым применил метод лицевого угла в сравнительной анатомии и представил промежуточные результаты в Академии наук в Париже в 1777 г. Его труд, “Dissertations sur le variétés naturelles” [15], был опубликован после смерти исследователя его сыном в 1791 г. В классицистическом духе того времени Кампер соединял – вероятно, намеренно – эстетику и антропологию (одним из основателей которой он считается), усматривая идеал красоты в изображении человека в античную эпоху. Согласно Камперу, угол меньше 70° свойствен обезьянам и чернокожим, в то время как приближающийся к 90° отличает европейца, воплощая в себе гармонию *medietas*. Впоследствии данное сравнение ляжет в основу “научной” теории расизма, в которой данные наблюдений сливаются с интерпретациями, обосновывая биологическое и эволюционное происхождение расы. Католическая церковь, хотя и отвергла эволюционистские теории, тоже не осталась в стороне от этого “научного” понимания расы [16].

Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801), пастор в церкви Святого Петра в Цюрихе, современник Кампера, пишет трактат “Физиогномические фрагменты, способствующие познанию человеческой природы и любви” (“Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe”, 1774–1778), восстанавливая традицию, идущую от Аристотеля к Делла Порта. Автор совместно с Гёте и Гердером пытается увидеть в человеке отпечаток божественного, а психологические и физиогномические наблюдения помогают заметить в людях след вечной красоты и соприкосновения с Богом. Он включает в трактат обширную коллекцию профилей, зарисованных с помощью изобретенного им самим устройства для изображения силуэтов (machine sûre et commode pour tirer les silhouettes).

Данный метод позволяет ему свести линии головы к 9 частям и установить соотношение

[2] Цит. по рус. пер. в изд.: *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. / Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. С. 112.

между видимым и невидимым. Так, нос свидетельствует о вкусе и чувствительности; губы – о гневе, ненависти и любви; подбородок – о степени чувственности; череп – об уме, поскольку у имбецила линия лба на две трети меньше, чем у гения: чем ниже лоб, тем слабее интеллект. По Лафатеру – хотя он едва ли знал о Кампере, – художники могли бы точнее изображать человеческие расы и породы животных на основании крайне простой шкалы: у древнегреческих скульптур лицевой угол составляет около 100 градусов, у древнеримских – около 95. У европейцев лица колеблются между 90 и 80 градусами, у африканцев – в районе 70. Далее он плавно переходит к животным, помещая сразу же за африканцем орангутанга, затем – мартышку и т.д.

Яростный и сатирический ответ этой теории дает немецкий физик Георг Кристоф Лихтенберг, который в своем трактате "Физиогномика против физиогномиста" ("Über Physiognomik wider die Physiognomen", 1778) критикует физиогномику, поскольку она основана на суеверии: "Чтобы построить совершенное общество, достаточно повесить всех детей с определенными физиогномическими чертами, прежде чем они станут преступниками! Говорят, что однажды по дороге из Цюриха в Шаффхаузен Лафатеру как известному физиогномисту предложили определить характер человека, сидевшего на углу. Тот внимательно рассмотрел его и сказал, что это человек добрый, снисходительный и мягкий. Оказалось, что это был шаффхаузенский палач, который на телеге возил осужденных на виселицу!" [17].

Но со временем физиогномика становится частью медицины, все тщательнее прорабатывая связь между черепом и мозгом, благодаря австрийскому врачу Францу Йозефу Галлю (1758–1828) [18, p. 67], который продолжает изыскания Лафатера, хотя и критикует его за то, что тот в недостаточной мере руководствовался "знанием анатомии и физиологии" [19, p. 83]. Он предлагает создать новую дисциплину – *органологию*, которая впоследствии стараниями его ученика Иоганна Каспара Шпурцгейма приобретет популярность под именем *френологии*.

В трактате "Анатомия и физиология нервной системы в целом и мозга в частности, с наблюдениями и возможности распознавания некоторых интеллектуальных и моральных предрасположенностей человека и животных по конфигурации их голов" ("Anatomie et physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier, avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l'homme et des animaux par la configuration de leurs têtes", 1810), опубликованном совместно со Шпурцгеймом [18], Галль предлагает определять по строению мозга и форме черепа психические функции в их связи с телом. Он разделяет череп на 27 зон, соответствующих зонам мозга, определяющим личность человека. Это инстинкт продолжения рода; любовь к потомству; привязанность, дружба; инстинкт защиты себя и своей собственности; животный инстинкт, склонность к убийству; хитрость, проницательность, изворотливость; чувство собственничества, склонность к воровству; гордость, высокомерие, спесь, тяга к власти; тщеславие, амбициозность, жажда славы; осторожность, предусмотрительность; память о вещах и фактах; чувство пространства; память о людях; понимание смысла слов, имен, вербальная память; понимание устной речи, филологический талант; чувство цвета, художественный талант; чувство соотношения тонов, талант к музыке; понимание числовых соотношений; понимание механики, строительства, архитектуры; способность к сравнению; склонность к метафизике, глубина мысли; язвительность, остроумие; поэтический талант; доброта, доброжелательность, мягкость, сочувствие, восприимчивость, нравственное чувство, совесть, чувство справедливости; способность к подражанию, мимика; Бог и религия; твердость, постоянство, упорство, стойкость [20, p. 93].

Из них десять являются общими для всех позвоночных, девять – для высших позвоночных, и только восемь свойственны исключительно людям. Череп состоит из "впадин" и бугров, возникающих в результате большего развития нижележащих зон мозга. Таким образом, человек по-прежнему остается на вершине иерархии живых существ. В этом смысле Галль является первым врачом, изучавшим зоны коры головного мозга и связанные с ними функции, а френология обретает "высокое призвание стать среди всех наук своего рода спайкой между анатомией, физиологией и неврологией" [21, p. 355].

Хотя авторитет френологии пошатнулся, в основном из-за того, что в XIX в. работодатели стали пользоваться ею при найме сотрудников

(а также из-за других случаев ее недолжного применения), Лафатер и Галль считаются отцами современной нейропсихологии и когнитивных нейронаук. На основании исследований Галля Поль Брока (1824–1880) сформулировал теорию, согласно которой функция речи локализована в особых зонах коры мозга, а Джон Хьюлингс Джексон (1835–1911) подтвердил эту теорию, проверив ее на пациентах с эпилепсией. Карта головного мозга Корбиниана Бродмана (1868–1918), основанная на клеточной структуре мозга, кора которого подразделялась на 52 области, свидетельствовала, что выполнение определенных функций сопровождается активизацией определенных зон. Данные теории послужили стимулом и для исследований в области когнитивных наук (Джерри Алана Фодора, Ноама Хомского, Марвина Минского, Джона Сёрля и др.) и нейронаук.

Возвращаясь к развитию физиогномики, следует рассмотреть и исследования Чарльза Дарвина: темная кожа, сильно изогнутые черты, большие глаза, приплюснутый нос, выступающие губы, жесткие волосы – это признаки, которые ученые в XIX в. считали пограничными между животным и человеком, и, по сравнению с традицией Аристотеля, Делла Порта и Лафатера, которые сравнивали человека и животное на основании внешнего сходства, здесь визуальная аналогия заменялась анализом поведения. Чарльз Дарвин и «многие другие ученые представляют и изображают животное не рядом с человеком, а внутри человека в эволюционном смысле. При этом человек в своем индивидуальном развитии “повторяет” развитие вида, от зачатия до зрелости» [19, p. 115].

В Германии Эрнст Геккель (1834–1919) популяризировал и распространял учение Дарвина. Его интерпретация помогла разработать “научную” теорию различия рас. В “Борьбе за эволюцию” он утверждает, что онтогенез, то есть биологическое развитие живого организма от эмбриона до взрослой стадии, повторяет филогенез, то есть развитие вида, что объясняет случаи атавизма, например, зооморфных лиц и примитивного поведения. Негры “с лохматыми волосами” не способны достичь подлинной внутренней культуры и высокого умственного развития [22]. Подобные утверждения, на первый взгляд безобидные, впоследствии были использованы национал-социализмом как научное обоснование теории превосходства арийской расы.

Рассматривая развитие физиогномики, нельзя обойти вниманием такую выдающуюся личность, как Чезаре Ломброзо (1835–1909): его теории неразрывно связаны с физиогномическими изысканиями. Он сводит различия между людьми к дихотомии норма/отклонение, в первую очередь опираясь на дарвиновскую теорию эволюции и на “научные” наблюдения, то есть объективно наблюдаемые параметры. Сразу же после объединения Италии, проводя медицинские осмотры в армии, Ломброзо задумывается, зависят ли различные патологии от “расы” или от среды, и убеждается, что стоило бы составить “карту” болезней, распространенных на полуострове: “Поскольку недавно совершилось наше желанное объединение, нам очень не хватает полного исследования медицинской географии всей Италии, подлинной медицинской карты полуострова, который наконец целиком стал нашим. Я полагаю, задача военных медиков – дать начало и основания этому делу” [23, p. 3–4].

Но решительный поворот совершился в 1870 г., когда во время вскрытия трупа Джузеппе Виллелла, калабрийца, неоднократно судимого и обвинявшегося в разбое, Ломброзо обнаружил в задней части черепа так называемую среднюю затылочную ямку. По его мнению, данная аномалия типична для поведенческих отклонений “преступного типа” и встречается у ряда примитивных животных Мадагаскара и у человеческого зародыша, но не у взрослых людей. Таким образом, была создана теория биологической предрасположенности к преступлениям, которая дала начало криминальной антропологии.

В своем знаменитом труде “Преступный человек” (1876), опираясь на эволюционистскую теорию Дарвина, Ломброзо утверждает, что наружность человека позволяет распознать в нем склонность к преступлениям, поскольку тело влияет на дух, тем самым выделяя в особую группу часть общества – физически ущербных людей.

У “прирожденного преступника” обычно маленькая голова, покатый лоб, резко очерченные скулы, подвижные, бегающие глаза, густые близко расположенные брови, искривленный нос, бледное или желтоватое лицо, редкая борода. Человек, место которого – в сумасшедшем доме или в тюрьме, во многих отношениях похож на дикаря своей слабой

чувствительностью к боли, непостоянством чувств, любовью к безделью и разврату, неприязнью к труду, религиозным фетишизмом. Чернокожий подобен обезьяне, точнее, нашим вероятным предкам, среди которых горилла, гиббон, бабуин, орангутанг. Допуская общее происхождение всех людей от обезьян и равную возможность прогресса, Ломброзо неоднократно подчеркивает очевидный разрыв между нормальным белым человеком и уродливыми лицами дикарей.

В “Белом человеке и цветном человеке” [24] он подчеркивает различия между европейцем и примитивным человеком – в основном телесные, то есть атавизмы, и способствует возникновению направления мысли, которое позже получит название “расизм”. Но он также выделяет и сходства между европейцем и неевропейцем – в частности способность любой популяции меняться под воздействием окружающей среды и культурных факторов, поскольку в некоторых популяциях, например, у американдов и евреев, естественный отбор изменил расу или вид к лучшему. Теория Ломброзо оказывается столь убедительной, что впоследствии будет использована расистскими мыслителями.

Хотя в XX в. физиогномика утратила свою роль систематической науки, в настоящее время она нашла себе место в большой семье семиотических дисциплин. Ее можно воспринимать как обширное междисциплинарное поле, включающее в себя все формы выражения тела, проявляющего какое-либо чувство или эмоцию. В эту область попадают даже некоторые лингвистические и психологические науки (паралингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, социолингвистика и, в целом, психологические и когнитивные науки).

Не стоит забывать и о большой роли, которую сыграли труды русского физиолога И.П. Павлова (1849–1936) с его теорией условных рефлексов, где физиологический и поведенческий аспекты изучаются синкретически в контексте социальных отношений. Данные исследования в первой половине XX в. создали базу для бихевиоризма, основанного Джоном Уотсоном, который утверждал, что психику можно изучать только через анализ поведения. Бертран Рассел тоже отмечал значимость открытий Павлова, заинтересовали эти исследования и Михаила Булгакова, вдохновив его на создание повести “Собачье сердце”. Труды и научные результаты Павлова повлияли и на Олдоса Хаксли с его “Дивным новым миром”, и на Томаса Пинчона в “Радуге тяготения”.

В настоящее время подобные исследования сосредоточиваются – как и в трактате Делла Порта – главным образом на особенностях лица (квадратная, овальная, удлиненная форма и т.д.) и его частей (глаза, нос, рот и т.д.) как в статическом аспекте, так и в динамических выражениях, то есть в движении лицевых мышц, которые связаны с “паралингвистическими” аспектами коммуникации, такими как интонация и модуляции голоса, имеющими, строго говоря, не лингвистическую природу, но придающими слову или фразе определенные оттенки или смыслы. Даже молчание в паралингвистической системе является формой коммуникации, и его характеристики в разных случаях бывают крайне разнообразными.

К данной сфере относится и изучение микровыражений (*Facial Action Coding System*), то есть выражений лица, которые возникают на долю секунды, как правило, в непредвиденных ситуациях, и являются абсолютно “искренними”, поскольку носят непроизвольный характер и не могут быть симулированы. Они относятся к кинестетической сфере семиотической физиогномики. В том же ключе следует рассматривать и другие непроизвольные феномены, например, покраснение или побледнение. На самом деле этот феномен в каком-то смысле наблюдал еще Лихтенберг, хотя и в другой форме и с другими целями, называя его “патогномикой”, к которой относил только “временные знаки чувств и эмоций”, или же те “мельчайшие черты, которые становятся заметными только при тесном личном знакомстве” [19, p. 61–63].

Таким образом, кинестетическая система включает в себя все коммуникативные акты, выраженные движениями тела – например, движения глаз (зрительный контакт между двумя людьми может нести множество разных смыслов, от интереса до вызова). Особое влияние на эту сферу оказывают социальный аспект и ситуация: например, в неловкой ситуации человек охотнее, чем обычно, опускает глаза. Еще один компонент кинестетической системы – лицевая *мимика*. Некоторые выражения (гнев, нетерпение, благодарность, радость и др.) хорошо распознаются в большинстве случаев, но не во всех: в зависимости от культурного уровня меняется и их

интерпретация. Кинестетическая система также включает в себя анализ жестов, особенно движений рук. Жесты рук как суперсегментный элемент лингвистического акта могут играть важную роль – подчеркивать смысл и значение фразы, а также указывать на возможность интерпретации, не соответствующей значению вербального сообщения.

Положение тела (стоя, сидя, лежа и т.д.) тоже крайне значимо: оно может определять конкретную позу, которая является правильной в той или иной ситуации (например, солдаты, стоящие по стойке смирно перед командующим), или же не столь строго заданную, но в целом соответствующую требованиям (например, правильная и достойная поза в ситуации официальной церемонии, собеседования при приеме на работу, ухаживания и т.д.) [25]; [26].

Финские исследователи из университета Аалто в 2013 г. попытались разработать первую телесную топографию эмоций на основании предположения, что каждая эмоция по-своему проявляется в нашем теле, посылая сигналы в определенную его часть. Например, от зависти "горит" лицо, злость находит соматическое выражение в груди и лице и т.д. Представляется, что во всем мире реакции человеческого тела одни и те же. Создание карты эмоций могло бы открыть новые пути в понимании расстройств настроения, таких как депрессия и тревожность (см. "Карта эмоций и реакций тела" в [27]).

Большой интерес представляют исследования, проведенные в США Оостерхофом и Тодоровым на кафедре психологии Принстонского университета [28]. Авторы разработали модель оценки выражений лица по двум ортогональным осям со значениями "доминирование" и "доверие", обратно пропорциональными друг другу; базовая модель нейтрального типа располагается по центру осей. Данный метод, по мысли авторов, позволяет получить непосредственную оценку личности.

Сейчас физиогномика еще не обладает достаточной научной строгостью, однако вызывает большой интерес у исследователей, поскольку, как мы видели, имеет междисциплинарный характер. Она используется при найме сотрудников в компаниях, при назначении на руководящие должности, при подборе персонала на телевидении, а также при формировании имиджа будущего кандидата в президенты США уже за три года до выборов.

Таким образом, физиогномические коды могут оказаться полезными в повседневной жизни (в новых дружеских или профессиональных контактах), когда эксперт-физиогномист непосредственно оценивает совокупность факторов и определяет, какого типа отношений можно или нужно придерживаться с тем или иным собеседником, что позволяет добиться лучшего знания себя и других, – впрочем, об этом говорил еще Делла Порта в своем трактате.

Перевод с итальянского А.В. Голубцовой, М.А. Ариас-Вихиль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Della Porta, G.B. *De humana physiognomonia Libri sex. A cura di A. Paolella*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 2011. 672 pp. (In Ital.)
2. Della Porta, G.B. *Coelestis Physiognomoniae Libri sex e in appendice "Della celeste fisonomia" Ed. critica a cura di A. Paolella*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 1996. 353 pp. (In Ital.)
3. Ghersetti, A. *Fisiognomica e stereotipi femminili nella cultura araba*. Quaderni di Studi Arabi, Vol. 14, 1996, pp. 195–206. (In Ital.)
4. Della Porta, G.B. *Della fisonomia dell' huomo Libri sei / ed. critica a cura di A. Paolella*. Napoli, Edizioni scientifiche italiane, 2013. 640 pp. (In Ital.)
5. Claudii Ptolemaei. *Apotelesmatica. Ed. F. Boll & E. Boer*. Leipzig: Teubner, 1940 (repr. 1957). 213 pp.
6. Link, L. *Il diavolo nell' arte: una maschera senza volto*. Milano, Mondadori, 2001, pp. 37–92. (In Ital.)
7. Leonardo Da Vinci. *Trattato della pittura condotto sul Codice Vaticano Urbinate 1270. Parte terza. Ristampa anastatica del volume edito nel 1890 dall' Unione cooperativa Editrice di Roma*. Roma, Grandi Tascabili Economici Newton, 1996. 324 pp. (In Ital.)
8. Ghirardelli, C. *Cefalogia fisonomica divisa in dieci Deche, dove conforme a documenti d' Aristotile e d' altri filosofi naturali, con brevi discorsi e diligenti osservationi si esaminano le Fisonomie di cento teste humane che intagliate si vedono in quest' Opera, Dalle quali per più segni e congetture si dimostrano varie inclinazioni di Huomini e donne, Di Cornelio Ghirardelli Bolognese, il Sollevato Academico Vespertino. Aggiuntivi altre tanti sonetti di diversi eccellenti Poeti e Academici, ne' quali le prefate fisonomie leggiadramente racolgonsi*. Bologna, presso gli Heredi di Evangelista Dozza & Compagni, 1630. 662 pp. (In Ital.)

9. Della Porta, G.B. *Metoposcopia. A cura di G. Aquilecchia*. Napoli, Istituto Suor Orsola Benincasa, 1990. 150 p. (In Ital.)

10. Cardano, G. *Metoposcopia: manuale per la lettura della fronte: interpretazione dei caratteri in base alle linee frontali e ai nei illustrato con ottocento immagini, con le corrispondenze astrologico-planetarie. A cura di A. Arecchi*. Milano, Mimesis, 2003. 206 pp. (In Ital.)

11. Aquilecchia, G. *La sconosciuta "Metoposcopia" di G.B. Della Porta, di una differenziata del Cardano e di quella del Magini attribuita allo Spontoni*. Nuove schede di italianistica. Roma, Salerno, 1994, pp. 240–259. (In Ital.)

12. Aquilecchia, G. *"In facie prudentis relucet sapientia". Appunti sulla letteratura metoposcopica tra Cinque e Seicento*. In: *Giovan Battista Della Porta nell' Europa del suo tempo*. Napoli, Guida Edit ori, 1990. (In Ital.)

13. Le Brun, C. *Le figure delle passioni: conferenze sull' espressione e la fisionomia. Ed. it. a cura di M. Giuffré*. Milano, R. Cortina, 1992. 134 pp. (In Ital.)

14. La Bruyère, J. de. *Les caractères de Theophraste traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle*. A Paris, chez Estienne Michallet, premier imprimeur du Roy, rue saint Jacques, à l' image saint Paul, 1696. 587 p. (In French.)

15. Camper, P. *Dissertation sur les variétés naturelles qui caractérisent la physionomie des hommes des divers climats et de differens âges. Suivie de reflexions sur la beauté; particulièrement sur celle de la tête; avec une manière nouvelle de dessiner toute sorte de têtes avec la plus grande exactitude*. Ouvrage posthume de m. Pierre Camper (publié par A.G. Camper) Traduit du Hollandois par H.J. Jansen. On y a joint une dissertation du même auteur sur la meilleure forme des souliers. Paris, chez H.J. Jansen imprimeur-libraire cloître Saint Honoré; à La Haye, chez J. Van Cleef libraire sur le Spuy, 1791. 168 pp. (In French.)

16. Onyemechi, P.A. *The Popes, the Catholic Church and the Transatlantic Enslavement of Black Africans 1418–1839*. Hildesheim, Georg Olms Verlag, 2017. 585 pp.

17. Lichtenberg, G.C. *Über Physiognomik wider die Physiognomen, tr. it. Sulla fisiognomica. A cura di Giulia Cantarutti*. Napoli: La scuola di Pitagora, 2017. 87 p. (In Ital.)

18. Gall, F.J., Spurzheim, J.G. *Anatomie et physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier, avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l' homme et des animaux par la configuration de leurs têtes*. Paris, F. Schoell, 1810–1819 (Paris, de l' imprimerie de D' Hautel, 1810–1819). 352 pp.

19. Rodler, L. *Il corpo specchio dell' anima. Teoria e storia della fisiognomica*. Mondadori: Milano, 2000. 208 p. (In Ital.)

20. Verardi, D. *L' organo dell' anima. Fisiognomica e fisiologia cerebrale in Franz Joseph Gall*. Psychofenia, Anno XIII, No. 22. 2010, pp. 87–108. (In Ital.)

21. Magli, P. *Il volto e l' anima. Fisiognomica e passioni*. Milano, Bompiani, 1995. 540 pp. (In Ital.)

22. Haeckel, E. *La lotta per l' evoluzione. Prima traduzione italiana autorizzata dall' autore di M. Domenichini*. Torino, UTET, 1908. 81 pp. (In Ital.)

23. Lombroso, C. *Cenni per una carta igienica d' Italia*. Milano, Chiusi, 1863. (In Ital.)

24. Lombroso, C. *L' uomo bianco e l' uomo di colore: letture sull' origine e la varietà delle razze umane*. Padova, Tip. F. Sacchetto, 1871. 126 pp. (In Ital.)

25. Hall, E.T. *La dimensione nascosta: il significato delle distanze tra i soggetti umani; pref. di U. Eco*. Milano: Bompiani, 1980. 258 pp. (In Ital.)

26. Landowski, É. *Rischiare nelle interazioni*. Milano: Franco Angeli, 2010. 132 p. (In Ital.)

27. Nummenmaa, L.; Glerean, E.; Hari, R.; Hietanen, J.K. *Bodily maps of emotions*. Proceedings of the National Academy of the USA, 2014, Vol. 111, No. 2, January 14, pp. 646–651.

28. Oosterhof, N.N., Todorov, A. *The functional basis of face evaluation*. Proceedings of the National Academy of the USA, 2008, Vol. 105, No. 32, August, pp. 11087–11092.

DOI: 10.31857/S241377150014550-8

О задачах и перспективах проекта «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского”»

© 2021 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Адм. Макарова, д. 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

Дата поступления материала в редакцию: 20 ноября 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье анализируется опыт создания научно-образовательной автоматизированной базы данных, созданной на основе программного продукта КАИСА, содержанием которой являются автографы Ф.М. Достоевского в виде TIFF файлов высокого разрешения – подготовительные материалы к его произведениям, записи дневникового характера, письма и другие документы, с демонстрацией на специально для этого созданном сайте https://dostoevskyarchive.pushdom.ru. Первый этап проекта выполнен при поддержке гранта РНФ, собраны и размещены в базе данных на сайте Пушкинского Дома все доступные на сегодняшний день автографы писателя. Дальнейшее развитие базы данных предполагает включение в нее публикаций его произведений, начиная с прижизненных, писем к писателю, других документов биографического характера, воспоминаний современников, литературы о творчестве писателя. Эти материалы систематизируются по жанрово-хронологическому принципу и снабжаются исчерпывающим историко-литературным комментарием. В статье анализируется ряд стратегических направлений в дальнейшем развитии проекта, включая инновационный способ датировки записей на основе спектрофотометрического анализа чернил и новые способы представления черновых рукописей в удобной для чтения форме – электронная дипломатическая транскрипция, которые приводят проект к формату универсального научно-образовательного достоеведческого интернет-ресурса, отвечающего запросам профессионального исследователя и полезного для студентов, школьников, пользователей любого уровня образования, интересующихся творчеством Достоевского.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского”».

Ключевые слова: цифровой архив, автографы Ф.М. Достоевского, автоматизированная база данных КАИСА, творческий процесс, произведения, письма, документы, мемуары.

Для цитирования: *Баршт К.А.* О задачах и перспективах проекта «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив Ф. М. Достоевского”» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 18–29. DOI: 10.31857/S241377150014550-8.

On the Goals and Prospects of the Project «Integrated Automated Database "United Digital Archive of F. M. Dostoevsky"»

© 2021 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Leading Researcher at the
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Admiral Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

Received by Editor on November 20, 2020
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article accounts for the practice of creating a scholarly-and-educational automated database created on the basis of the KAISA software product, the content of which is F.M. Dostoevsky's autographs in the form of high-resolution TIFF files — preparatory materials for his works, diary entries, letters and other documents, with a demonstration on a specially created website https://dostoevskyarchive.pushdom.ru. The first stage of the project was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation; there were collected and posted on the website of the Pushkin House all the autographs of the writer available to date. Further development of the database involves the inclusion of publications of his works, starting with the documents of his lifetime, letters to the writer, other biographical documents, memoirs of the contemporaries, literature about the writer's work. These materials are systematized according to the genre-chronological principle and are provided with an exhaustive historical and literary commentary. The article analyzes a number of strategic directions in the further development of the project, including an innovative method of dating records based on spectrophotometric analysis of ink and new ways of presenting draft manuscripts in an easy-to-read form — electronic diplomatic transcription, which turn the project into an accessible and open scholarly-and-educational Internet resource, which meets the needs of a professional researcher and is useful for university and high-school students, for users coming from different levels of education and interested in Dostoevsky's work.

Acknowledgements. The article is supported by the Russian Science Foundation (project 18-18-00263 «Integrated Automated Database "United Digital Archive of F.M. Dostoevsky"»).

Key words: Digital archive, F.M. Dostoevsky's autographs, automated database of KAISA, creative process, works, letters, documents, memoirs.

For citation: Barsht, K. A. O zadachah i perspektivah proekta «Kompleksnaya avtomatizirovannaya baza dannyh "Objedinennyj cifrovoj arhiv F.M. Dostoevskogo"» [On the Goals and Prospects of the Project «Integrated Automated Database "United Digital Archive of F.M. Dostoevsky"»]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 18—29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014550-8.

В настоящее время проект по созданию цифрового собрания рукописей Ф.М. Достоевского при финансовой поддержке Российского научного фонда находится в стадии завершения; созданный с этой целью сайт базы данных находится по адресу: https://dostoevskyarchive.pushdom.ru. История этого проекта уходит в теперь уже далекий 1993 год, когда впервые был поставлен вопрос об объединении в одно целое в форме цифровых копий всего творческого наследия писателя, начиная, разумеется, с его рукописей, сосредоточенных в разных архивохранилищах. Тогда в Международном фонде спасения Петербурга-Ленинграда при деятельном участии члена Совета фонда академика Д.С. Лихачева была разработана идея объединения всех рукописей Ф.М. Достоевского, хранящихся в разных музеях и архивах, в единое целое с помощью копий высокого разрешения. Мысль поддержал президент фонда Анатолий Александрович Собчак, далее был ряд консультаций в нашей

стране и за рубежом — в Британской библиотеке, архивах Бельгии и др. В процессе разработки этой концепции был изучен опыт отечественных и зарубежных цифровых архивохранилищ, в тот период времени еще весьма небольшой; было выяснено, что идея находится на переднем крае концептосферы гуманитарной науки. Согласно основному замыслу, помимо всех рукописей Достоевского, в проект должно было войти новое Полное собрание сочинений писателя, освобожденное от идеологической цензуры, и научная литература о писателе. Для руководства проектом была создана редакционная коллегия издания под председательством Бориса Федоровича Егорова, куда вошли, помимо автора этих строк, В.А. Туниманов, К.А. Степанян, В.А. Викторович, В.Н. Захаров и И.Л. Волгин. Проект, однако, не был завершен из-за политических событий: в 1995 г. А.А. Собчак покинул пост мэра города и финансирование программы было прервано.

В отличие от тех времен, сегодня убеждать кого-либо в том, что за цифровыми технологиями в гуманитарных науках стоит большое будущее, уже нет никакой надобности. Большое количество интернет-ресурсов, посвященных творчеству отдельных писателей или определенным разделам истории русской литературы, не дает в этом усомниться. Доступность текстов по теме исследования в виде PDF-файлов в последние годы неуклонно возрастает, избавляя от необходимости терять время и силы на посещение библиотеки, тем более — в другом городе, а подчас и в другой стране. Вместе с этим растет скорость обмена научной информацией, что особенно актуально сегодня, в период пандемии коронавируса. Самым распространенным способом преодоления дистанции, отделяющей исследователя от какого-либо текста, становится электронная библиотека, или ресурс, предоставляющий возможность его чтения или скачивания. Практически все научные журналы предоставляют сегодня онлайн-доступ к своим изданиям. Особое значение и все большую роль в снабжении научной общественности нужными материалами играют электронные архивы, число которых с каждом годом стремительно увеличивается, и сейчас уже практически нет ни одного хранилища, которое не располагало бы цифровыми технологиями для снабжения читателей материалами, сделанными на заказ или оцифрованными и вывешенными на сайте. Популярность обрела и идея объединенного цифрового архива, собрания, в котором в цифровой форме соединяются в одно целое все известные рукописи писателя, разбросанные по многим хранилищам различных городов и стран. Тем самым преодолевается искусственная и ничем не оправданная раздробленность наследия писателя, а также создаются условия для более эффективной исследовательской работы, избавляя ученого от необходимости изготавливать многочисленные “ходатайства” и метаться между различными организациями в поиске нужного документа.

Задача создания научного достоеведческого интернет-портала соответствует политическим решениям руководства страны, распоряжению Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011—2020 годы)”», который 9 мая 2017 г. был продолжен указом Президента РФ № 203 “О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы”. Новое информационное пространство страны и мира должно, со всей очевидностью, базироваться на высших культурных ценностях, объединяющих народы и национальные культуры, к которым несомненно принадлежит и творческое наследие Достоевского, сама личность которого воплощает собой высочайший уровень гуманитарной культуры. Понимание этого факта отразилось в принятии “Программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011—2020 гг.” [1], ряде других документов, смысл которых сводится к всемерному развитию цифровых технологий в сфере науки и культуры.

Разрешение оцифровки 1200 dpi, выбранное для проекта “Цифровой архив Достоевского”, — это итог тщательного изучения вопроса. В качестве эпиграфа этим поискам можно использовать реплику заведующей читальным залом РГАЛИ Екатерины Мерабовны Гунашвили: «Сначала читатель изучает цифровую копию, а потом говорит: “А принесите-ка мне оригинал!”». Тестируя цифровые копии, сделанные в разных разрешениях, мы сделали вывод, что сегодняшней филологической науке нужна оцифровка высокого качества, исключающая необходимость обращения к оригиналам, что тем более важно, если, как в случае с Достоевским, рукописи находятся

на сейфовом хранении и входят в список особо оберегаемых. Названное разрешение дает информацию о документе, значительно превосходящую возможности прямого изучения оригинала даже в руках читателя, вооруженного лупой, позволяя увеличить букву документа до таких размеров, которые предоставляют исследователю максимально высокий уровень информативности источника, избавляющей от ошибок и создающей условия для его правильного прочтения. Применительно к рукописям Ф.М. Достоевского это дает возможность значительно более ясно читать запутанную скоропись писателя в его “записных тетрадях” и тем самым помогает повысить уровень научной достоверности публикаций. К настоящему моменту в цифровом архиве размещено: РГАЛИ – 2878 стр., ОР РГБ – 4182 стр., РНБ – 182 стр., РО ИРЛИ – 1875 стр., Музей Бахрушина – 11 стр., Музей музыки – 2 стр. Особенностью нашего цифрового хранилища является то, что его структурной единицей является не обычная для архивов “единица хранения”, но страница. Это объясняется тем, что нередко разные страницы одного и того же документа находятся в разных единицах хранения или даже в разных архивах, а в пределах одной тетради расположены записи самого различного свойства – подготовительные материалы, дневниковые заметки, черновики писем, цифровые подсчеты и пр. Некоторые страницы, которые при съемке не помещались в размер А4, в пределах которого выполнялось требование высокого разрешения 1200 dpi, снимались по частям, поэтому количество отснятых страниц отличается от количества страниц автографов, введенных в базу данных. Общая схема описания автографов в “Цифровом архиве Достоевского” выглядит следующим образом:

1. размер публикуемой страницы документа,

2. его основные характеристики (рукопись произведения, письмо, официальный документ и пр.),

3. место хранения оригинала – фонд, опись, единица хранения, номер страницы,

4. датировка (или крайние даты создания документа),

5. места его публикации,

6. аннотация.

Каждая страница фонда автографов Достоевского получает в базе данных свою страницу на сайте, где представлены вышеуказанные данные, с приложением миниатюры (образа) документа, одновременно представляющего собой ссылку на сам документ.

Цифровые копии высокого разрешения выполняют важную научную функцию и одновременно важнейшую культурную, предохраняя оригиналы рукописей от лишних прикосновений и неизбежного в таком случае материального разрушения. Сканирование в процессе выполнения проекта производилось на специально подобранном бесконтактном сканере, который совмещал в себе два важных свойства: небольшие размеры и мобильность, а также большую матрицу, дающую в формате А4 разрешение 1200 pdi. Этим требованиям удовлетворила разработка фирмы “Microbox” (Германия) на основе камеры K71, с дополнением в виде специальных светодиодных ламп, снабженных линзами Френеля, избавляющих световой поток от бликов, ультрафиолетового и инфракрасного излучения, подобранных для того, чтобы в процессе работы не нанести вреда рукописям. Выбор оборудования и практическое сканирование осуществлялись с учетом существующих на сегодняшний день теоретических разработок [2]. Точная настройка сканера проводилась с использованием цветных, нейтрально-белых и нейтрально-серых шкал и специальных мишеней для настройки глубины резкости; для компенсации прозрачности листа оригинала, что в ряде случаев создавало информационный шум, особенно выраженный при сканировании писем, использовались листы непроницаемой для света черной бумаги. Страницы большого формата снимали по частям, строго соблюдая выполнение общего принципа съемки – формат TIFF и 1200 dpi [3, с. 218–232]. Особой заботой цифровых архивистов является сохранение отснятых материалов, что является не менее важной и сложной задачей, чем хранение оригиналов рукописей. В результате различного рода компьютерных сбоев нередко теряется важная информация, и потому файлы рукописей Достоевского нуждаются в специальной защите. В связи с этим нами применено резервное копирование в режиме нон-стоп, позволяющее обеспечить гарантированную сохранность документа в случае форс-мажорных обстоятельств, что обеспечивается работой двух серверов, с дисковыми полками по 96 ТБ каждая, снабженными RAID-системой.

На настоящем первом этапе нами подготовлены автографы писателя в виде файлов высокого разрешения. Логика такого выбора основана на факте прямого отношения этих материалов к центральной смысловой оси портала, творческому процессу писателя [4, с. 70–91]. На следующем, втором этапе работы предполагается размещение в базе данных текстов его произведений, во всех опубликованных версиях, начиная с прижизненных изданий и кончая современными. Далее следуют письма к Достоевскому и архивные документы, фиксирующие факты и обстоятельства его жизни и творчества. Отдельным, вероятно, самым сложным и трудоемким этапом станет собирание литературы о творчестве писателя, начиная с прижизненной критики и кончая современными исследованиями. Необходимо также будет собрать комплекс артефактов, в той или иной форме интерпретирующих его творческое наследие, – театральные и киносценарии, фильмы, инсталляции, выставки, фестивали, музеи, памятные места, общественные объединения и пр.

Важное значение в этом деле играет IT-составляющая, простое "выкладывание" текстовых или медиафайлов в сети уходит в прошлое. Система КАИСА имеет значительный набор функций, создающих условия для выполнения в автоматическом режиме многих операций, например, в "поиске" можно задать определенный период времени или имя, и база данных выдаст документы, относящиеся к этому периоду времени или связанные с указанными именем, что предоставляет новые возможности для выяснения аллюзивного плана произведений Достоевского. Кроме того, в процесс работы над проектом "Цифровой архив Достоевского" КАИСА получила новой облик – из нее были исключены некоторые не требующиеся для нужд цифрового архива разделы и добавлены новые, однако будущее серьезное расширение материальной основы базы данных потребует дальнейшего расширения функционала системы, увеличения количества рубрик и разделов, по которым будет распределен более многообразный материал. Основанный на специально адаптированной для нужд архива рукописей Достоевского автоматизированной системе КАИСА, созданной усилиями фирмы "Альт-Софт" [5, с. 72–75], расширенный проект "Достоевский" должен получить новый импульс в развитии, сохраняя в себе проверенную временем основу и обретая новые функции, позволяющие обратить научную базу данных в легкий в использовании инструмент для работы, в удаленном доступе предоставляющий информацию по широкому кругу вопросов, касающихся творчества Достоевского и обстоятельств его жизненного пути. Это, в свою очередь, потребует дополнительного оборудования, в дополнение к приобретенным для первого этапа развития проекта двум сканерам на основе камеры K71 фирмы "Microbox" и двум серверам, на которых хранится информация базы данных и функционирует сайт.

Помимо черновых и беловых рукописей произведений, писем и деловых бумаг, составляющих основу рукописного наследия Достоевского, существует еще масса документов, которых не касалась его рука, но имевших самое непосредственное отношение к его творческому процессу. Речь идет о письмах к Достоевскому, на которые он отвечал, над которыми задумывался, а некоторые из которых даже упоминал в своих произведениях или цитировал полностью, например, письмо потенциального самоубийцы, студента N в "Дневнике писателя" [6, с. 46–148]. Некоторые из писем к Достоевскому играли значительную роль в формировании новых замыслов или влияли на изменение сюжета произведения, над которым он работал. Так произошло с романом "Бесы" в процессе переписки с редакторами "Русского вестника" М.Н. Катковым и Н.А. Любимовым. Эти материалы также часть того, что мы можем причислить к наследию Достоевского, они фиксируют в себе набор фактов, имен, названий, событий, на которые текстуально реагировал писатель, работая над очередным произведением. Несомненно, что в перспективе расширения проекта "Цифрового Достоевского" необходимо предусмотреть публикацию полного комплекта этих документов. Невзирая на то, что это потребует значительных усилий, ведь этот эпистолярий по своему объему многократно превышает количество писем, написанных самим писателем и к настоящему времени входящих в научную базу.

Материальное наполнение нашего цифрового архива может и обязано быть дополнено мемуарной литературой, другими современными жизни писателя документами, в которых содержатся информация о событиях его жизни, имеющих существенное значение именах и датах. Определенную ценность имеют официальные бумаги, связанные с обучением

будущего писателя в Главном инженерном училище и его государственной службой (1838–1844), пребыванием в заключении и в ссылке (1849–1859), цензурной историей его произведений, а также журналов “Время”, “Эпоха”, “Гражданин” и “Дневник писателя”. К этому необходимо также присовокупить архивные документы, фиксирующие факты бытовой жизни писателя, например, связанные с его пребыванием в детские годы в деревне Даровое Тульской губернии в 1830-е годы. Каждый из этих документов должен быть воспроизведен в виде файла с высоким разрешением и получить научный паспорт, в котором отражаются все известные источниковедческие данные, его текст с необходимым историко-литературным комментарием, а также сопутствующая библиография, указывающая на известные более ранние публикации этого документа. Эти материалы должны быть расположены по избранному в нашем цифровом архиве хронолого-тематическому принципу, позволяющему исследователю легко найти требуемый источник, а также логически связывающему его с другими материалами архива с помощью именного и предметного указателей.

Второй слой текстов, требующих включения в научную базу “Достоевский”, – научные, критические и интерпретаторские работы о творчестве Достоевского, это чрезвычайно объемный комплекс, который также может быть организован по тематико-хронологическому принципу. Здесь программа-минимум – полная и достоверная библиография мирового достоеведения на языках оригиналов и в переводе на русский, с публикацией избранных трудов; программа-максимум – воспроизведение всех релевантных публикаций о творчестве Достоевского на языках оригиналов, с переводом на русский язык. Структурной единицей этого раздела базы данных является самодостаточный артефакт, что, как указывалось выше, в отношении черновых рукописей означает одну страницу документа, в медиальных материалах – один эстетический феномен (фильм, картина, сценарий, скульптура и пр.). Каждый из них должен получить полное археографическое описание, включающее в себя известную датировку (или хронологические рамки создания документа), библиографический список его публикаций, набор упоминаемых имен и названий, с указанием места хранения оригинала и краткой аннотацией.

Семантически насыщенный аллюзивный план произведений и писем Достоевского, связывающий его творчество с тысячами самых различных текстов, требует восстановления в цифровом формате библиотеки Достоевского, предоставляющей доступ к прочитанным или упомянутым писателем в его произведениях книгам. Базовая основа для такого ресурса существует [7]; [8]; [9], но эти данные со всей очевидностью нуждаются в существенном уточнении и дополнении. Учитывая немалое международное значение такого портала, важно подготовить его английскую версию, что, разумеется, требует немалых финансовых вложений, однако, совершенно оправданных.

По мере возможности, портал “Достоевский” должен включать с себя все известные и релевантные на сегодняшний день материалы, связанные с именем писателя, представленные в базе данных в соответствующих цифровых форматах их фиксации (вербальные тексты, изобразительные материалы, видео и звуковые). Отбор материала окажется здесь насущно необходим, так как подавляющая масса связанных с именем писателя текстов и событий не имеет необходимого уровня научной и культурной ценности. Например, постановка произведения Достоевского в школьном драмкружке или меню ресторана “Достоевский”. Отбор не должен осуществляться каким-либо лицом, пусть и самой высокой квалификации, но исключительно и только силами специально созданного для этого редакционного совета в составе не менее пяти человек. Организация этого материала должна быть простой и прозрачной, сочетая в себе высокий уровень научной достоверности и доступности широкому кругу пользователей, предоставляя не просто набор текстов, картинок и видео, но строгую и точно организованную систему знаний о писателе, доступных науке и в культурном отношении релевантных для настоящего времени.

Отсюда ясно, что данный научный продукт – не навеки застывшая масса сведений, документов и эстетических событий, но живой развивающийся организм, который должен пополняться по мере появления новых исследований, уточняющих или дополняющих наши знания о жизни и творчестве писателя. Это должен быть постоянно возрастающий научно-информационный и культурно-образовательный сетевой узел, интегрирующий

усилия отечественного и мирового сообщества в изучении творчества писателя. Материалы должны быть сгруппированы хронологически, а также тематически и подчиняться предметному и именному указателям на уровне гиперссылок. Этот блок текстов на несколько порядков превышает то, что написал сам Достоевский, и, конечно, эта работа по составлению списков, поиску нужных книг и статей, их оцифровке потребует немалых трудозатрат. Однако полученный в результате научный продукт искупит затраченные усилия, существенно продвигая качество изучения творчества классика мировой литературы, произведения которого являются одной и самых высоких ценностей мировой культуры.

В рамках этой основной функции в описанном научном продукте также необходим научный журнал, в котором будут публиковаться новые статьи и монографии, иные материалы, попадающие в тематическую сферу портала. В основу этого периодического издания можно было бы положить научный сборник Пушкинского Дома “Достоевский. Материалы и исследования”, старейшее периодическое научное достоеведческое издание страны. При журнале может существовать научный форум, в котором могут обсуждаться как старые, так и новые научные концепции и сведения о творчестве Достоевского.

Таким образом, проект предполагает пять основных функций, определяющих его развитие, включающих общекультурные и научные цели: 1) создание удобного для работы исследовательского IT-инструмента в виде автоматизированной базы данных, распределяющей материалы в релевантные в научном отношении кластеры, отвечающей интересам пользователя любого уровня квалификации, предоставляющей точную и адекватно оформленную информацию о любом периоде или любом произведении Достоевского, 2) предохранение оригиналов рукописей Ф.М. Достоевского, хранящихся в архивах, от материального износа, который неизбежен при каждом обращении к ним читателя, 3) возвращение рукописей Достоевского в естественное для них состояние единства, в котором они возникли внутри творческого процесса писателя, 4) просветительская и образовательная составляющие, нацеленные на обучение школьников, студентов, всех интересующихся творчеством писателя, 5) научно-исследовательская функция, нацеленная на решение методологических задач, сопутствующих выполнению проекта, для чего требуется создание оснащенной современным оборудованием компьютерной лаборатории. В круг возникающих вопросов входит администрирование портала, обеспечение поддержки функционирования сайта, руководство форумом и техническое редактирование контента, а также научно-исследовательская работа, в том числе перевод рукописных текстов писателя в формат дипломатической транскрипции для репрезентации рукописей Достоевского на сайте и уточнение датировки автографов писателя с неясной или неопределенной датировкой с помощью современных научных методов, в частности методом спектрофотометрии. Возможно, в процессе работы возникнут и иные вопросы, для решения которых понадобится привлечь силы программистов.

Необходимость перевода черновых рукописей Достоевского в формат дипломатической транскрипции диктуется следующими соображениями. Автографы писателя, а также в равной степени творческие рукописи и письма должны быть воспроизведены на сайте “Достоевский” в таком виде, который обеспечивал бы им читаемость с сохранением максимума информации, которую возможно извлечь из страницы рукописи. Этой задаче отвечает электронная дипломатическая транскрипция. Такое решение диктуется материалом, самим способом записи, который выработал Достоевский и который характеризуется сочетанием нескольких знаковых систем [10, с. 307–347], обычные в таком случае вербальные записи у него сочетаются с рисунками и каллиграфическими прописями [11]. Стремясь обеспечить себе максимальную свободу в сюжетной организации описываемых событий, писатель пришел к такому способу фиксирования идей на бумаге, который приближал его к искомой словесной форме, но одновременно был формой *несловесной,* а также мог быть использован и вместе с обычной словесной записью. Продуктивность использования графических и вербальных языков, которыми насыщена рукопись Достоевского, основана на том, что в результате семантического взаимодействия между разными языками и текстами в пределах двух каналов связи, автокоммуникации и коммуникации, с повышенной активностью генерируются новые смыслы. Для того чтобы выработать новую форму, писателю было необходимо освободить слово от власти клише; идеографический язык

формирует значения из такого рода знаков, в котором денотаты легко снимаются со своих привычных мест, понятия обретают новый семантический статус или возвращаются к своему первоначальному состоянию, лишаясь своего референта и погружаясь в пучину контекстуальных связей. В этом и заключается главная причина, по которой Достоевский часто прибегал к рисуночному и “иероглифическому” письму, переходя затем на язык вербально-идеографический (“каллиграфия”) и, далее, вербальный (черновая запись).

Семиотические взаимодействия внутри системы страницы идут и на уровне языка, и на уровне сообщения, в рамках этого принципа все рисунки и записи, все знаки, какие мы можем обнаружить на странице рукописи, вне зависимости от их привлекательности, понятности или свойств внешнего оформления, обладают принципиально одинаковой информационной ценностью. Такой подход требует признания рукописи Достоевского протяженной динамической системой, продолжающимся семиозисом, в котором все репрезентированные знаки функционально необходимы единому дискурсивному целому. Многоканальность текстового процесса в творчестве Достоевского не является основанием для утверждения, что этот процесс разбит на не связанные между собой фрагменты. Для осмысления стратегии текстового процесса Достоевского мало хронологического расслоения его рукописей, необходимо найти пути движения художественной идеи по линиям различных знаковых форматов. На требуемом уровне текстологического сбережения смысла мы принимаем страницу рукописи Достоевского как модель пространства-времени будущего художественного мира, где в семиотическом взаимодействии происходит взаимное означивание компонентов поэтического языка и зарождается художественная форма. Множественность способов записи в процессе творческой автокоммуникации объясняет секрет философской и художнической продуктивности Достоевского. Высокую смысловую насыщенность своих записных тетрадей писатель хорошо осознавал, бережно их сохраняя и называя их местом хранения “зачатий художественных мыслей”, поэтому научная ценность пространственного расположения этих записей и рисунков не может быть оспорена. Достоевский в своих “письменных книгах” разработал идеографическую (понятийную) модель записи, которую можно и нужно отобразить с максимальной полнотой, ни в коем случае не урезать, как это делалось ранее во всех публикациях рукописей Достоевского, и не дописывать ее по своему разумению, но лишь сделать ее читаемой; на этом пути полноты воспроизведения реальности страницы в сочетании с прочитанным текстом можно найти адекватный способ воспроизведения страниц тетрадей Достоевского.

Чем больше мы посягаем на структуру, тем больше страдает сообщение, которое мы пытаемся воспроизвести во всей его полноте. Но эта полнота становится мифом, если мы разрушаем или изменяем естественные связи между знаками, установленные самим автором. Важно отметить, что сообщение с максимальной информацией (с невысоким уровнем избыточности) может выглядеть как полностью лишенное смысла, что и происходит нередко с непонятными для нас графемами в рукописях Достоевского. Известно, что избыточность (смысловая прочность, основанная на дублировании сем) французского языка – 55%, английского – 50%, русского – 40% (именно это обстоятельство заставляло О. Мандельштама считать русский язык самым удобным для поэзии). Уровень избыточности языка творческой рукописи Достоевского значительно меньше названных цифр, такое предположение можно сделать, исходя из того, что большая часть записей в тетради писателя – акты автокоммуникации. При правильном подходе к черновым рукописям писателя важно не только извлечь оттуда все, что, по нашему мнению, относится к работе над завершенным произведением, – подход, который преобладает в издании академических собраний сочинений, – но и в том, чтобы приблизиться к пониманию того, как совершался в сознании писателя творческий процесс. При воспроизведении текста следует учитывать сложившуюся в нем систему ценностей (что было значимо для самого писателя), а не пытаться навязать ему наши ценности и приоритеты. Второе – что именно входит в текст черновика и имело смысл для писателя. Следует признать, что дипломатическая транскрипция рукописи Достоевского – новый уровень текстологического уважения и доверия к писателю, когда в центре внимания исследователя оказываются не только некие привлекшие его внимание строки, но творческий процесс автора как единство, требующее прочтения в том виде, в каком оно сложилось.

Когда мы встречаем в рукописи знаки различных типов, мысль об “отборе” должна быть отброшена как ненаучная. Весь вопрос заключается в том, что мы имеем дело не с окончательным завершенным текстом, но слепком незавершенного процесса, чаще на его начальной стадии. Отсюда возникает требование построения такой формы публикации, при которой были бы учтены все параметры рукописи, все находящиеся на странице знаки, вне зависимости от того, насколько близки они нашему представлению о письменном тексте.

Исходя из этого базового принципа, при создании транскрипции черновых записей Достоевского необходимо сохранить баланс между читаемостью и точностью отображения образа страницы. Для воспроизведения рукописного текста будет применена распространенная гарнитура Times New Roman (курсив) в роли графически нейтральной; в черновых записях Достоевского, выполненных скорописью, графика почерка практически никогда не несет специальной смысловой нагрузки и потому может быть передана хорошо читаемым и простым шрифтом; в соответствии с академическими нормами текст воспроизводится по правилам современной орфографии. Транскрипция передает оригинальные физические размеры букв рукописного текста, от 9 до 18 кегля, с некоторым огрублением размера (кратно 0,5 кегля); равным образом (кратно 0,5 интервала) был выдержан междустрочный интервал (от 0,5 до 1,5 см), учтено также расстояние между словами в строках и между буквами в отдельных записях — в отдельных случаях применен разреженный шрифт. Знаки препинания (и в редких случаях знаки ударения) служат дополнительными маркерами соответствия печатного текста топографии рукописного листа; сохраняются печать архива, пагинация, случайные росчерки и загрязнения, записи, просвечивающие с оборотной стороны листа; неразобранные слова и сочетания букв даются в оригинале. Карандашные записи в транскрипции передаются серым цветом, записи чернилами — черным; в случаях, когда одна или несколько букв исправлены на иные (новый вариант написан поверх прежнего), последний правильный вариант передается цветом, соответствующим инструменту письма, исправленный вариант — цветом выцветшим (более рыжим по отношению к цвету чернил), при этом буквы смещаются, чтобы исправление могло быть читаемым. Слово “господин” остается в транскрипции в оригинальном сокращенном виде — “г.”, “г-н”; слово “рубль” в различных формах в транскрипции не дописывается и передается в том виде, в котором оно дано в рукописи, — “р.”, “руб.”; слово “подписчики”, встречающееся на странице несколько раз, дописывается на этой странице единожды, далее передается как в рукописи — “подп.”, “под.”. Текст транскрипции набирался поверх рукописного текста: сохранено направление строки, начало и конец печатного слова, насколько это возможно, соответствуют слову рукописному (в транскрипции применяются различные кегли и интервалы); в тех случаях, когда точное расположение слова могло бы помешать его читаемости, печатное слово может быть незначительно смещено по отношению к рукописному. Перевод вербального текста в типографский набор сочетается с сохранением всех остальных знаков идеографии Достоевского в оригинальном виде: рисунков, знаков пунктуации, дефисов и тире между словами, подчеркиваний отдельных слов и строк, линий, отделяющих друг от друга текстовые блоки или рисунки, нумераций фрагментов, рамок, росчерков и каллиграфических прописей. Зачеркнутые записи сохраняют в транскрипции оригинальную линию зачеркивания. Эти параметры транскрипции связываются общей задачей: сочетать доступность текста с максимальной точностью воспроизведения всех слоев рукописи, всех языков, участвующих образовании смысла. Недописанные слова воспроизводятся в оригинале, с продолжением, воспроизведенным полупрозрачным шрифтом. Точное воспроизведение внешнего облика страниц тетрадей в сочетании с доступным для чтения форматом обеспечивается сохранением пространственного расположения текстовых блоков на странице. Количество слов в каждой строке идентично рукописи; знаки препинания и иные невербальные знаки, оставленные рукой Достоевского, сохраняются на странице без изменений. Знаки препинания, расставленные издателями в соответствии с нормой, но не обнаруженные нами в рукописи, опускаются. Каждая запись, требующая объяснений, комментируется в транскрипции с помощью инструмента гиперссылки. Силами научного коллектива Пушкинского Дома осуществлен пилотный проект дипломатической транскрипции “Первой” записной тетради Ф.М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 3), опубликован на сайте Пушкинского

Дома[1]. В настоящее время при финансовой поддержке РФФИ идет работа над четырьмя тетрадями с подготовительными материалами к роману “Бесы” (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8 и 9; ОР РГБ. Ф. 93. Оп. 1. Ед. хр. 4 и 5).

Необходимость спектрографического анализа рукописей Достоевского определяется тем, что мы до сих пор не знаем, когда были написаны многие фразы, содержащиеся в “записных тетрадях” Достоевского, на сей счет по сей день нет убедительных свидетельств, и нет решения этого вопроса в рамках традиционных методов текстологии. В Полном собрании сочинений писателя до сих пор мы видим датировки такого характера: “от осени 1864 года до осени 1865”, что разумеется, датировкой назвать нельзя, скорее, это констатация отсутствия датировки, особенно в случае, когда речь идет о творческой истории романа “Преступление и наказание”, который был создан примерно за два года. Причина заключается в том, что писатель обычно открывал тетрадь на любой странице и делал запись в любом направлении и, как правило, не обращая внимания на присутствующий странице текст, в лучшем случае отчеркивая его горизонтальной линией. Эти “хаос” и “тьму египетскую” зафиксировали еще сто лет назад первые исследователи рукописей Достоевского, заметив, что записи “переплетаются, запутываются”, но главная трудность состоит в том, что “то же самое и с порядком страниц”, а иногда писатель делал записи и вовсе “вверх ногами” [12, с. 6–7]. Кроме того, довольно часто Достоевский делал заметки и поправки, читая свои старые записи и в более поздние годы, и на странице, где уже были записи, появлялись новые. О предписанной последовательности слов в таком тексте можно говорить с большой осторожностью, отсюда, фактически, нам неизвестна история создания его романов “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы”, “Подросток” и “Братья Карамазовы”, мы имеем об этом весьма приблизительное представление, чаще всего подверстывая его отдельные записи в “подготовительных материалах” под ту или иную понравившуюся нам концепцию, навеянную сюжетом окончательного текста произведения. История создания писателем его больших романов – во многом вымышленная история, потому что мы привязываем записи к априорному представлению о том, как шло развитие замысла, в то время как необходимо сделать прямо наоборот – сначала установить, когда была сделана та или иная запись, выстроить их в хронологическом порядке и лишь затем формировать из них историю создания произведения. Современные технологии предлагают возможность решения этой проблемы. Речь идет о спектрофотометрическом анализе чернил, которыми пользовался писатель, это были органические орешковые чернила, изготавливаемые кустарно. Они покупались небольшими партиями, и каждая из этих партий имела неповторимый химический состав [13]; [14]; [15]; [16] и, соответственно, неповторимый спектрографический паспорт.

Метод спектрофотометрии достаточно хорошо известен и широко применяется в астрономии, микробиологии, криминалистике, других областях науки и общественной практики. Новизна заключается в том, что он предлагается для идентификации и последующей датировки рукописного документа. Важное для применимости в текстологии свойство этого метода заключается в неразрушающем характере исследований, поскольку оптическое излучение малой интенсивности не оказывает никакого влияния на свойства и состояние исследуемого образца. Для определения спектрофотометрических свойств материал освещают оптическим излучением с заданным спектром, проводят съемку цифровой фотокамерой высокого разрешения, далее регистрируют отраженное излучение, содержащее информацию о спектральных свойствах материала, т.е. о его химическом составе, что предоставляет данные для выяснения сходства или различия между страницами “тетради” или отдельными записями. Опираясь на авторские даты в рукописях и письмах Достоевского как своеобразные “маячки”, мы получаем каркас хронологии, который дополняется данными, полученными в результате анализа всех типов чернил, привязанных к определенным датам. Некоторые успехи на этом пути уже есть. В процессе разработки метода был осуществлен пробный анализ “Сибирской тетради” Достоевского. Выяснено, что, вопреки сложившемуся представлению, писатель изготовил тетрадь на каторге и вписывал туда фразы, услышанные от заключенных, первые три четверти тетради были написаны единовременно, то есть переписаны с неизвестного источника, вероятно, по памяти и/или с небольших листочков бумаги, которые он хранил в корешке

[1] См.: http://lib2.pushkinskijdom.ru, интернет-проекты Пушкинского Дома.

Евангелия, подаренного ему декабристками. И, главное, произошло это не в Омске, а в Семипалатинске в августе 1855 г., когда он получил звание унтер-офицера и переехал из казармы на съемную квартиру, открыв для себя тем самым возможность литературной работы [17, с. 20–44].

Сегодня катастрофический разрыв в технической оснащенности гуманитарных и точных наук настолько велик, что трудно сравнивать техническую базу физической или химической лаборатории и, например, оснащение архива, где хранятся рукописи русских писателей. С другой стороны, уровень достижений в области применения методики спектрофотометрии в последние годы резко вырос, мы же делаем только первые шаги в этом направлении. Предыдущие исследования в этом направлении дали ценный научный материал, но одновременно показали и узкие места примененной технологии. Сейчас речь идет о выводе этих исследований на качественно новый уровень, что особенно актуально для проекта научного интернет-портала "Достоевский", поможет решению конкретных задач и окажется серьезным вкладом в фундаментальное исследование возможностей применения спектрофотометрии в текстологии. Создание компьютерной лаборатории в процессе создания научно-образовательного интернет-портала "Достоевский" будет необходимым средством для успешного продвижения проекта, поможет решению проблем, существующих на сегодняшний день, и тех, которые могут возникнуть в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова на расширенном заседании коллегии Росархива (Москва, 20 марта 2018 г.) URL: http://archives.ru/reporting/report-artizov-2018-kollegia.shtml
2. *Юмашева Ю.Ю.* Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. М., 2012.
3. *Кощиенко И.В.* Цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского: от методологии к практике (на примере рукописного отдела Пушкинского Дома) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 218–232.
4. *Баршт К.А., Гунашвили Е.М., Кощиенко И.В., Кравчук И.А., Чихалова Ю.М.* Об источниках и целях формирования Цифрового архива Ф.М. Достоевского // Сборники Президентской библиотеки. Сер. Электронная библиотека. Вып. 9: Гуманитарные исследования и цифровая среда: наука и практика. СПб., 2019. С. 70–91.
5. *Гринфельд П.А., Мерсадыкова Т.Е., Гунашвили Е.М., Кощиенко И.В.* Межархивная информационная система для формирования полного цифрового архива рукописей Ф.М. Достоевского // Отечественные архивы. 2019. № 1. С. 72–75.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 23. Л., 1981. С. 146–148.
7. *Гроссман Л.* Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога издательства А.А. Ивасенко. Одесса, 1919.
8. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005.
9. *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004. СПб., 2011.
10. *Баршт К.А.* Языки творческой рукописи Ф.М. Достоевского. Экфрасис в творческой работе Ф.М. Достоевского // Баршт К.А. Достоевский: этимология повествованияя. СПб., 2019. С. 307–347.
11. *Баршт К.А.* Рисунки и каллиграфия Ф.М. Достоевского. От изображения к слову. Бергамо, 2016.
12. *Гливенко И.И.* Предисловие // Из архива Ф.М. Достоевского: "Преступление и наказание": Неизданные материалы. М., 1931.
13 *Ипполитов В.П.* Приготовление различного рода чернил, туши, штемпельной и типографской красок. СПб., 1881.
14. *Леонгард А.А.* Руководство к приготовлению чернил. Описание способов приготовления и собрание лучших рецептов. СПб., 1897.
15. Производство чернил / Под ред. Ф. Гезеллиуса. СПб., 1907.
16. *Ленер З.* Производство чернил: Общедоступное руководство для фабрикации разных писчих, конторских, гектографских и всевозможных чернил / Пер. с нем. Ф.М. Гольберга. СПб., 1910.
17. *Баршт К.А., Соколова Т.С., Райхель Б.С.* О методе цифровой спектрофотометрии в изучении рукописи писателя (на примере "Сибирской тетради" Ф.М. Достоевского) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 4. С. 20–44.

REFERENCES

1. *Doklad rukovoditelya Federal'nogo arkhivnogo agentstva A.N. Artizova na rasshirennom zasedanii kollegii Rosarkhiva (Moskva, 20 marta 2018 g.)* [Report of the Head of the Federal Archival Agency A.N. Artizov at the Extended Meeting of the Board of the Federal Archive]. URL: http://archives.ru/reporting/report-artizov-2018-kollegia.shtml (In Russ.)
2. Yumasheva, Yu.Yu. *Metodicheskie rekomendatsii po elektronnomu kopirovaniyu arkhivnykh dokumentov i upravleniyu poluchennym informatsionnym massivom* [Methodological Recommendations for Electronic Copying of Archival Documents and Management of the Received Information Array]. Moscow, 2012. (In Russ.)
3. Koshchienko, I.V. *Tsifrovoy arkhiv rukopisey F.M. Dostoevskogo: ot metodologii k praktike (na primere rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma)* [Digital Archive of Dostoevsky's Manuscripts: From Methodology to Practice (On the Example of the Manuscript Department of the Pushkin House)]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 22. St. Petersburg, 2019, pp. 218–232. (In Russ.)
4. Barsht, K.A., Gunashvili, E.M., Koshchienko, I.V., Kravchuk, I.A., Chikhalova, Yu.M. *Ob istochnikakh i tselyakh formirovaniya tsifrovogo arkhiva F.M. Dostoevskogo* [On the Sources and Purposes of Forming of the Digital Archive of F.M. Dostoevsky]. *Sborniki Prezidentskoy biblioteki. Ser. Elektronnaya biblioteka. Vyp. 9: Gumanitarnye issledovaniya i tsifrovaya sreda: nauka i praktika* [Collections of the Presidential Library. Ser. Electronic Library. Issue 9: Humanitarian Research and Digital Environment: Science and Practice]. St. Petersburg, 2019, pp. 70–91. (In Russ.)
5. Grinfeld, P.A. Mersadykova, T.E., Gunashvili, E.M., Koshchienko, I.V. *Mezharkhivnaya informatsionnaya sistema dlya formirovaniya polnogo tsifrovogo arkhiva rukopisey F.M. Dostoevskogo* [Interarchive Information System for the Formation of a Complete Digital Archive of Dostoevsky's Manuscripts]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives]. 2019, No. 1, pp. 72–75. (In Russ.)
6. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Vol. 23. Leningrad, 1981, pp. 146–148. (In Russ.)
7. Grossman, L. *Biblioteka Dostoevskogo. Po neizdannym materialam. S prilozheniem kataloga izdatelstva A.A. Ivasenko.* [Dostoevsky Library. Based on Unreleased Materials. With the Appendix of the Catalog of the Publishing House of A.A. Ivasenko]. Odessa, 1919. (In Russ.)
8. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Library of F.M. Dostoevsky: the Experience of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)
9. Belov, S.V. *F.M. Dostoevskiy. Ukazatel proizvedeniy F.M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004* [Dostoevsky. Index of the Works of F.M. Dostoevsky and Literature about him in Russian, 1844–2004.] St. Petersburg, 2011. (In Russ.)
10. Barsht, K.A. *Yazyki tvorcheskoy rukopisi F.M. Dostoevskogo. Ekfrasis v tvorcheskoy rabote F.M. Dostoevskogo* [Languages of the Creative Manuscript of F.M. Dostoevsky. Ekphrasis in the Creative Work of F.M. Dostoevskiy]. Barsht, K.A. *Dostoevskiy: etimologiya povestvovaniyaya* [Dostoevsky: Etymology of Narration]. St. Petersburg, 2019, pp. 307–347. (In Russ.)
11. Barsht, K.A. *Risunki i kalligrafiya F.M. Dostoevskogo. Ot izobrazheniya k slovu* [Drawings and Calligraphy by F.M. Dostoevsky. From Image to Word]. Bergamo, 2016. (In Russ.)
12. Glivenko, I.I. *Predislovie. Iz arkhiva F.M. Dostoevskogo: "Prestuplenie i nakazanie": Neizdannye materialy* [Preface. From the Archive of F.M. Dostoevsky: "Crime And Punishment": Unpublished Materials]. Moscow, 1931. (In Russ.)
13. Ippolitov, V.P. *Prigotovlenie razlichnogo roda chernil, tushi, shtempelnoy i tipografskoy krasok* [Preparation of Various Types of Ink, Stamp and Printing Inks]. St. Petersburg, 1881. (In Russ.)
14. Leongard, A.A. *Rukovodstvo k prigotovleniyu chernil. Opisanie sposobov prigotovleniya i sobranie luchshikh retseptov* [Guide to the Preparation of Ink. Description of Cooking Methods and Collection of the Best Recipes]. St. Petersburg, 1897. (In Russ.)
15. *Proizvodstvo chernil. Pod red. F. Gezelliusa* [Ink Production. Gezellius, F. (Ed.)]. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
16. Lener, Z. *Proizvodstvo chernil: Obshchedostupnoe rukovodstvo dlya fabrikatsii raznykh pischikh, kontorskikh, gektografskikh i vsevozmozhnykh chernil. Per. s nem. F.M. Golberga* [Production of Ink: A General Guide for the Fabrication of Various Writing, Office, Hecto-Graphic and All Kinds of Ink. Transl. from Germ. Golberg, F.M.]. St. Petersburg, 1910. (In Russ.)
17. Barsht, K.A., Sokolova, T.S., Raykhel, B.S. *O metode tsifrovoy spektrofotometrii v izuchenii rukopisi pisatelya (na primere "Sibirskoy tetradi" F.M. Dostoevskogo)* [On the Method of Digital Spectrophotometry in the Study of the Writer's Manuscript (On the Example of the "Siberian Notebook" by F.M. Dostoevsky)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2012, Vol. 71, No. 4, pp. 20–44. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 30–37

DOI: 10.31857/S241377150014551-9

М. Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка

© 2021 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ivinskij@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 2 октября 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Статья посвящена интерпретации лингвистического наследия М.Н. Муравьева. Воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, он написал целый ряд текстов, посвященных вопросам генезиса и эволюции русского литературного языка. Данные произведения практически не привлекали внимания исследователей, которые отказывали им в оригинальности и сводили к прагматическим педагогическим задачам. Однако, как мы показываем, языковые статьи Муравьева должны рассматриваться в едином контексте с его историческими трудами, а также быть соотнесены с культурным проектом Екатерины II. В этой перспективе муравьевская “лингвистика” оказывается едва ли не важнейшей частью его творчества. Так, писатель, вослед императрице, доказывал древность и богатство русского языка, а следовательно, и истории, и культуры. При этом ключевой объект критики Муравьева – Фридрих II. В оценке его политики поэт совпал с Екатериной II: прусский король был признан человеком, который не понял основного механизма развития национальной придворной культуры. Как следствие, его претензии на культурную и политическую гегемонию были отвергнуты. Таким образом, Муравьев использовал идеи и наработки Екатерины II, структурировал ее наблюдения и предложил своим венценосным ученикам понятную и легко усваиваемую концепцию развития отечественной культуры в целом и русского языка в частности.

Ключевые слова: Екатерина II, М.Н. Муравьев, Фридрих II, “Собеседник любителей российского слова”.

Для цитирования: *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 30–37. DOI: 10.31857/S241377150014551-9.

Mikhail Muravyev, Catherine II and Friedrich II: On the Status of the Russian Language

© 2021 Alexander D. Ivinskij

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Received by Editor on October 2, 2020
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article focuses on the interpretation of the linguistic heritage of M.N. Muravyev. A Tutor to Grand Dukes Alexander and Konstantin Pavlovich, he wrote a series of texts on the genesis and evolution of the Russian literary language. The researchers denied the originality of these works and underestimated them as texts concerned just with pragmatic pedagogical tasks. However, as we demonstrate, Muravyev's linguistic articles were directly connected to the cultural project of Catherine II. The writer, following the Empress, argued for the antiquity of the Russian language, and consequently, history and culture as well. At the same time, the key object of Muravyev's criticism was Friedrich II. Muravyev, as well as Catherine the Great, assumed that the Prussian king did not understand the main mechanism for the development of national court culture. As a result, his claims to cultural and political hegemony were rejected. Thus, Muravyov used the ideas of Catherine II's linguistic works, structured the material, and offered his students a clear and vivid concept of the development of the Russian language and national culture, in general.

Key words: Catherine II, Mikhail Muravyev, Frederic II, "Companion of Lovers of Russian Letters".

For citation: Ivinskij, A.D. *M.N. Muravyev, Ekaterina II i Fridrikh I: k voprosu o statuse literaturnogo yazyka* [Mikhail Muravyev, Catherine II and Friedrich II: On the Status of the Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 30–37. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014551-9.

Фридрих II – один из крупнейших политиков европейского Просвещения, влияние его на культуру Германии, а косвенно и других стран трудно переоценить. За его проектами внимательно следили в Петербурге: Екатерина II, познакомившаяся с королем Пруссии еще в юности, на протяжении своей жизни конкурировала с ним за звание "главного просветителя" на троне и не раз полемизировала с ним.

История этого противостояния пока не написана, однако некоторые, как нам представляется, центральные сюжеты конкуренции монархов в культурном поле мы уже наметили в прежних работах. Так, нам приходилось писать о том, что, создавая свой знаменитый "Наказ", императрица полемизировала, в частности, с Фридрихом II [1, с. 7–11]. Программа журнала "Собеседник любителей российского слова" (1783–1784), который должен был, по замыслу императрицы, перестроить придворную словесность, строилась во многом на отталкивании от галломании Фридриха II. Король, как известно, даже собственные сочинения – конечно, не без помощи Вольтера – писал по-французски, немецкий же он третировал как язык "варварский", недостойный развитого человека. Екатерина II же, напротив, выдвинула идею литературы, которая, с одной стороны, впитывала бы ключевые идеи современности, а с другой – не забывала бы о национальных корнях – истории и языке, поэтому в "Собеседнике" декларировался отказ от публикации переводных сочинений. Таким образом, Екатерина II свой "национальный" проект развития культуры противопоставила "космополитизму" прусского короля, что, повторим, не означало отказа от достижений французских или немецких писателей и философов (об этом подробнее см.: [1, с. 50–55], [2, с. 372–382]).

В центре данного проекта Екатерины II – языковая программа, которая представляла собой сложный синтез тех идей, которые впоследствии повлияли и на Шишкова, и на Карамзина, а позднее ассоциировались со славянофилами и западниками [1, с. 86–92].

Если история екатерининских лингвистических штудий в общих чертах известна [3]; [4]; [5], то до сих пор оставалось неясным, каким образом ее проект эволюционировал и каким образом он "перешел" в XIX век. В данной работе мы остановимся на одном специальном сюжете: в центре нашего внимания будет М.Н. Муравьев, который оказался своеобразным посредником между двумя поколениями русских писателей и филологов. Насколько мы можем судить, если бы не внешние обстоятельства, Муравьев не обратился к этим вопросам. Изначально он должен был решить вполне прагматическую задачу – выстроить преподавание языка и словесности для великих князей Александра и Константина Павловичей. Для этого он написал серию статей, которая практически не привлекала внимание исследователей. Возможно, их отталкивала "вторичность" сочинений Муравьева (даже В.Н. Топоров в своем авторитетном исследовании, посвященном Муравьеву, ограничился самыми краткими характеристиками

его филологического наследия и пространными цитатами из заметок писателя, см.: [6, с. 778–790]). Однако именно эта “вторичность”, с нашей точки зрения, заслуживает самого пристального внимания. Не претендуя на оригинальность, Муравьев в своих “педагогических текстах” структурировал разрозненный материал екатерининских трудов, дополнил их своими примерами и в итоге способствовал интеллектуальному оформлению лингвистической концепции императрицы, а следовательно, и всего ее культурного проекта.

Отметим, что одновременно с этим Муравьев, по сути, сходным образом работал с историческими трудами Екатерины II. Обратившись к ее “Запискам касательно российской истории”, он сократил и скомпоновал данный текст таким образом, чтобы его легко могли усвоить венценосные ученики. Вместе с тем, он не стремился к упрощению или сглаживанию противоречий, исторические заметки Муравьева могут и, по-видимому, должны оцениваться как самостоятельные труды, которые, в свою очередь, в ключевых – идеологических – моментах повлияли на Н.М. Карамзина, в этой перспективе оказывающегося наследником императрицы и Муравьева (об этом подробнее см.: [7]).

Таким образом, муравьевские лингвистические и исторические сочинения, с одной стороны, ретроспективно помогают выявить важнейшие черты екатерининского имперского проекта, а с другой – прочерчивают линию идеологической преемственности от Екатерины II к Карамзину, а через него и к В.А. Жуковскому и его кругу, включая К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского и А.С. Пушкина. О значимости данных текстов свидетельствуют по крайней мере два факта. Во-первых, Муравьев, как хорошо известно, практически не публиковался, исключение же в зрелые годы он сделал только для своих “педагогических” произведений [8]. Во-вторых, неслучайно Карамзин, уже после смерти Муравьева, подготовил к печати не лирику или драматургию своего старшего современника и отчасти покровителя, а исторические и филологические заметки, которые он собрал в два тома “Опытов истории, словесности и нравоучения” [9]. Приведем небольшую цитату из предисловия к данному изданию:

> Говорить ли о редких знаниях покойника? Все главные произведения разума человеческого, древние и новые языки, науки исторические, умозрительные и естественные были ему известны. В последние годы жизни, пользуясь справедливою доверенностию Монарха, им обожаемого, и будучи обременен делами по Государственной службе, он не оставлял без внимания ни одной хорошей книги, выходившей в свет на каком-нибудь языке Европейском. Страсть к учению равнялась в нем только с страстию к добродетели [9, Ч. 1, с. 2–3].

Отметим, что “страсть к учению” здесь прямо связана с “государственной службой” и “доверенностию монарха”.

Затем Карамзин, Жуковский и Батюшков выпустили собрание сочинений Муравьева в трех томах [10], в этом издании также проза безусловно доминировала над поэзией, а “дидактика” – над изящной словесностью. Таким образом, ближайшие соратники и ученики создавали в первую очередь образ Муравьева-учителя и “теоретика”, в меньшей степени – “чувствительного” прозаика, поэт же и вовсе оказался вытеснен на периферию.

Проблеме литературного языка вообще и русского языка в частности посвящен целый ряд сочинений Муравьева. Ключевой текст, с нашей точки зрения, – “Предпочтение природного языка”. В данной заметке он анализировал немецкий опыт культурного развития и, вослед Екатерине II, критиковал Фридриха II за “вредное предрассуждение” – за то, что тот предпочитал родному языку чужой:

> Перемена в рассуждении Немецкого языка была столь быстра и внезапна, что великий Фридрих, воспитанный во вредном предрассуждении против своего природного языка, не мог быть переуверен в том, что современные с ним стихотворцы и писатели Немецкие не имеют уже ничего общего с педантами, которые им предшествовали. Напрасно славный Министр его Герцберг, с которым он иногда забавлялся от Государственных дел снисходить к предметам вкуса и умствования, старался ему доказать доводами, что презрение его к отечественному языку несправедливо: Фридрих Великий предпочитал французский язык своему природному [8, с. 36–37].

Отметим несколько деталей: во-первых, равнодушие Фридриха II к своему языку здесь объяснялось презрением к “педантам”, к тем писателям, которые оказались вне утонченной придворной культуры, строившейся по французским моделям; во-вторых, такое отношение к национальной культуре признавалось предрассудком, человеку же, который выбирал подобный путь, отказывали в способности слышать “голос разума”, носителем которого в данном случае оказался министр Герцберг.

С точки зрения Муравьева, главная ошибка Фридриха II заключалась в том, что он не понял или проигнорировал “механизм” конструирования литературного поля. Прусский король был противопоставлен Людовику XIV, который, напротив, отдал себе отчет в том, что великая литература возникает тогда, когда власть покровительствует писателям. Последние же, став “частью” двора, и должны были создать блестящий литературный язык. Таким образом, Муравьев воспроизвел в данной заметке классическую концепцию придворной словесности, в которой монарх — ключевой игрок, а одновременно и арбитр. Покровительствуя поэтам, то приближая одних, то отталкивая других, он создавал ту достаточно гибкую модель, которая обеспечила обновление литературного языка и привела к культурной гегемонии Франции:

Он <Фридрих II. — *А.И.*> не принимал во уважение, что и французский язык достиг сего сияния в столетие Лудвига <sic! — *А.И.*> XIV по большой части помощию сильного покровительства, которым Монарх сей удостоивал великих писателей. Расин и Буало, приняты в отборное его общество, последовали ему в сияющих его походах или увеселительных поездках. Корнелий, на одре смерти, испытывал доказательства благоволения его. Часто Мольер читывал ему еще неоконченные свои комедии, и между тем как лицемерие и безрассудное мщение хотели похитить торжество его, запрещением играть Тартюфа, оскорбленный живописец сердца, отряжал одного из товарищей своих во Фландрию, в лагерь Лудвига Великого, с прошением защитить бессмертное его произведение. Победитель Монса и Намюра не почел ниже себя попечение покровительствовать дарованию, которое делало честь веку его и может быть будущим [8, с. 37—38].

В трактовке сложных взаимоотношений Людовика XIV и Мольера Муравьев также следовал концепции Екатерины II, которая была сформулирована в “Собеседнике”[1]: власть покровительствует поэтам, которые затем прославляют монарха и сохраняют его имя в вечности (см. об этом подробнее: [1, с. 62—72]).

При этом Муравьев подчеркивал диалектическую природу этого процесса: литература, созданная двором, в результате изменила сам высший свет: “приятность” и “легкость” общения стали обязательным свойством “честного человека”:

Кроме сих великих писателей, не было придворного человека, благородной женщины, которые не умели бы изъясняться с приятностию и не полагали в числе отличений своих преимущество хорошо говорить и писать на природном языке своем. Многия дамы, украшение пола своего, перенесли природные и неподражаемые приятности разума своего в сочинения повидимому легкие и нетщательные, но к которым не может подделаться ни какое искуство. Госпожа Севинье Лафаиет и другие оставили образцы писания. Уединенной ученой не может охватить сии нежные обороты языка, которое употребление общества посвещает. Прилежание и рассеяние попеременно способствовали к обогащению языка толь многими приятностями, что он внесен почти в число классических языков Европы, прежде нежели перестал быть, равно с древними, ежедневным употреблением народа [8, с. 38].

Итак, Муравьев полагал, что Фридрих II совершил двойную ошибку: с одной стороны, предпочитая чужой язык, он тормозил развитие своего, а с другой — и на самом деле это гораздо более серьезная проблема — прусский король поставил под сомнение саму возможность эволюции придворного общества, а следовательно, и всей национальной культуры. Если же это так, то имплицитно высказывалось сомнение в обоснованности претензий Фридриха II на звание просвещенного государя. В подтексте же оказывалась мысль о том, что Екатерина II, в отличие от Фридриха II, усвоила опыт Людовика XIV и последовательно обновляла русскую культуру, учитывая и корректируя французскую модель. Нам приходилось уже писать о том, что именно императрица в “Собеседнике” противопоставляла “педантам” придворных писателей, которых отличали “приятство” и “легкость”, она же ориентировалась на дамскую аудиторию; таким образом, смягчение нравов и развитие словесности оказались в едином контексте конструирования монархом подлинной светской культуры (об этом подробнее см.: [1, с. 86—92]).

Свою аргументацию Муравьев развил в статье “Взгляд на историю писмен”. Он писал о том, что вопрос о литературном языке выходит далеко за рамки изящной словесности и прямо характеризует уровень развития государства:

Язык сообразуется всегда со степению просвещения, которой достиг народ, его употребляющий. Недостаточен, груб, без красоты и согласия у диких, он заключает столько слов, сколько народ знает нужд и ощущений. Медлительное последование времени расширяет округ понятий и обогащает язык новыми выражениями. Одни сильные и знаменитые народы говорили прекрасными и обильными языками, которые пережили и падение своих

[1] Напомним, кстати, что Муравьев печатался в “Собеседнике” [10, Ч. 2. С. 130].

народов, увековеченные в книгах великих писателей. Таковы суть языки Греческой и Латинской, которые составляют услаждение людей изящного вкуса и дарований и сохраняют образцы писания для всех языков и столетий [10, Ч. 3, с. 169].

Как и Екатерина II ранее, Муравьев связывал язык и репутацию национальной культуры на международной арене. Проще говоря, без изящных "писмен" монарх не может рассчитывать на место в когорте подлинно просвещенных государей. Во "Взгляде на историю письмен" Муравьев, в частности, писал:

...цветущее состояние письмен всегда встречается с знаменитейшими периодами Государственного могущества. Язык только тогда приемлет на себя знамение прекрасного и выработанного языка, когда разум и вкус народа достигли вышней степени изящества, тогда же становится он и предметом Государственного внимания. Приобретая более гибкости и выражения, слово наполняется всеми оттениваниями мысли. Изображаемая чувствительными и последовательными знаками, мысль выражается сильнее и богатее. Взаимным слиянием слово и разум достигают вместе последней черты совершенства [10, Ч. 3, с. 170–171].

Муравьев в данном случае переформулировал ту мысль, которую мы уже разбирали выше: состояние национальной литературы говорит в первую очередь об уровне развития страны. Чем больше писателей и чем ярче их сочинения, тем выше престиж монархии. Литература и власть оказались объединены едиными целями в рамках имперского проекта.

При этом "французская модель" не предполагала слепого копирования: и Муравьев, и Екатерина II описывали русский имперский проект в контексте *translatio studii*.

Муравьев отказывался видеть в Античности исключительно и только притягательный и по определению недостижимый идеал "златого века". Напротив, для него история человечества – это опыт борьбы с "невежеством" и "грубостью", поэтому даже Древняя Греция должна была пройти определенный путь культурной эволюции, который только со временем привел греков к литературным шедеврам. Об этом Муравьев подробно написал в заметке "Рождение писем <sic! – *А.И.*>":

Кадм принес азбуку в Грецию. Страна сия, навсегда любопытная для человеческого разума, чувствительно изникала из дикости, по мере как превосходные люди, прославленные ею под именем Героев, *Орфеи, Амфионы, Лины, Мусеи*, сообщали народу, посредством сладостных стихов, величественные понятия мудрости. Первые мудрецы и богословы Еллинские были стихотворцы. Прежде было обольщаемо воображение, нежели убеждаем разум. Мудрецы замыкали в кратких стихах правила нравоучения. Притчи, иносказания, которых изобретатель *Есоп* известен поздному потомству, сокрывали полезные истины под видом вымысла. Греция ознаменовывает себя между тем блестящими предприятиями. Поход Аргонавтов и еще более война Троянская возвеличивает дух общественной. Восстает бессмертный разум Гомеров, коего слава умножается своею древностию. *Гезиод*, соревнователь его, дает наставления земледелию. Является в Афинах великое позорище Трагедии. Целый народ, самый просвещеннейший в Греции, приходит поучаться мудрости в творениях *Есхила, Софокла и Еврипида* [8, с. 43–44].

Кадм – один из важнейших героев исторической концепции Муравьева, именно с ним он сопоставил Владимира. Киевский князь в культуре России сыграл ту же роль, что и Кадм – в греческой:

Кадм, один из героев пришельцов, просветивших дикую Грецию, принес из Финикии первые письмена в оную. Тридцать веков спустя, Владимир святой и великий заимствовав от Греков православную веру, присвоил и начертания письмен их Российскому языку. Таким образом изобретения разума преемлются столетиями и путешествуя по вселенной с одного края на другой с торговлею, войною, переселениями народными, служат целому человеческому роду [10, Ч. 3, с. 172].

Но если "изобретения" "путешествуют" "по вселенной с одного края на другой", то Россия оказывается "равной" Франции или любой другой державе, ведь все они когда-то получили первичный импульс к культурному развитию, заимствовали что-то у соседей, а значит, не имеют права на сколько-нибудь уникальный статус. Очевидно, этот вывод мог экстраполироваться на большую политику, в которой "равноправие" на международной арене открывало перспективы для самой широкой экспансии. При этом сразу отметим, что русский язык в этой специфической перспективе оказывался "наследником" финикийского, а следовательно, по определению должен был признаваться если не более древним, чем современные европейские, то по крайней мере *столь же* древним. Эта мысль очевидным образом восходила к "имперской этимологии" Екатерины II (см.: [5]).

Муравьев исходил в своих построениях из классической идеи неразрывной связи *translatio studii* и *translatio imperii*, поэтому история культуры для него – это во многом история империи. В статье "Успехи человеческого разума" он набросал краткий ее очерк.

Важнейший этап в развитии западной культуры – экспансия Рима:

Просвещение возрастало всегда с успехами народных обществ и служило к соединению и возвеличению человеческого рода, так, что не можно совершенно отлучить перемены гражданские от судьбы Наук. <...> Греки сохраняют над покорителями своими сие влияние, которое дает превосходство просвещения. Их Философия и писмена распростираются по вселенной с оружием Римлян. Во время Августово человеческий разум достигал вторично высоты своего совершенства [10, Ч. 3, с. 180–81].

Падение Империи привело к торжеству варварства, "дикости" и "свирепства", перед нами традиционная картина "темных веков":

Империя Римская рушилась огромностию и веками развращения. Северные варвары ниспровергли ее и раздробили области. *Готфы, Алане и Гунны* принесли из пещер и пустынь своих дикость и свирепство. Просвещение было везде подавлено, разум ожесточен и презрен. Всеобщее нещастие, соединяющее все ужаснейшие бедствия, опечалило землю. Медлительно утихали сии громления, преставали взаимные нашествия, векам должно было уврачевать приключенное зло [10, Ч. 3, с. 181].

Возрождение империи и подлинной культуры произошло в "итальянских областях", важнейший признак ренессанса – "открытие" Вергилия:

Между тем торговля Италиянских областей, возбужденная предприятиями благочестивых завоевателей, ввела некоторый вкус роскоши, который отменно благоприятен искуствам. Около того же времени, открытие Римских прав в *Амалфи* обратило к ним любопытство ученых, и подало Государям новый способ ограничить власть сильных Вассалов: ибо важнейшие судебные дела были с того времени решимы в Государственных судилищах, составленных не из военных людей, но из гражданских законоведцов. В сем спокойствии, которое следует за долговременным волнением, нравы приобрели некоторую степень возвышения, и усыпленный разум человеческого рода стал чувствительно пробуждаться. Писания великих творцов Августова века были извлечены из праха, в котором сокрывались оные, и Петрарк с благоговением читал Виргилия [10, Ч. 3, с. 183].

Таким образом, классическая филологическая эрудиция, с точки зрения Муравьева, – знак принадлежности страны к великой культуре[2]: условно говоря, без Вергилия невозможны ни подлинное развитие, ни сильная империя. Однако изучение "писаний" "великих творцов Августова века" требует серьезной подготовки. Поэтому неслучайно Петр I, создавая российскую империю, понял, что военные или экономические успехи невозможны без реформы образования. В статье "Воспитание" Муравьев, с одной стороны, связал петровский, а значит и екатерининский, проект с Карлом Великим, а с другой – показал, какой сложный путь прошла Россия от первых училищ и Академии наук до Московского университета, от Миниха до Шувалова:

Карл Великий основывает Академию в собственных чертогах своих и как член оной старается об исправлении языка своего. Россия никогда не была чужда письмен, по причине сообщения своего с Грециею. ПЕТР Великой призвал в пределы ее искуства и науки. По его слову, юные дворяне Российские рассыпались по всем странам Европы для перенесения, по примеру Государя своего, какого нибудь знания в Россию. От предводителя воинств до ремесленника все были сотворение его. Открылись училища в полках; Академия наук от него приняла устав свой; Морская Академия давала ему мореходцов. В 1732 году славной Миних основал Кадетской корпус. Елисавета Петровна по предстательству И.И. Шувалова учредила Московской университет в 1754 году [10, Ч. 3, с. 202].

Как видим, Муравьев снова вернулся к мысли, которая нам уже хорошо знакома: Петр I, как и Карл Великий, старался "об исправлении языка своего". Более того, Россия обязана своей культурой Греции, а значит, претендовала на особое место на карте Европы, ей не нужны были "посредники" в постижении ключевых культурных смыслов, она их получила напрямую.

Итак, статус проблемы литературного языка оказался исключительно высок, а лингвистическая концепция Муравьева в ключевых своих положениях обнаруживает прямую зависимость от трудов Екатерины II и сводится к следующему. Во-первых, русский язык и русская культура могут строиться только при покровительстве монарха и в рамках придворного общества, которое должно тонко балансировать на грани "своего" и "чужого", "светского" и "ученого". Во-вторых, просвещенная империя обязана заниматься развитием национального языка и культуры, опыт Фридриха II признан ошибочным. В-третьих, поскольку русская культура является наследницей и преемницей Финикии, Греции и империи Карла Великого, Российская империя входит в ограниченное число великих держав, которым суждено вершить судьбы мира.

[2] Об этом подробнее см., напр.: [11]; [12]; [13]; [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: журнал “Собеседник любителей российского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.
2. *Вачева А.* Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2015. 719 с.
3. *Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в Собеседнике княгини Дашковой. СПб., 1877. 18 с.
4. *Key M.R.* Catherine the Great’s Linguistic Contribution. Edmonton, 1980.
5. *Ивинский А.Д.* Екатерина II и “Сравнительные словари всех языков и наречий” // Русская речь. 2016. № 5. С. 75–81.
6. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
7. *Ивинский А.Д.* Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах “Истории государства российского” // Литературоведческий журнал. 2016. № 40. С. 146–167.
8. *Муравьев М.Н.* Опыты истории, писмен и нравоучения. СПб., 1796. 150 с.
9. *Муравьев М.Н.* Опыты истории, словесности и нравоучения. М.: Унив. тип., 1810. Ч. 1. 353 с. Ч. 2. 283 с.
10. *Муравьев М.Н.* Полн. собр. сочинений. СПб.: Тип. Росс. Акад., 1819–1820. Ч. 1. 350 с. Ч. 2. 404 с. Ч. 3. 324 с.
11. *Росси Л.* Вергилий Муравьева: к проблеме гуманизма в России // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. № 33 (2005). С. 73–79.
12. *Росси Л.* Наследие гуманизма в русской культуре конца XVIII – начала XIX века // Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk. Łódź: Wydawnictwo Universitetu Łódzkiego, 2008. С. 77–85.
13. *Ленчиненко М.В., Любжин А.И.* Издания Гомера в библиотеке М.Н. и Н.М. Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XX. СПб.: Наука, 2016. С. 634–644.
14. *Ленчиненко М.В.* И лиры нежный глас еще не онемел...: М.Н. Муравьев – читатель Овидия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XV. СПб.: РАН, 2011. С. 331–339.

REFERENCES

1. Ivinskij, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: zhurnal “Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova”* [Catherine II’s Literary Politics: Magazine “Companion of Lovers of Russian Letters”]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)
2. Vacheva, A. *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Posterity from Catherine II. The Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of Empress]. Sofia, 2015. 719 p. (In Russ.)
3. Grot, Ya.K. *Sotrudnichestvo Ekateriny II v Sobesednike kniagini Dashkovoi* [The Collaboration of Catherine II with Princess Dashkova’s “Companion”]. St. Petersburg, 1877. 18 p. (In Russ.)
4. Key, M.R. *Catherine the Great’s Linguistic Contribution*. Edmonton, 1980.
5. Ivinskij, A.D. *Ekaterina II i “Sravnitel’nye slovari vsekh iazykov i narechii”* [Catherine II and *The Comparative Vocabularies of all Languages*]. *Russkaia rech* [Russian Speech]. 2016, No. 5, pp. 75–81. (In Russ.)
6. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniia, materialy, publikatsii. M.N. Muravjev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [Toporov V.N. From the History of Russian Literature. Vol 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Studies, Materials, Publications. M.N. Muravyev: Introduction to the Heritage. Part 1]. Moscow, 2001. 912 p. (In Russ.)
7. Ivinskij, A.D. *Ekaterina II, M.N. Muravjev i Karamzin: K voprosu kontekstakh “Istorii gosudarstva rossiiskogo”* [Catherine II, Muravyev and Karamzin: On the Contexts of *The History of Russian State*]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [The Journal of Literary Studies]. 2016, No. 40, pp. 146–167. (In Russ.)
8. Muravyev, M.N. *Opyty istorii, pismen i nravoucheniia* [Essays in History, Literature and Morals]. St. Petersburg, 1796. 150 p. (In Russ.)
9. Muravyev M.N. *Opyty istorii, slovesnosti i nravoucheniia* [Essays in History, Literature and Morals]. Moscow, 1810. Part 1. 353 p. Part 2. 283 p. (In Russ.)
10. Muravyev, M.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Collection of Works]. St. Petersburg, 1819–1820. Part 1. 350 p. Part 2. 404 p. Part 3. 324 p. (In Russ.)
11. Rossi, L. *Vergilii Muravjeva: k probleme gumanizma v Rossii* [Muravyev’s Vergil: On the Problem of Humanism in Russia]. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*, No. 33 (2005), pp. 73–79. (In Russ.)
12. Rossi, L. *Nasledie gumanizma v russkoi kulture kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The

Heritage of Humanism in Russian Culture in the End of the 18th and in the Beginning of the 19th Centuries]. *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk* [Russian Literature of the 18th–21st Centuries. The Dialogue of Ideas and Poetics]. Łódź, 2008, pp. 77–85. (In Russ.)

13. Lenchinenko, M.V., Liubzhin, A.I. *Izdaniia Gomera v biblioteke M.N. i N.M. Muravjevykh* [Editions of Homer in the Library of M.N. and N.M. Muravyevs]. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia. T. XX* [Indoeuropean Linguistics and Classical Philology. Vol. XX]. St. Petersburg, 2016, pp. 634–644. (In Russ.)

14. Lenchinenko, M.V. *I liry nezhnyi glas eshche ne onemel...: M.N. Muravjev – chitatel Ovidiia* [And Lyra's gentle voice is not yet numb...: M.N. Muravyev – Ovid Reader]. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia. T. XV* [Indoeuropean Linguistics and Classical Philology. Vol. XV]. St. Petersburg, 2011, pp. 331–339. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 38–46

DOI: 10.31857/S241377150014552-0

План В. Я. Брюсова по изданию полного собрания сочинений А. С. Пушкина

© 2021 г. С. А. Казакова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1
lettertosvetlana@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 2 февраля 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Статья посвящена плану В.Я. Брюсова по изданию полного собрания сочинений А.С. Пушкина. В 1920 г. вышел первый и единственный том этого издания, который вызвал серьезное обсуждение в кругу пушкинистов, отразившееся в печати тех лет. Следующие тома, подготовленные для публикации, так и не вышли в свет, однако редактором была проделана масштабная работа, осталось множество черновых и беловых автографов, корректур, версток будущих частей собрания. Цель автора статьи – собрать и исследовать сохранившиеся в фонде Брюсова в РГАЛИ архивные документы, связанные с неизданными томами подготовленного им полного собрания сочинений Пушкина. В статье используются ранее не опубликованные материалы, описываются особенности неосуществленного брюсовского замысла в сравнении с другими изданиями Пушкина, цели редактора и состав издания, анализируются принципы расположения материала, методы работы Брюсова над примечаниями и биографическими статьями. В результате автор приходит к выводу, что Брюсовым была проделана монументальная работа по подготовке следующих частей полного собрания сочинений, которое могло бы решить задачу, изначально поставленную редактором перед собой, – дать издание, подводящее итог всему сделанному исследователями Пушкина на тот момент.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00106 “Валерий Брюсов – издатель сочинений Пушкина”).

Ключевые слова: Пушкин, Брюсов, пушкинистика, текстология, архивные материалы.

Для цитирования: *Казакова С.А.* План В.Я. Брюсова по изданию полного собрания сочинений А.С. Пушкина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 38–46. DOI: 10.31857/S241377150014552-0.

V. Ya. Bryusov’s Plan for publishing A. S. Pushkin’s Complete Works

© 2021 Svetlana A. Kazakova

Doct. Sci. (Philol.),
Researcher at the Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
9–1 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
lettertosvetlana@gmail.com

Received by Editor on February 2, 2021
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article is devoted to the plan for the publication of certain volumes of the Complete Works of Pushkin, edited by V.Ya. Bryusov. In 1920, the only volume of this edition was published, which caused honest discussions in the circle of Pushkinists, reflected in the press of those years. The following volumes, prepared for publication, were never published, but the editor did a large-scale job, leaving a lot of Pushkin's drafts and fair copies along with this edition's proofreads and layouts for future volumes. The purpose of the author of the article is to collect and study the archival documents preserved in the Bryusov fund at the Russian State Archive of Literature and Art, related to the further publication of the Complete Works. The article uses previously unpublished materials, describes the features of the unrealized Bryusov's plan in comparison with other plans of the Collected Works of Pushkin of previous scholarly publications, analyzes the goals of the editor, the composition of the works included in the next volumes, the principles of the arrangement of the material, the methods of Bryusov's work on notes and biographical articles in the collected works. As a result, the author comes to the conclusion that Bryusov did a monumental work on the preparation of the following parts of the Complete Collected Works, which could solve the problem initially set by the editor for himself — to prepare an edition that would summarize everything that Pushkin's researchers had done at the time of the publication of the collection.

Acknowledgements. The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-012-00106 "Valery Bryusov – publisher of Pushkin's works").

Key words: Pushkin, Bryusov, Pushkin studies, textual criticism, archival materials.

For citation: Kazakova, S.A. *Plan V.Ya. Bryusova po izdaniyu polnogo sobraniya sochineniy A.S. Pushkina* [V.Ya. Bryusov's Plan for publishing A.S. Pushkin's Complete Works]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 38–46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150014552-0.

Не менее половины жизни В.Я. Брюсов посвятил академическому изучению классической русской литературы и в особенности творчеству Пушкина. Работы Брюсова вошли в его книгу "Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения" (М.; Л., 1929), о них писали Э.С. Литвин [1], Э.А. Полоцкая [2], Е.П. Тиханчева [3], М.Я. Цявловский [4] и др. Статья посвящена замыслу Брюсова, связанному с собранием сочинений Пушкина, первый и единственный том которого, подготовленный для Государственного издательства, вышел весной 1920 г.[1] Этому проекту предшествовало несколько неосуществленных проектов. Из них особенно важен был труд Брюсова по подготовке издания Пушкина в 1910 г. для книжного товарищества "Деятель" (см. ниже). Материалы этого издания легли в основу первого опубликованного в 1920 г. и последующих неизданных томов собрания сочинений Пушкина. Брюсов подготовил две части первого тома примерно за полтора года, но вышла только первая из них, включавшая лирику. Проект был слишком монументальным для одного человека, несмотря на то что он проделал огромную работу в рекордно короткий срок, трудным было и положение всего издательского мира в послереволюционную эпоху. Кроме того, выход в свет первой части первого тома вызвал жаркие споры среди пушкинистов, и резкая критика брюсовского подхода к текстологии сказалась на том, что издание не было продолжено. Вторая часть была подготовлена Брюсовым к печати и даже набрана, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся частью в корректуре, частью в окончательно исправленной верстке, частью в гранках, однако ее так и не выпустили. В этой статье мы намерены воссоздать замысел Брюсова на основе неопубликованных материалов из его фонда в РГАЛИ (см. ниже). Используемый нами материал не был ранее введен в научный оборот, эти документы позволяют судить о том, чем издание Пушкина под редакцией Брюсова принципиально отличалось от других собраний сочинений поэта.

Итак, обратимся к предыстории этого издания. Брюсов намеревался издать собрание сочинений поэта на протяжении долгого времени, но его проекты так и не воплощались в реальность. Первая попытка закончилась тем, что Брюсова отказались ввести в состав комиссии академического издания Пушкина.

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. сочинений со сводом вариантов и объяснительными примеч. в 3 томах и 6 частях / Ред., вступ. ст. и коммент. Валерия Брюсова. Т. 1, ч. 1: Лирика. М.: Гос. изд-во, 1919. XLVI, 428 с. (на обложке – 1920).

Н.О. Лернер писал об этом решении в письме от 6 января 1909 г.:

Маленькая новость. Якушкин отказался от редактирования академического “П[ушки]на”, и на его место выбрана коллегия – Морозов, Модзалевский, Козьмин и Кубасов. Вы, Щеголев и я забракованы. Я – жид и очень непочтителен к академии, кот[оро]й, по мнению отделения русс[кого] яз[ыка] и словесн[ости], обязан благодарностью по гроб жизни; сыграли роль и мои отзывы о работе Якушкина и статьи в “Руси” о подозрительных махинациях члена пушк[инско]й коммиссии “Онегина” и о не менее подозрительной истории с петербургским памятником П[ушки]ну. Щеголев – “красный” и опасный. Вы – “декадент”; да еще против Вас, как мне говорили, мартобрейший [?] президент, кот[оро]му не нравятся Ваши стихи. <...> Академия показала, что ей не нужны знающие люди и хорошие работники. “П[ушки]н” отдан на кормление милому квартету, состоящему из литературного вора (обкрадывавшего Ефремова и Тихонравова), лакея по духу и по поступкам и двух совсем круглых невежд. Кстати: был разговор и о Гершензоне; он тоже не пригодился: предки Христа распяли. <...> Саитов рассказал мне, что все было подстроено заранее, после секретных совещаний и поездок Модзал[евско]го к разным “особам”, т[ак] что к заседанию все было “готово”, большинство было уже научено, и возражать было бы бесполезно; он очень жалел, что не знал этого, – иначе не приехал бы на заседание; но от него все скрывали [5, с. 318–319].

Уязвленный решением пушкинской комиссии, Лернер прекратил отношения с Б.Л. Модзалевским.

Затем последовало письмо от 11 мая 1910 г., в котором Лернер предложил Брюсову участвовать в подготовке другого издания Пушкина:

Обращаюсь к Вам по просьбе И.А. Кубасова, заведывающего делами состоящей при “изящном” Разряде И[мператорской] Академии Наук коммиссии, которая издает “Академическую Библиотеку Русских Писателей” (с изданными ею Кольцовым и I-м томом Лермонтова Вы, конечно, знакомы). Нас с Вами зовут в редакторы затеваемого коммиссией 8–9-томного “Пушкина”. Нужно выработать канонический текст и дать небольшие примечания. Кроме нас “привлекаются” Модзалевский (для писем) и Щеголев (для краткого биографического очерка). (Приблизительно таково пока распределение). Текст же хотят отдать Вам и мне. Считаю необходимым прибавить, что это коммиссия не имеет ничего общего (кроме номинальной эгиды Академии Наук) с “большой”, “пушкинской” коммиссией, которая никак не может разрешиться III-м томом своего “Пушкина”. Мы будем вполне независимы в работе, и, кроме того, нам будет предоставлена возможность пользоваться всеми бумагами Пушкина; конечно, будут предоставлены для работы и майковская, и онегинская коллекция рукописей Пушкина. Я с удовольствием принял это предложение и сказал Кубасову, что работать с таким товарищем, как Вы, мне будет приятно и легко. Согласны ли Вы принять участие в этом деле? Надеюсь, что да, – эти занятия могут принести только пользу и наслаждение. Пора дать русскому читателю Пушкина – канон [5, с. 335–336].

Неудача постигла и этот замысел. Вскоре Брюсов отказался работать над этим проектом, так как убедился в финансовой ненадежности дела.

Дружеские отношения с Лернером расстроились, поскольку в октябре 1910 г. Брюсов согласился подготовить книгу Пушкина по заказу книжного товарищества “Деятель”, которая должна была выйти в серии “Библиотека русских писателей” под редакцией Е.В. Аничкова. Брюсов проделал огромную работу, но проект так и остался неосуществленным. Материалы для этого издания впоследствии были использованы в полном собрании сочинений Пушкина для Государственного издательства. За короткий срок Брюсов в одиночестве подготовил к изданию две части первого тома полного собрания сочинений Пушкина, однако напечатана была только первая – “Лирика 1813–1836 гг.”. Эта книга, опубликованная весной 1920 г., вызвала ожесточенную полемику среди пушкинистов, несомненно, выход издания в свет стал важным событием в академической среде. Помимо рецензий в печати известны устные отзывы о первой части первого тома под редакцией Брюсова – доклады Б.В. Томашевского на заседании Московского лингвистического кружка и И.Н. Розанова в пушкинском кружке В.И. Иванова. Розанов записал в дневнике в мае 1920 г.:

Вышел <с заседания Библиографического Общества в университете> с Бухгеймом и Синебрюховым. С ними библиогр<афические> беседы (между прочим о Пушкине под ред<акцией> Брюсова). Зашли на выставку “Рус<ского> Древн<его> Иск<усства>”. Оттуда я в Лингвист<ический> Кружок, где Томаш<евский> делал доклад о той же книге “Пушк<ин>” под ред<акцией> Брюсова <...>. Через несколько дней, 25/12 мая: Утром заседание в Наркомпросе. <...> По оконч<ании> В. Иванов уговорил прочесть завтра на его семинарии доклад о Брюсовском Пушкине <...>. И это заседание состоялось в намеченный день. День “Пушкина” под ред<акцией> Вал. Брюсова. В Музее занят был главным образом этим. <...> Вечером делал устное сообщение о Брюсовском Пушкине. Возражения Гершензона и замечание какой-то “жены мироносицы” произвели на меня неприятное впечатление... [6, с. 247].

Доклад Розанова не сохранился, однако можно предположить, что последнее заседание

кружка было посвящено первому тому собрания сочинений Пушкина.

Замысел будущего издания Брюсов описал во вступительной статье к первой части первого тома:

В основу <...> плана легли следующие положения: 1) В изд. должно войти *все, написанное Пушкиным*[2], что поныне опубликовано, *за исключением*, однако, всего того, где творчество поэта не участвовало (2-ая часть "Истории Пугачевского Бунта", выписки из книг, расписки, составленные по установленной форме, хозяйственные записи и т.д.); 2) текст произведений должен быть *критически проверен*; 3) крупные произведения должны быть *комментированы* с историко-литературной точки зрения; 4) ко всем произведениям должен быть дан *свод важнейших вариантов*; 5) к изд. должен быть присоединен критический *очерк биографии* Пушкина; 6) *правописание* в текстах Пушкина должно быть сохранено пушкинское, по автографам и первоизданиям, в комментариях – новое; 7) *расположены* сочинения должны быть в 6 частях: 1 – лирика, 2 – эпос и драма, 3 – романы, повести в прозе, 4 – исторические соч., 5 – статьи, 6 – письма, а внутри каждой части – в хронологическом порядке, *по периодам* жизни поэта [7, с. 7].

О том, какими Брюсов видел будущие тома полного собрания сочинений, позволяют сказать планы, рабочие материалы, корректуры неопубликованных частей полного собрания сочинений Пушкина, сохранившиеся в архивах. В РГАЛИ имеются следующие материалы:

1. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Том I, часть II (1814–1835), под ред. и с коммент. В.Я. Брюсова (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. 687 л.).

2. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Том I, часть II. Эпос и драма (1814–1825), под ред. В.Я. Брюсова (напечатан не был) (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 55. 286 л.).

3. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Том III. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". I и II главы с предисл. В.Я. Брюсова и статьей В.О. Ключевского "Евгений Онегин и его предки" с предисл. В.Я. Брюсова (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 58. 74 л.).

4. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Том V, часть III. Художественная проза (1819–1836), под ред. В.Я. Брюсова (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 56. 449 л.).

5. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Том VII. Жизнь на юге России; Крым, Кавказ. Исторические и автобиографические произведения, под ред. В.Я. Брюсова (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 57. 393 л.).

6. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Тома III–IV. Роман "Евгений Онегин", поэма "Домик в Коломне" и маленькие драмы (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 61. 156 л.).

7. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Часть III. Библиография о А.С. Пушкине, сост. В.Я. Брюсовым (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 65. 299 л.).

8. Систематический указатель источников биографии А.С. Пушкина, сост. В.Я. Брюсовым (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 66. 66 л.).

Вторая часть первого тома под редакцией Брюсова и с его комментариями, которая включала эпос и драму Пушкина, в 1919 г. была практически подготовлена к публикации и отчасти даже набрана. Она сохранилась в корректуре, частью в окончательно исправленной верстке, частью в гранках. До нас дошла корректура предисловия Брюсова ко второй части первого тома:

За 85 лет, прошедших со смерти Пушкина, появилось, или, по крайней мере, было начато около 14 "Собраний сочинений Пушкина", редакторы которых ставили себе серьезные, научные задания. Ни одно из этих изданий, не исключая Академического, не стало непререкаемым авторитетом, и редактору каждого нового издания приходилось, если не начинать работу сначала, то вновь пересматривать все вопросы, связанные с печатанием и истолкованием пушкинских текстов (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 5).

Основным недостатком всех предыдущих изданий Брюсов считал "чрезмерную широту" и "всеобъемлемость" их плана: каждый редактор собрания сочинений Пушкина стремился создать окончательное издание, ему приходилось быть одновременно исследователем рукописей Пушкина, который должен "вновь пересмотреть и переизучить их все (добросовестное исполнение чего требует целой жизни человека)" (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 5), тщательным библиографом, биографом Пушкина и знатоком его эпохи, историком литературы, критиком, социологом и так далее. Такая полнота издания, по мнению Брюсова, вела к тому, что редакторы большую часть времени тратили на поиски еще не обнародованных произведений Пушкина или их новых вариантов. Между тем не были собраны все сохранившиеся рукописи Пушкина, некоторые из них не были изучены, другие оставались недоступными для исследователей.

Кроме того, существенный недостаток предыдущих изданий Пушкина, по мысли Брюсова, касался того, что редакторы недостаточно систематизировали комментарии, примечания составлялись по разным планам.

[2] Здесь и далее все выделения сделаны В.Я. Брюсовым.

В этом предисловии Брюсов подробно критикует недостатки Академического издания за отсутствие единого плана, а также издания под редакцией С.А. Венгерова, П.О. Морозова, П.А. Ефремова, упоминает и о собственном первом томе “Полного собрания сочинений” Пушкина:

В своей работе я старался избегнуть того отсутствия системы, на которое указывал выше. Но основной недостаток всех последних изданий присущ и моему. Оно желало быть одновременно и научным, и популярным, и через то не стало ни тем, ни другим. Обнять в очень кратком (таково было издание Госиздата) комментарии каждое произведение Пушкина *всесторонне* – оказалось невозможным. В одном месте потерпела ущерб одна сторона дела, в другом – другая (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 7).

Брюсов так определяет свою задачу как редактора:

Повторять ошибки своих предшественников было бы непростительно. Из их неудач ясно вытекает, что новое издание должно прежде всего *ограничить свои задания*, а затем – твердо *установить свой план*. <...> Согласно со всем сказанным, я, как редактор предлагаемого издания сочинений Пушкина, определенно, ограничиваю свою работу одним заданием. *Дать правильный текст всех сочинений Пушкина на основании всего, опубликованного поныне в печати* (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 7).

Намереваясь дать точный текст, редактор освобождает себя от обязанности объяснять его с историко-литературной, биографической и иных точек зрения. Примечания в собрании сочинений должны быть посвящены только вопросам по установлению правильного текста. Также в предисловии сказано, что редактор опирается только на то, что уже опубликовано в печати, и не ставит своей целью заново изучить все рукописи Пушкина, что потребовало бы всей жизни человека. При этом редактор должен использовать все, что по поводу текста данного произведения было опубликовано, но проверка по рукописям сделанного другими исследователями и изучение никем не обследованных рукописей остаются вне поля его работы. Финальная цель собрания сочинений Пушкина сформулирована Брюсовым следующим образом:

Дать завершительное, каноническое издание сочинений Пушкина, по всем первоисточникам, – еще дело будущего; но дать издание, которое подводило бы итог всему, сделанному по данный срок исследователями Пушкина, – задача выполнимая, и именно ее я себе и ставлю. Новое издание должно дать полную картину того, что из текстов Пушкина и об этих текстах было известно науке ко времени редактирования издания (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 7).

Брюсов поясняет в предисловии, что в новое издание войдет все, написанное Пушкиным, то есть все его художественные произведения в стихах и прозе (лирика, поэмы, драмы, романы, повести), оригинальные и переводные, на русском и на французском языке; все его научные, критические и публицистические работы (исторические исследования, журнальные статьи, автокритические заметки), все его автобиографические записи (дневники и т.п.), всего его письма, деловые записи (перечни своих произведений, планы своих изданий), наконец, все вообще записи и надписи, сделанные Пушкиным, включая записи в альбомах, на полях книг, надписи на даримых книгах и рукописях. Таким образом,

...все, что когда-либо и где-либо *было напечатано* из написанного Пушкиным, должно найти место в новом издании и оно должно явиться самым полным из всех ранее выходивших (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 8).

Рисунки Пушкина, его устные “изречения” и “острые слова” не были включены в собрание, поскольку зачастую их подлинность оказывалась сомнительной.

Брюсов посчитал нужным пояснить и некоторые текстологические принципы, принятые за основу в издании. Под “первоначальной редакцией”, которая часто сопровождает основной текст, следует понимать “*законченную* обработку произведения, которое позже было переработано и явилось в новой редакции” (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 8). Все подобные первоначальные редакции должны быть включены в текст издания, это касается и последовательных обработок одного и того же стихотворения, одного и того же отрывка. Внесены в текст также “последующие” редакции законченных стихотворений, которые были позже вновь переработаны.

Текст и его редакции должны быть снабжены вариантами в примечаниях. Под вариантами редактор подразумевает

...все последовательные поправки и изменения отдельных выражений в тексте произведений. Изменения, сделанные самим Пушкиным в печатных изданиях, – приводятся полностью, так как все они точно подходят под понятие “вариантов”. Из рукописей же берутся все действительные *видоизменения текста*, без намерения – воспроизвести,

исчерпать *все слова*, написанные в рукописи (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 8).

В примечаниях приводятся именно варианты, а не воспроизводится рукопись со всеми ее особенностями, не приняты во внимание явные описки и опечатки, различия в правописании и мелкие особенности в расстановке знаков препинания.

Как указано в предисловии, материал первоначальных редакций и вариантов, использованных в издании, взят из печатных изданий. Редактор не несет ответственности

...за ошибки в чтении рукописей, допущенные предыдущими исследователями, и не берет на себя обязанности продолжить их работу и извлечь новые варианты из рукописей, еще не изученных. Однако в тех случаях, когда известно существование таких неизученных рукописей, новое издание всегда на это указывает (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 8).

Особенно интересны разъяснения Брюсова по поводу “правильности текста”. Произведения, напечатанные самим Пушкиным, публикуются в последней, позднейшей по времени редакции. Есть исключения: лицейские стихи напечатаны в последней лицейской обработке, а переделки их в 1820–1825 гг. помещены отдельно как позднейшие редакции. Стихотворения 1817–1819 гг., измененные Пушкиным в печати для цензуры, тоже напечатаны в своих ранних редакциях, их цензурные переделки помещены отдельно. Пропуски полностью обработанных строф в “Евгении Онегине” и некоторых других произведениях восстановлены в тексте с уточнением, что в последней редакции эти места отсутствуют.

Произведения, которые при жизни Пушкина не были напечатаны, особенно необработанные черновые наброски, тоже даны в последней редакции. Брюсов считает нужным конкретизировать источник произведения:

Какая бы редакция ни давалась в тексте, она всегда мотивирована в примечаниях, где всегда точно указано, откуда она заимствована и между какими редакциями (текстами) приходилось делать выбор. Читателю сообщаются все данные, чтобы критически отнестись к редакции, даваемой в самом издании (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 9).

Примечания к изданию составлены по единообразной системе, каждое дает ответы на установленный заранее ряд вопросов, в одном и том же порядке:

1) какие известны автографы (Пушкина) данного произведения и где они хранятся; 2) то же об его авторитетных списках; 3) были ли, когда и где, изданы факсимиле этих рукописей; 4) когда и где данное произведение было напечатано впервые, в отрывках, полностью, в разных редакциях; 5) когда и где оно было перепечатано при жизни Пушкина; 6) когда оно впервые было включено в собрание сочинений Пушкина; 7) на чем основана датировка данного произведения; 8) откуда взят текст, включенный в новое издание (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 9).

В примечаниях приводятся варианты по печатным изданиям и рукописям, в некоторых случаях добавляются отдельные “реальные” комментарии, необходимые для понимания текста, но при этом довольно сжато и только о неизвестных именах, названиях, обстоятельствах.

Автор предисловия заключает, что в новом издании все творчество Пушкина разделено на двенадцать небольших “периодов”, каждый из которых включает все написанное Пушкиным за это время: лирику, поэмы, драмы, повести, статьи, письма и так далее. Расположенные по хронологии периоды, по мысли редактора, дают полную картину творческой эволюции поэта.

Более полный замысел второй части первого тома полного собрания сочинений Пушкина можно установить по сохранившейся верстке, исправленной Брюсовым и подписанной к печати. Во второй части планировалось издать эпос и драму Пушкина 1814–1835 гг. – лирические поэмы, романы и повести в стихах, сказки, баллады, эпические и сатирические отрывки, подражания народной поэзии, трагедии, комедии, драматические сцены, планы и черновые наброски поэм и драм, оригинальные произведения, подражания и переводы. Второй части предшествовала статья Брюсова “От редактора”, объясняющая концепцию книги:

Во 2-ю часть отнесены стихотворные произведения, требовавшие для своей обработки значительного времени и которые поэтому не могут стоять в ряду с мелкими стихотв[орениями], большею частью датируемые одним днем. По этому признаку ко 2-ой части, кроме произведений чисто эпических и драматических, как “поэмы”, “баллады” и “драмы”, – отнесены подражания народной поэзии, как сказки, “Подражания Корану”, “Песни Западных Славян” и подражания русским народным песням (также – записи их). Чтобы сохранить цельность отдела, сюда же присоединены драматические произведения в прозе (которых у П-а весьма немного), тем более что и в других драмах

(в “Борисе Г[одунове]”) встречаются сцены, написанные прозой (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1а).

Брюсов поясняет, что пушкинский текст дан в последней авторской редакции, но с устранением цензурных изменений. Произведения во второй части расположены так же, как и в первой, по периодам жизни Пушкина. Черновые наброски, начала неоконченных произведений и программы размещены по тем же периодам, как лирические стихи. Во второй части даны варианты: 1) печатных изданий, выходивших при Пушкине, 2) места, выпущенные в печати, но законченные в рукописи; 3) значительные отличия рукописи от печатного текста; 4) мелкие по тем же признакам, как для лирики. Варианты печатных текстов даны в издании внизу страницы; варианты рукописей — в примечаниях; первоначальные редакции произведений — во II Отделе каждого периода. Вторая часть первого тома была снабжена подробными пояснениями редактора:

Кроме объяснительных примечаний, каждому произведению предпослана вступительная заметка, выясняющая его происхождение, литературное значение и т. под. Планы ненаписанных произведений, по возможности, подробно раскрыты, и все относящиеся к ним черновые наброски даны в связном чтении, чтобы ясно представить вымысел поэта (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1а).

Было сохранено авторское правописание в тексте, с соблюдением всех характерных особенностей пушкинских рукописей.

Сохранились материалы, которые должны были лечь в основу последующих частей полного собрания сочинений Пушкина. Так, Брюсов готовил издание художественной прозы 1819—1836 гг., которая вместила бы романы, повести, рассказы, очерки, записи народных сказок, сатиру в прозе, переводы стихов в прозе, подражания античным повествованиям, программы, планы и наброски художественных произведений в прозе, оригинальные произведения, подражания и переводы. То, что не было включено в эту часть, планировалось поместить в следующих томах (воспоминания, путевые записки, сатирические диалоги, автобиографические заметки и так далее). Рукописная статья Брюсова “От редактора” раскрывает принципы работы над третьей частью:

Материал в Части 3-ей расположен по тем же периодам, как в двух первых частях. В Отделе I помещены произведения законченные и обработанные или хотя бы отрывки, но уже отделанные, вообще — вполне художественные; в Отделе II — черновые наброски, программы и планы первоначальных замыслов и не написанных произведений и т. под. При воспроизведении текста по рук[описи]: 1) вскрыты сокращения П-а; 2) цифры, большею частию заменены словами; 3) диалоги (разговоры) даны в современной форме, — речь каждого лица с новой строки (у П-а часто — сплошь или со сбивчивыми чередованиями кавычек и черты); 4) большие отрывки разделены красными (новыми) строчками там, где в рук[описи] поставлена разделительная черта; 5) в правописании, как в Частях 1-ой и 2-ой, сохранены характерные особенности П-а, независимо от того или другого написания в данной рук[описи]. Так как прозаические рук[описи] П-а изучены гораздо меньше, чем его стихи, то многие даты — предположительны, и даваемые вар[ианты] — часто выбраны случайно. Где даты есть в рук[описи], они воспроизведены в тексте. Вар[ианты] большею частью даны под текстом, в небольших произведениях — в конце их. Слова, добавленные редактором по догадке, поставлены в прямые скобки; то же — слова, зачеркнутые в рук[описи], но дающие новую мысль или новый образ; эти последние все оговорены под текстом. Объяснения — в конце отдельных глав или в конце всего произведения (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 2).

В материалах сохранились гранки I и II глав “Евгения Онегина” и предисловия Брюсова к роману, где он отмечал, что в его издании произведение представлено без изъятий:

При жизни Пушкина “Евгений Онегин” был напечатан далеко не полностью. Много строф было выпущено автором по соображениям частью цензурным, частью личного характера (с намеками на живых лиц); целая глава (VIII-ая — “Странствие Онегина”) изъята автором из состава романа и напечатана отдельно лишь в отрывках, и, наконец, другая глава (X-ая) совсем уничтожена, так что читатели долгое время и не подозревали о ее существовании. Между тем выпущенные строфы во многом дополняли нарисованную поэтом картину и характеристику его героев; “странствие” давало панораму всей России, а X глава должна была изобразить чрезвычайно важную сторону русской жизни: либерально-освободительное движение 20-х годов, закончившееся “14 декабря”. К сожалению, Пушкин, опасаясь обыска, сжег рукопись этой X-ой главы и оставил у себя только наиболее важные ее строфы, притом записанные условным способом (шифром). Ныне, однако, удалось, по рукописям поэта, восстановить все, что уцелело от X главы “Онегина”, почти полностью — главу о “странствии” или большую часть выпущенных строф, и роман предстает, наконец, — почти через столетие после своего создания, — перед читателями во всей своей подлинной широте. По указателю, приложенному к нашему изд[ании], можно видеть, что в “Евгении Онегине” захвачены буквально все стороны русской жизни, все классы общества, все вопросы своего времени и дан исчерпывающий ряд

картин нашей страны и русской природы. В нашем издании “Евгений Онегин” напечатан полностью: выпущенные автором стихи вставлены на свое место, как и VIII глава; из X-ой собрано все, что сохранилось. В примечаниях объяснены собственные имена, иностранные слова, редкие выражения, термины и т.д., а кроме того приведены некоторые из особенно характерных или любопытных вариантов по рукописям поэта (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 3).

Помимо предисловия Брюсова роман сопровождался известной статьей В.О. Ключевского “Евгений Онегин и его предки”. Гранки романа “Евгений Онегин” со второй по десятую главы с примечаниями и комментариями редактора, поэмы “Домик в Коломне” и “Маленьких трагедий” также отражены в фонде Брюсова.

Из предисловия к первой части собрания сочинений следует, что в четвертом выпуске Брюсов планировал поместить исторические сочинения Пушкина. В архиве есть рукописные материалы, которые, вероятно, должны были составить этот том (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 57). Он включал в себя отделы “Сочинения исторические” и “Заметки автобиографические”, в состав должны были войти не только законченные и обработанные произведения, но и подготовительные материалы к историческим сочинениям, черновые наброски, программы, заметки при чтении, отрывочные строки. В отделе “Приложения” были помещены исторические документы (манифесты, указы, рескрипты, рапорты, письма, воспоминания современников, относящиеся к историческим произведениям Пушкина).

Итак, материалы, хранящиеся в фонде Брюсова в РГАЛИ, которые должны были послужить основой для будущих частей полного собрания сочинений Пушкина, позволяют судить о том, что редактором была проделана грандиозная работа. Брюсов в одиночестве в крайне сжатые сроки подготовил два выпуска первого тома к публикации полностью, а также собрал множество материалов для последующих томов. С.А. Венгеров в письме Брюсову оценил его вклад в академическое изучение Пушкина: “Как подвиг единоличного труда (кажется, исполнено в 1½ года?) Ваше издание есть нечто беспримерное. <...> Желаю Вам неослабной энергии для завершения Вашего прекрасного литературного подвига” [8, с. 262]. Амбициозная задача – “дать издание, которое подводило бы итог всему, сделанному по данный срок исследователями Пушкина”, – потребовала от редактора огромного труда, однако не могла быть выполнена единственным исследователем в тяжелые послереволюционные годы. Несмотря на неудачу, которая постигла единственный вышедший том издания, Брюсов значительно расширил картину пушкинского творчества. В последующие части собрания вошли не только законченные и обработанные произведения, но и незаконченные труды, программы, черновые наброски, планы произведений. Редактор стремился к максимальной полноте издания, подробно характеризовал особенности пушкинских рукописей и сверял текст с первопечатными источниками и в отдельных случаях с рукописями, желая дать правильный пушкинский текст. Все произведения снабжены примечаниями и “реальными” комментариями Брюсова, а также сводом вариантов по печатным изданиям и рукописям. Кроме того, он составил библиографию о Пушкине (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 65) и систематический указатель источников биографии поэта (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 66). Одно из главных достоинств во многом недооцененного брюсовского издания – скрупулезная работа редактора над примечаниями, в которых подробно охарактеризованы автографы произведений и место их хранения, отражена информация об обстоятельствах первой публикации, обоснованы датировки, даны сведения об источнике текста в новом издании. Неосуществленное полное собрание сочинений Пушкина под редакцией Брюсова выделяется в ряду других изданий прежде всего тем, что редактор выступил одновременно как строгий филолог и поэт-новатор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Литвин Э.С.* В.Я. Брюсов о Пушкине // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван: Айастан, 1964. С. 202–226.
2. *Полоцкая Э.А.* Пушкинские штудии В.Я. Брюсова // Studia slavica. T. XXII. Fasc. 3–4. Budapest, 1976. C. 377–386.
3. *Тиханчева Е.П.* Брюсов – издатель Пушкина // Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван: Айастан, 1973. С. 89–123.
4. *Цявловский М.Я.* Брюсов-пушкинист // Валерию Брюсову. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта [1873–1923]. М.: КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, 1924. С. 31–37.

5. Валерий Брюсов — историк литературы. Переписка с П.И. Бартеневым и Н.О. Лернером / Статьи, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М.: Литфакт, 2019. 406 с.

6. *Богомолов Н.А.* Собиратель. Иван Никанорович Розанов и его время. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2020. 687 с.

7. *Брюсов В.Я.* Предисловие редактора // Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений со сводом вариантов / Ред., вступ. статьи и коммент. В.Я. Брюсова. М: Гос. изд-во, 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 7—10.

8. Из переписки В.Я. Брюсова // Вопросы литературы. 1993. Вып. 6. С. 256—286.

REFERENCES

1. Litvin, E.S. *V.Ya. Bryusov o Pushkine* [V.Ya. Bryusov about Pushkin]. *Bryusovskie chteniya 1963 goda* [Bryusov Readings 1963]. Erevan, Ajastan Publ., 1964, pp. 202—226. (In Russ.)

2. Polotskaya, E.A. *Pushkinskie shtudii V.Ya. Bryusova* [Pushkin Studies by V.Ya. Bryusov]. *Studia slavica* [Studio slavica]. Budapest, 1976, Vol. XXII, Issue 3—4, pp. 377—386. (In Russ.)

3. Tihancheva, E.P. *Bryusov — izdatel Pushkina* [Bryusov as a Publisher of Pushkin]. *Bryusov o russkih poetah XIX veka* [Bryusov on Russian Poets of the 19th century]. Erevan, Ajastan Publ., 1973, pp. 89—123. (In Russ.)

4. Tsyavlovskiy, M.Ya. *Bryusov-pushkinist* [Bryusov the Pushkinist]. *Valeriyu Bryusovu. Sbornik, posvyashchennyy 50-tiletiyu so dnya rozhdeniya poeta (1873—1923)* [Valery Bryusov. Collection Dedicated to the 50th Birthday of the Poet (1873—1923)]. Moscow, 1924, pp. 31—37. (In Russ.)

5. *Valery Bryusov — istorik literatury. Perepiska s P.I. Bartenevym i N.O. Lernerom* [Valery Bryusov is a Literary Historian. Correspondence with P.I. Bartenev and N.O. Lerner. Ed. and Collect. by N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 406 p. (In Russ.)

6. Bogomolov, N.A. *Sobiratel. Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremya* [Collector. Ivan Nikanorovich Rozanov and His Time]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. 687 p. (In Russ.)

7. Bryusov, V.Ya. *Predislovie redaktora* [Editor’s Foreword]. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij so svodom variantov* [Complete Works with a Set of Options. Ed. and Collect. by V.Ya. Bryusov]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1919, Vol. 1, Part 1, pp. 7—10. (In Russ.)

8. *Iz perepiski V.Ya. Bryusova* [From the Correspondence of V.Ya. Bryusov]. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 1993, Issue 6, pp. 256—286. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 47–52

DOI: 10.31857/S241377150014553-1

Мотивы прозы Н. М. Карамзина в повести А. А. Дьякова “Из записок социал-демократа”

© 2021 г. А. С. Ефимов

Соискатель кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
antonefimov33@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 06 декабря 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье рассматриваются связи антинигилистической повести “Из записок социал-демократа” (1875) А.А. Дьякова (А. Незлобин) с повестями Н.М. Карамзина, в первую очередь – с “Островом Борнгольмом” (1794). Данная тема имеет прямое отношение к исследованию влияния сентиментальной, предромантической (в том числе “готической”) и романтической литературы на антинигилистическую прозу 1860–80-х годов. Связь повести “Из записок социал-демократа” с творчеством Карамзина обусловлена, в первую очередь, следованием традиции путевых заметок (на европейском социально-политическом материале), начатой еще в “Письмах русского путешественника”. Вместе с тем, в тексте Дьякова воспроизводятся мотивы изгнания, заточения, страшной тайны и нерассказанной истории, являющиеся сюжетообразующими в “Острове Борнгольме” и фигурирующие в других повестях Карамзина. Особую трактовку у Дьякова получает и сюжет проникновения в тайну и обнаружения пленницы.

Ключевые слова: Александр Александрович Дьяков, антинигилистическая проза, “Кружковщина”, Николай Михайлович Карамзин, готическая проза, альманах “Аглая”, “Русский вестник”, XIX век.

Для цитирования: *Ефимов А.С.* Мотивы прозы Н.М. Карамзина в повести А.А. Дьякова “Из записок социал-демократа” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 47–52. DOI: 10.31857/S241377150014553-1.

Motives of N. M. Karamzin’s Prose in A. A. Dyakov’s Novella “From the Notes of a Social-Democrat”

© 2021 Anton S. Efimov

Post-Graduate Student at the Department of the History of Russian literature
of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
antonefimov33@gmail.com

Received by Editor on December 06, 2020
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article examines the connections of the anti-nihilistic novella “From the Notes of a Social Democrat” (1875) by A. Dyakova (A. Nezlobin) with the novellas by N.M. Karamzin, and primarily, with his “Island of Bornholm” (1794). The chosen aspect of study will help to understand what particular influence the Sentimental, pre-Romantic (including the gothic) and Romantic literature had on anti-nihilistic prose of the 1860–1880s. The connection between the novella “From

the Notes of a Social Democrat" and the work of Karamzin might be explained, on the one hand, by the continuity of tradition of writing travel notes (based on the European socio-political material), which initially was reflected in "The Letters of a Russian Traveler". On the other hand, Dyakov's text explores the motives of exile, imprisonment, a terrible secret and an untold story, which are plot-forming in "Bornholm Island" and appear in other stories by Karamzin. The plot of penetrating a secret and of discovery of the female prisoner also receives special treatment in Dyakov's work.

Key words: Alexander Alexandrovich Dyakov, anti-nihilistic prose, "Kruzhkovshchina", Nikolai Mikhailovich Karamzin, gothic prose, almanac "Aglaya", "Russian Bulletin".

For citation: Efimov, A.S. *Motivy prozy N.M. Karamzina v povesti A.A. Dyakova "Iz zapisok social-demokrata"* [Motives of N.M. Karamzin's Prose in A.A. Dyakov's Novella "From the Notes of a Social-Democrat"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 47–52. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150014553-1.

Александр Александрович Дьяков (1845–1895) остается одним из малоизученных писателей второй половины XIX века. История его жизни и творчества не написана. Известно, что в период 1869–1873 гг. он служил учителем, а затем нотариусом в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Позже, в Харькове, сошелся с кружками революционеров, занимался пропагандой. В 1874 г. покинул Россию, опасаясь доноса. Жил в Цюрихе, Дрездене, Берлине, Праге, поддерживая отношения с кружками русских политических эмигрантов. В этот период писатель порвал с революционерами, разойдясь с ними во взглядах на будущее России. Оставаясь в эмиграции, он наладил связи с М.Н. Катковым и во время Русско-турецкой войны писал статьи в "Московские ведомости" [1, с. 203]. Но литературную известность Дьякову принесли антинигилистические повести из цикла "Кружок", опубликованные под псевдонимом "А. Незлобин" в журнале "Русский вестник" в 1875–1877 гг.: "Из записок социал-демократа" (1875), "Фатальная жертва" (1876), "В народ!" (1876) и "Weltschmerzer" <*немецк.* мировая боль> (1877). В консервативно-патриотическом лагере произведения Дьякова были восприняты сочувственно, а в кругах революционно-демократических, социалистических – негативно. По словам Дьякова, «первый очерк "Кружка" (Из записок социал-демократа) подвергся самому бесцеремонному искажению гг. рецензентов» [2, с. 119]. Позже вышло собрание его повестей [3].

В число литературных подтекстов этих повестей, как и в целом антинигилистической прозы 1860–80-х годов, входит ряд памятников русской предромантической и в частности готической прозы второй половины XVIII – первой половины XIX в. (см.: [4]; [5]; [6]), в том числе несколько повестей Н.М. Карамзина. Напомним, что именно в его альманахе "Аглая" (1794–1795) впервые в отечественной литературе тема революции оказалась связана с "готическим ужасным". С одной стороны, в повестях "Остров Борнгольм" (1794), "Сиерра-Морена" (1795), "Дремучий лес" (1795) обыгрывались мотивы и сюжеты готической литературы "ужаса и тайны", а с другой стороны, в письмах Филалета и Мелодора и в том же "Острове Борнгольме" выдвигалась тема французской революции как предвестия гибели европейской цивилизации. Ср.: "Свет наук распространяется более и более; но еще струится на земле кровь человеческая – льются слезы несчастных – хвалят имя добродетели и спорят о существе ее" [7, т. 1, с. 668].

В русской антинигилистической прозе доминирует представление о революции как о надвигающейся исторической катастрофе. Нигилистов обвиняют в беспринципности, бесчеловечности, безнравственности, а для оформления их образов привлекается целый комплекс приемов устрашения, разработанных в готической прозе. Нигилисты демонизируются, в романах появляются периферийные сюжеты тайн, а готические мотивы адаптируются к конкретному социально-политическому контексту. Например, сохраняется распространенный мотив приглашения в свой дом нечисти[1], где место последней занимает

[1] Мотив, связанный с демоном Матильдой из романа "Монах" (1796) М. Льюиса, героем рассказа "Вампир" (1819) Д. Полидори, Варфоломеем из повести "Уединенный домик на Васильевском" (1828) В.П. Титова и А.С. Пушкина и др., оказывается связанным со студентом Кедровым в романе "Тайны современного Петербурга" (1875) В.П. Мещерского, с Полояровым в "Панурговом стаде" (1869) В.В. Крестовского, Глафирой Бодростиной в "На ножах" (1870–1871) Н.С. Лескова и др.

нигилист – нечисть социальная. При этом последняя часто вызывает двойственное к себе отношение. “Оно <революционное движение> у нас комично по своему бессилию, по умственной ограниченности”, – заявляет Дьяков [1, с. 203]. В этом ключе он и описывает деятелей русской эмиграции. Но смех соседствует с ужасом от поступков революционеров. Изображается их глубокая порочность и нравственное разложение (см.: [8, с. 57–66]).

Литературные контексты повестей Дьякова обширны. Вероятно влияние романтической повести О.М. Сомова “Киевские ведьмы” на “Фатальную жертву” (1876) Дьякова, где для изображения нигилистов использована разработанная романтиками тема шабаша (см.: [4]). Связь с литературой таинственного и ужасного подтверждается и при анализе повести “Из записок социал-демократа”, связанной на уровнях характеров, сюжетов и отдельных мотивов с “Островом Борнгольмом” Карамзина, а также другими его повестями.

Прежде всего, отметим, что в повести Дьякова фигурирует имя Карамзина. “По середине возвышались два огромные камня, образовавшие ворота. Под одним из них когда-то сидел Карамзин” [3, т. 1, с. 48] – так описывается Рейнский водопад в Шаффхаузене (у Дьякова – “Шафгаузен”), осматриваемый Жерновым и Верой Чужаевой, героями повести. Уже эта деталь говорит о тяготении Дьякова или по крайней мере о его внимании к “карамзинскому контексту”, в данном случае – к “Письмам русского путешественника” [7, т. 1, с. 226–229] и к “Острову Борнгольму”, герой которого находится в пути. Жернов, напомним, русский эмигрант-революционер, путешествующий по Европе (как и сам Дьяков). Вместе с тем, в повести фигурируют мотивы несчастной любви, брошенной возлюбленной и самоубийства, являющиеся сюжетообразующими в “Бедной Лизе” (1792). “Она <Вера> перегнулась на перила и смотрел вглубь водомета. – Приходила ли вам когда-нибудь мысль броситься вот в этакую бездну? – Нет. – Не знаете же вы горя”, – говорит она Жернову [3, т. 1, с. 51]. Как и Лизу, героиню Дьякова бросает возлюбленный (выведенный за рамки сюжета); впрочем, трагическая развязка у Дьякова, в отличие от Карамзина, отсутствует, она лишь намечена как возможная.

Обнаруживаются и переклички с повестью “Сиерра-Морена” (1795): Дьяков воспроизводит ее ситуацию, когда молодой человек добивается взаимного чувства от женщины, которая поклялась не любить никогда. В обоих случаях действие происходит в живописном месте: у Карамзина – в испанской Андалузии у вод Гвадалквивира, у Дьякова – в горах Швейцарии у вод Рейна; при этом сохраняются значимые элементы пейзажа “Сиерры-Морены”, в том числе “шум водопадов” и “бледная луна”. Одновременно учитывается идеальный пейзаж “Острова Борнгольма”: “Крутой, лесистый берег <...> с идиллическим щебетом птиц, казался раем, властительно охватывал душу тихим, тоскливым умилением, негой, счастьем” [3, т. 1, с. 52]. Ср.: “<...> десница твоя напечатлела живые знаки <...> благости, и здесь <...> зеленые ковры расстилаются, как мягкий бархат, <...> и здесь поют птички – поют весело для веселого, печально для печального, приятно для всякого” [7, т. 1, с. 672].

Мотивы изгнания, заточения, страшной тайны и нерассказанной истории в повести Дьякова связаны с “Островом Борнгольмом”, они же формируют особого типа сюжет (см.: [5, с. 21]) и характерологию, соответствующие литературе таинственного и ужасного: герой проникает в страшную тайну и находит “сокрытое” – жертву, результат преступных действий, нарушенного табу.

У Карамзина герой-повествователь обнаруживает запертую в подземелье девушку Лилу, дочь старого хозяина замка на острове Борнгольм. У Дьякова действие развивается до определенного момента аналогично: герой-повествователь встречает Веру Чужаеву, вынужденную затворницу, привезенную матерью-старухой на чужбину, в город в Швейцарии. Встрече предшествует проникновение в дом, обрисованный в соответствии с традицией изображения уединенного таинственного места в готической прозе; показательно, что не только у Карамзина, но и у Дьякова героев предупреждают об опасности, исходящей от этого места: “Вот, батюшка, эти Чужаевы, – начал он, указывая глазами на окна, – не приведи вас господь... – Что такое? – Остерегайтесь...” [3, т. 1, с. 5]. Ср.: «Мальчик не мог сказать мне, кому принадлежал сей замок. “Мы туда не ходим, – говорил он, – и бог знает, что там делается!”» [7, т. 1, с. 666]. Но и сам герой наделен некоторыми чертами, напоминающими о литературе “ужаса и тайны”. Во-первых, он появляется под окнами каждый вечер “как привидение”,

слушая “пение загадочной отшельницы” [3, т. 1, с. 2]; во-вторых, его образ соотнесен с рыцарской темой, причем если в “Острове Борнгольме” рыцари или их доспехи пугали героя-повествователя (“Мне казалось, что все латы, висевшие на стене, превратились в рыцарей, что сии рыцари приближались ко мне с обнаженными мечами и с гневным лицом <...>” [7, т. 1, с. 669]), то у Дьякова герой-повествователь рассуждает именно о своем “непрошенном рыцарстве” [3, т. 1, с. 3]. Пожилая мать героини изображается в тонах “Пиковой дамы” Пушкина (в свою очередь давно соотнесенной с готической литературой): “Старуха глядела сурово, даже зло. Из бесчисленных морщин, покрывавших во всех направлениях лицо ее, с какою-то холодною, неподвижною жестокостью глядели сухие, выцветшие глаза <...> на тонких вдавленных губах бродила не улыбка, а скорее судорога <...> Одета она была в черное платье с талией, и как-то особенно неприглядно глядела ее костлявая тощая фигура” [3, т. 1, с. 24–25]. Конечно, эта женщина не обладает суровостью и беспощадностью хозяина замка в “Острове Борнгольме” (другое дело, что сюжетная функция этих персонажей одна и та же – они держат героинь взаперти, и в обоих случаях акцентированы черты “готического тирана”). При этом о Вере Чужаевой говорится: “Должно быть, она очень несчастна. Красивое, строго-решительное лицо её, по временам, неожиданно принимало пугливо-растерянный вид” [3, т. 1, с. 17]. Ср. в “Острове Борнгольме”: “Кого не трогает вид несчастного! <...> Она смотрела на меня неподвижными глазами, в которых видно было удивление, некоторое любопытство, нерешимость и сомнение” [7, т. 1, с. 670–671].

В отличие от большинства сюжетов антинигилистической прозы, приход молодого нигилиста в дом не оказывается чем-то губительным для семьи, а, наоборот, оборачивается спасением для девушки; “страшный” сюжет оборачивается благополучной развязкой, как в иронической повести Карамзина “Дремучий лес”. В период знакомства с Верой Жернов уже начинает дистанцироваться от швейцарских кружков русских революционеров. Его ценности претерпевают изменения. А проникновение в страшную тайну семьи Чужаевых и вовсе заставляет его отвернуться от своих товарищей и их сомнительных идеалов. Но, как и в повести Карамзина “Остров Борнгольм”, содержание тайны остается скрытым от читателя. Доподлинно мы не знаем, что именно случилось с Верой на родине. Известно лишь, что девушка была нигилисткой и имела отношение к соответствующим кружкам. “Теперь ты подумай, мой милый, должна ли я быть твоею женой, – говорила мне Вера, рассказав свою историю, грустную и *страшную историю*” [3, т. 1, с. 53; курсив здесь и далее наш. – *А.Е.*]. Читателю даются лишь намеки: “Я любила... Я так хотела... Я много страдала... Должна была оставить Россию” [3, т. 1, с. 54]. Ср. в “Острове Борнгольм”: “Мы сели под деревом, и старец рассказал мне *ужаснейшую историю* – историю, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она остается до другого времени. <...> я узнал тайну гревзендского незнакомца – *тайну страшную*!” [7, т. 1, с. 673].

Итак, в финалах обеих повестей на первый план выдвигается мотив нерассказанной истории. У Карамзина подоплёкой является любовная связь между братом и сестрой (см., например: [9, с. 90]). А Дьяков оставил намеки, позволяющие предположить, что причиной бегства Веры из России в Швейцарию стала внебрачная беременность. Жернов наблюдает в кружке эмигрантов-революционеров две сцены, которые, на наш взгляд, являются проекцией произошедшего с молодой Верой Чужаевой, хоть и не связаны напрямую с ее судьбой. Но они отражают нравы, царящие в среде нигилистов: “Одна из женщин была поразительно молода, сущий ребенок; она усерднее всех рисовалась цинизмом, поднимала подол, чтобы юбками вытереть стол, залитый пивом, и нахально улыбалась, обводя глазами своих собеседников и разбрасывая им на колени свои детские ноги” [3, т. 1, с. 31]. Вторая сцена – “суд” над кружковцем Фингаловым, соблазнившим гражданку Лебедеву: “Я требую, чтобы Фингалов со мной повенчался <...> Я... я беременна; требую этого для ребенка”, “Я увлеклась господином Фингаловым во имя общей работы, во имя тех идей, которыми все мы прельщаемся, на которых все мы обманываемся” [3, т. 1, с. 33].

Здесь происходит развитие-переосмысление конфликта, обозначенного еще в “Бедной Лизе”. Если в повести Карамзина свобода любить вступает в противоречие с сословными ограничениями (Эраст зависим от общественного мнения), то у Дьякова свобода любви, активно проповедуемая нигилистами, конфликтует с ограничениями мировоззренческими, причем прямо противопоставленными патриархальной “чувствительности”.

Лебедеву осмеивают, поскольку в кружке нигилистов отрицается институт брака, он считается предрассудком. Тут же выясняется, что у Фингалова в России есть жена и трое детей, поэтому жениться снова он не может. Дьяков, как и Карамзин, выдвигает тему преступной безответственности, но опирается он, конечно, не только на Карамзина: Вера Чужаева и Лебедева оказываются в одном ряду с таким "брошенными" героинями антинигилистической прозы, как Нюта Лубянская из романа "Панургово стадо" Крестовского, Глафира Акатова из романа Лескова "На ножах", Даша и Лиза из "Бесов" Достоевского и др. Уже это обстоятельство свидетельствует о том, что Дьяков вовсе не следует послушно за Карамзиным: он лишь учитывает его, и многое у Дьякова из Карамзина невыводимо, а прежде всего – подчеркнутый антиэстетизм нигилистов-революционеров, сочетающийся с открытым цинизмом. Если это мир Карамзина, то вывернутый наизнанку. Но и в страшном и, казалось бы, фундаментально ущербном мире все же находится место карамзинскому идеализму, и представление о любви как о чем-то светлом и высоком противопоставлено холодному разврату. При этом Дьяков, как некогда Карамзин или Достоевский, в свою очередь на него опиравшийся (см.: [10, с. 179–180]), учитывает идеологию "руссоизма", понимая ее двусмысленность: "прогрессивность" в любой момент может обернуться нравственной деградацией, а идеал "естественного человека", свободного в чувствах, честного, простого и равноправного с другими, оказывается уже не "сентименталистской", а нигилистической утопией.

Таким образом, темы антинигилистической полемики в повести Дькова "Из записок социал-демократа" реализуются, с одной стороны, через систему мотивов и сюжет повести "Остров Борнгольм", а с другой – через конфликт и отдельные мотивы "Бедной Лизы". Но в отличие от "Острова Борнгольма", где девушка остается в суровом заточении, и "Бедной Лизы", где брошенная любовником героиня кончает жизнь самоубийством, повесть Дьякова заканчивается благополучно: Жернов становится спасителем затворницы Веры и женится на ней (в этом смысле оправдывая свое "непрошенное рыцарство", о котором мы упомянули выше). Герои преодолевают "ужасное и таинственное" нигилистическое прошлое и устремляются к сентиментальному идеалу свободного чувства, оберегаемого браком. Так, в своей первой повести Дьяков, учитывая давние опыты Карамзина, выдвигает этический идеал, принципиально несовместимый с нигилизмом, борьбу с которым продолжает на протяжении всего последующего творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Майорова О.Е.* Дьяков Александр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 203–204.
2. *Незлобин А. <Дьяков А.А.>* Фатальная жертва // Русский вестник. 1876. № 5. С. 119–192.
3. *Незлобин А. <Дьяков А.А.>* Кружковщина. "Наши лучшие люди – гордость нации": Рассказы А. Незлобина. Одесса: Изд. П. Цитовича. 1879. Вып. 1–3.
4. *Ефимов А.С.* Повесть "Фатальная жертва" А.А. Дьякова (А. Незлобина) и мотив "нечестивого собрания" // Litera. 2020. № 3. С. 34–40.
5. *Ефимов А.С.* Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и "готический сюжет" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 18–22.
6. *Ефимов А.С.* "Тайны современного Петербурга" В.П. Мещерского и "Уединенный домик на Васильевском" В.П. Титова и А.С. Пушкина // Litera. 2020. № 1. С. 124–134.
7. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1964.
8. *Цейтлин А.Г.* Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 33–74.
9. *Вацуро В.Э.* Готический роман в России. М.: НЛО, 2002. 542 с.
10. *Ивинский Д.П.* Роман Достоевского "Идиот" и альманах Карамзина "Аглая" // Филологический журнал. 2018. № 3. С. 161–184.

REFERENCES

1. Mayorova, O.E. *Dyakov Alexander Alexandrovich*. [Dyakov Alexander Alexandrovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2: G–K. Moscow, 1992, pp. 203–204. (In Russ.)
2. Nezlobin, A. <Dyakov, A.A>. *Fatalnaya zhertva* [Fatal Sacrifice]. *Russkij Vestnik* [Russian Bulletin]. 1876, No. 5, pp. 119–192. (In Russ.)

3. Nezlobin, A. <Dyakov, A.A>. *Kruzhkovshchina. Nashi luchshie lyudi – gordost nacii: rasskazy` A. Nezlobina* [Kruzhkovshchina. Our Best People are the Pride of the Nation: A. Nezlobin's Stories]. Odessa, 1879, Vol. 1–3. (In Russ.)

4. Efimov, A.S. *Povest "Fatalnaya zhertva" A.A. Dyakova (A. Nezlobina) i motiv "nechestivogo sobraniya"* [The Story "Fatal Sacrifice" by A.A. Dyakov (A. Nezlobin) and the Motive of the "Unholy Meeting"]. *Litera*. 2020, No. 3, pp. 34–40. (In Russ.)

5. Efimov, A.S. *Russkij antinigilisticheskij roman 1860–1870 gg. i "goticheskij syuzhet"* [The Russian Anti-Nihilistic Novel of 1860–1870 and "Gothic Plot"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2019, No. 12, pp. 18–22. (In Russ.)

6. Efimov, A.S. *"Tajny sovremennogo Peterburga" V.P. Meshcherskogo i "Uedinyonnyj domik na Vasiljevskom" V.P. Titova i A.S. Pushkina* ["Secrets of Modern Petersburg" by V.P. Meshchersky and "A Secluded House on Vasilievsky" by V.P. Titov and A.S. Pushkin]. *Litera*, 2020, No. 1, pp. 124–134. (In Russ.)

7. Karamzin, N.M. *Izbranny`e sochineniya v 2-kh t.* [Selected Works in Two Volumes]. Moscow, Leningrad, 1964, Vol. 1–2. (In Russ.)

8. Tsejtlin, A.G. *Syuzhetika antinigilisticheskogo romana* [The Plot of the Anti-nihilistic Novel]. *Literatura i marksizm* [Literature and Marxism]. 1929, Vol. 2, pp. 33–74. (In Russ.)

9. Vatsuro, V.E. *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic Romance in Russia]. Moscow, NLO Publ., 2002. 542 p. (In Russ.)

10. Ivinsky, D.P. *Roman Dostoevskogo "Idiot" i almanah Karamzina "Aglaya"* [Dostoevsky's Novel "The Idiot" and Karamzin's Almanac "Aglaya"]. *Filologicheskij zhurnal* [Philological Journal]. 2018, No. 3, pp. 161–184. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 53–63

DOI: 10.31857/S241377150014554-2

Об информационном обеспечении научно-методического руководства научными исследованиями в области языкознания в Российской академии наук

© 2021 г. А. Б. Антопольский

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ale5695@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 03 августа 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Предлагается создание информационно-справочной системы, содержащей полные и комплексные сведения о научных результатах учреждений РАН, научных подразделений и научных работников в области языкознания. Справочная система должна обеспечивать информационную поддержку качественного научно-методического руководства со стороны профильного отделения РАН. Приводится классификация информационных объектов, содержащих научные результаты, – как традиционных (публикации, отчеты, диссертации), так и новых цифровых (лингвистические базы данных, сайты, корпуса, аккаунты и др.). Описываются предварительные результаты по созданию такой системы. Перечисляются функции справочной системы. Приводится модернизированный раздел “Языкознание” Государственного рубрикатора научно-технической информации.

Ключевые слова: языкознание, лингвистические ресурсы, научные результаты, справочная система, классификация.

Для цитирования: *Антопольский А.Б.* Об информационном обеспечении научно-методического руководства научными исследованиями в области языкознания в Российской академии наук // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 53–63. DOI: 10.31857/S241377150014554-2.

Information Support of Scientific and Methodological Guidance of Scientific Research in the Field of Linguistics in the Russian Academy of Sciences

© 2021 Alexander B. Antopolsky

Doct. Sci. (Tech.),
Head Researcher at the Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the RAS (INION RAN),
Nakhimovskiy Prospect 51-21, Moscow, 117997, Russia
ale5695@yandex.ru

Received by Editor on August 03, 2020
Date of publication April 30, 2021

Abstract. It is proposed to create an information and reference system containing complete and comprehensive information about the scientific and scholarly results achieved by the RAS institutions, scientific departments and researchers in the field of linguistics. The reference system should provide information support for high-quality scientific and methodological guidance from the relevant branch of the Russian Academy of Sciences. The classification of information objects describing scientific and scholarly results includes both traditional forms of writing (publications, reports, dissertations) and the new digital ones (linguistic databases, websites, corpora, accounts, etc.). The preliminary results of creating such a system are described. The functions of the help system are listed. The updated version of the section "Linguistics" of the State rubricator of scientific and technical information is offered.

Key words: linguistics, linguistic resources, scientific and scholarly results, reference system, classification.

For citation: Antopolsky, A.B. *Ob informacionnom obespechenii nauchno-metodicheskogo rukovodstva nauchnymi issledovaniyami v oblasti yazykoznaniya v Rossijskoj Akademii nauk* [Information Support of Scientific and Methodological Guidance of Scientific Research in the Field of Linguistics in the Russian Academy of Sciences]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 53–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014554-2.

Постановка задачи

Действующими нормативными документами [1]; [2] на Российскую академию наук возложено научно-методическое руководство научными исследованиями в России. В настоящей статье обсуждается содержание этой деятельности на примере языкознания и предлагаются средства по ее информационной поддержке.

Основные задачи, которые должна решать РАН при осуществлении научно-методического руководства, могут быть сформулированы следующим образом:

- разработка программ научных исследований;
- экспертиза заявок на проекты и темы научно-исследовательских работ;
- оценка результатов научно-исследовательских работ, а также научных учреждений и научных подразделений;
- согласование планов проведения научных мероприятий;
- определение перспективных направлений научных исследований;
- выявление дублирования и лакун научных исследований.

Актуальной задачей именно для лингвистов являются создание и поддержка электронных лингвистических информационных ресурсов (далее – ЛИР). Эта работа, которая ведется в большинстве научных учреждений РАН, в настоящее время никак не координируется. По нашему мнению, научно-методическое руководство в этой области должно решать следующие задачи:

- мониторинг и учет создаваемых ЛИР;
- координация создания ЛИР, включая координацию работ по оцифровке публикаций и созданию научной электронной библиотеки по языкознанию;
- экспертиза и оценка ЛИР;
- подготовка рекомендаций по интеграции и агрегации ЛИР;
- поддержка созданных ЛИР и обеспечение свободного доступа к ним;
- обеспечение архивирования и сохранности ЛИР.

Задачи научно-методического руководства и координации должны решаться на профессиональном уровне, что можно обеспечить, только опираясь на специалистов. При этом специалистам, осуществляющим научно-методическое руководство, необходим специальный информационный инструмент. Этот инструмент должен быть тематический, т.е. учитывать особенности данной области науки. Универсальные общероссийские информационные системы, такие как ЕГИСУ НИОКТР [3] или Система управления НИР [4], не очень подходят для этой цели. К тому же многие данные, необходимые для качественного научно-методического руководства, разбросаны по разным информационным системам или находятся только на сайтах научных организаций.

Поэтому предлагается создать Справочно-информационную систему (СИС) под условным названием “Языкознание в РАН”. Эта система должна дать полное комплексное представление обо всех участниках и результатах научной деятельности в данной области, причем как в традиционных формах – публикации, отчеты, диссертации, так и в электронной – сайты, корпуса, базы данных, другие ЛИР, аккаунты и др.

Очевидно, эта система в перспективе должна охватывать все научные исследования в России в данной тематической области, включая вузовскую и прикладную науку. Однако на первом этапе РАН должна навести порядок в собственном доме и обеспечить качественное научно-методическое руководство исследованиями в академическом секторе, отработав соответствующие методики и инструментарий. Для области языкознания организационной формой научно-методического руководства должно быть Отделение историко-филологических наук РАН. Нет сомнения, однако, что в создании и эксплуатации СИС должны принимать участие и институты РАН, прежде всего ИНИОН РАН и ИРЯ РАН, создавшие существенный задел для СИС.

Кроме информационной поддержки научно-методического руководства, предлагаемая СИС, конечно, должна использоваться и для справочно-информационного обслуживания ученых, работающих в области языкознания, например, при составлении заявок на гранты или при подготовке проектов программ. В перспективе СИС поможет существенно сократить затраты ученых на подготовку отчетности.

В основу создания СИС должны быть положены результаты, полученные специалистами ИНИОН РАН и ИРЯ РАН в ходе исследований по гранту РФФИ КОМФИ 18-00-00298 “Интеграция научно-информационных ресурсов учреждений РАН по гуманитарным наукам (на примере языкознания) как части единого цифрового информационного пространства РАН”.

Одним из результатов этих исследований было создание информационной системы “Навигатор информационных ресурсов по языкознанию” (НИРЯЗ 2) [5]. Описание этой системы содержится также в работе [6]. Опыт создания НИРЯЗ 2, а также накопленные в нем данные могут быть положены в основу создаваемой СИС.

Далее формулируются основные требования к создаваемой СИС, ее наполнению и функциональности.

Общие требования к СИС

СИС должна создаваться на основе открытых источников. При создании СИС должен быть исключен сбор обязательной дополнительной отчетности от учреждений и научных работников. Администратор СИС, однако, должен иметь право просить учреждения и научных работников проверить и дополнить имеющуюся у него информацию.

Учреждения и научные работники РАН должны иметь техническую возможность с минимальными затратами корректировать и дополнять информацию, размещенную в СИС.

Корректировка и дополнение информации в СИС должны осуществляться в электронном виде через модератора – администратора СИС.

СИС должна быть размещена в Интернете и быть доступна для свободного и бесплатного доступа без регистрации. Информация в СИС должна размещаться под лицензией Creative Commons Attribution (CC-BY) и быть доступной для скачивания и некоммерческого использования со ссылкой на источник.

Актуализация информации, размещенной в СИС, должна осуществляться не реже, чем 2 раза в год.

Источниками информация для наполнения СИС являются:

- интернет-сайты институций, персон, периодических изданий, мероприятий;
- государственные учетные информационные системы Минобрнауки, ВАК, Рособрнадзора, государственных научных фондов;
- информационные системы открытого доступа;
- данные, предоставляемые добровольно учреждениями и научными работниками.

При наличии противоречий в источниках приоритет отдается данным, предоставляемым учреждениями и научными работниками.

Для информационных объектов, представленных в Интернете, т.е. имеющих отдельные адреса сайтов или страниц, СИС автоматически подсчитывает Индекс качества сайта (ИКС) при помощи сервиса компании Яндекс [7]. Этот показатель может использоваться для

количественной оценки информационных объектов, включенных в СИС.

Состав контента СИС

В СИС включаются 2 категории акторов научных исследований (институции и персоны) и 10 категорий информационных объектов, отражающих результаты научных исследований. Те и другие частично разделены на виды.

Акторы

1. ***Институции***:
   - управленческие структуры,
   - учреждения (институты),
   - научные подразделения языковедческого профиля,
   - аффилированные структуры,
   - научные советы и комиссии,
   - научно-методические советы,
   - диссертационные советы,
   - ученые советы,
   - советы молодых ученых.
2. ***Персоналии***

Включаются открытые (размещенные в Интернете) сведения о научных работниках, работающих или работавших ранее в учреждениях РАН.

Информационные объекты

1. ***Научные исследования:***
   - Государственные программы
   - Программы РАН
   - Темы НИР
   - Гранты
   - Международные проекты
   - Хоздоговорные проекты
   - Экспедиции
   - Инициативные работы.
2. ***Библиографические сведения:***
   - Библиографии трудов учреждений и подразделений
   - Библиографии трудов персональные
   - Профильные библиотечные каталоги
   - Библиографические БД
   - Предметные и тематические библиографии
3. ***Полнотекстовые книжные издания:***
   - Публикации учреждений
   - Электронные библиотеки
   - Оцифрованные коллекции
   - Профильные библиотечные фонды
4. ***Периодика***

Включаются сведения о периодических, продолжающихся и сериальных изданиях. Для изданий, включенных в E-library, можно ограничиться наименованием и ссылкой на страницу издания в этой системе. Для изданий, не отраженных в E-library, должны включаться соразмерные сведения.

5. ***Научные мероприятия*** (конгрессы, конференции, семинары и т.д.)

Сведения о мероприятиях должны, кроме данных о самом мероприятии, включать сведения о наличии в доступе и форме представления материалов конференции, в том числе в E-library.

6. ***Материалы диссертационных советов:***
   - Авторефераты
   - Диссертации
   - Материалы защит
7. ***Лингвистические ресурсы и системы***

Данная категория является специфической для языкознания и потому особенно важной. Она включает следующие виды информационных объектов:

- Корпуса текстов
- Словарные БД и электронные картотеки
- Лингвистические процессоры
- Грамматические ресурсы
- Описания языков, реестры языков
- Справочники, энциклопедии
- Лингвистические атласы и ГИС
- Этно- и социолингвистические БД
- Информационные языки
- Каталоги интернет-ссылок,
- Комплексные лингвистические АИС
- Сайты лингвистических институций
- Аффилированные лингвистические сайты

8. ***Архивная и музейная информация:***

- Личные фонды в академических архивах
- Фонды учреждений в академических архивах
- Описи архивных фондов
- Фонды документов на редких языках
- Электронные представления памятников письменности
- Музейные фонды

9. ***Медиафонды***

Включаются сведения о создаваемых учреждениями РАН фондах фото-, аудио-, видео-, кинодокументов.

10. ***Материалы популяризации науки, учебные материалы***

Этапность развития контента СИС

На первом этапе создания СИС предлагается ограничиться минимальной информацией о каждой категории информационных объектов. Состав минимальной информации приведен ниже. Более полные сведения должны определяться появлением задач, для решения которых нужны эти сведения. Примеры этапов развития контента:

- Категория “Результаты НИР”:
  - Первый этап – наименование работы и ссылка на источник.
  - Второй этап – аннотация и другие сведения о НИР, имеющиеся в ЕГИСУ НИОКТР, а также в архивах РФФИ, РГНФ, РНФ и других учетных системах.
  - Третий этап – полные тексты отчетов.
- Категория “Библиографические сведения”:
  - Первый этап – наименование библиографии и ссылка на источник.
  - Второй этап – файлы библиографических перечней и каталогов.
  - Третий этап – сводная библиографическая БД РАН.
- Категория “Полнотекстовые книжные издания”:
  - Первый этап – наименования электронных коллекций.
  - Второй этап – наименования отдельных публикаций.
  - Третий этап – электронная библиотека открытых публикаций.
- Категория “Мероприятия”
  - Первый этап – наименования мероприятий.
  - Второй этап – материалы мероприятий.

Структура базы данных СИС

Структура базы данных основана на различении акторов исследований (институции и персоны) и собственно информационных объектов. При этом каждый информационный объект связан с одним или несколькими акторами. Персоны также связаны (аффилированы) с институциями.

Институции содержат следующие реквизиты:

- наименование полное,
- наименование краткое,
- вышестоящая структура,
- адрес в Интернете,
- аккаунты в социальных сетях,
- контактная информация,
- описание – текстовое поле, содержащее другие сведения об институциях, размещенные на сайте институции,
- персональный состав коллективных институций.

Персоналии содержат следующие реквизиты:

- ФИО персоны,
- институция (одна или несколько), с которой аффилирована персона,
- адрес персональной страницы в Интернете,
- профили, аккаунты, идентификаторы в социальных сетях и информационных системах,
- описание – текстовое поле, содержащее другие сведения о персоне, доступное на персональной странице.

Все категории информационных объектов имеют следующие обязательные реквизиты:

- категория объекта,
- вид объекта (не для всех категорий),
- наименование объекта,

- ссылка на институции – создателей/владельцев,
- ссылка на персоны – создателей/владельцев,
- адрес в Интернете,
- тематика (код ГРНТИ),
- языковой фасет,
- описание – текстовое поле, содержащее другие сведения об информационном объекте.

Необходимость других формализованных реквизитов для отдельных категорий информационных объектов должна быть дополнительно обоснована. На первом этапе любые другие полезные сведения могут быть включены в текстовое поле “Описание”.

Лингвистическое обеспечение СИС

Лингвистическое обеспечение СИС включает следующие нормированные языковые средства:

1. Функциональная классификация информационных объектов, образующая структуру БД СИС (Приложение 1);

2. Тематическая классификация на основе ГРНТИ, причем раздел 16 “Языкознание” представляется в виде варианта, модернизированного совместно ИНИОН РАН и ИРЯ РАН в рамках гранта РФФИ 18-00-00298 (Приложение 2). Там же представлена таблица перекодировки рубрик действующего ГРНТИ в модернизированный вариант.

Для удобства пользователя предлагается показывать только реально использованные рубрики ГРНТИ, но при этом свободно дополнять рубрикатор при вводе новых данных.

3. Языковой фасет, включающий три алфавитных перечня:

- языки мира,
- генетические группы языков,
- ареальные и другие группы языков.

Кроме нормированных языковых средств в СИС используется поиск по лексике наименований и текстовых описаний информационных объектов.

Функциональность СИС

СИС должна иметь 2 интерфейса – пользовательский и администратора.

Опции пользовательского интерфейса

Предполагается следующий состав опций пользовательского интерфейса[1]:

Виды поиска:

- поиск по институции;
- поиск по персоне;
- поиск по категориям и видам информационных объектов;
- поиск по тематике (по ГРНТИ);
- поиск по языковому фасету;
- лексический поиск по наименованиям и текстовым описаниям акторов и информационных объектов.

Все виды поиска, кроме поиска по лексике, производятся на основе предъявляемого перечня допустимых значений.

Другие опции:

- получение статистики системы;
- сортировка по значению Индекса качества сайтов;
- контакты с администратором, включая форму для подготовки предложений по корректировке или дополнению информации в СИС.

Опции интерфейса администратора

Интерфейс администратора содержит формы и опции для удаления, редактирования, а также ввода новых реквизитов для акторов, каждой категории информационных объектов, а также для пополнения и корректировки нормированных языковых средств.

Первичное наполнение СИС

Первичное наполнение СИС должно производиться информацией, имеющейся в НИРЯЗ 2. В настоящее время это приблизительно 2 тыс. информационных объектов. Это наполнение может производиться автоматически, но потребует интеллектуального контроля.

Эта информация должна быть дополнена сведениями, имеющимися в ЕГИСУ НИОКТР, архивах государственных фондов, на сайтах академических институций и персон, в других источниках.

Всего СИС на начальном этапе может содержать до 100 институций, до 1 тыс. персон и 3–3,5 тыс. информационных объектов.

[1] Большая часть опций реализована в системе НИРЯЗ 2.

Проблемные вопросы создания СИС

На этапе проектирования и первичного наполнения СИС необходимо решить ряд вопросов методического характера, касающихся разумных ограничений СИС, а также предлагаемой функциональной классификации информационных объектов. Перечислим некоторые из них.

Нужно ли в состав институций СИС включать научно-обеспечивающие подразделения (библиотеки, архивы, РИО, редакции периодики и др.)?

По каким критериям включать аффилированные с учреждениями РАН структуры?

Насколько полно в число персон следует включать ушедших ученых?

Нужно ли разделять на виды персон, мероприятия, периодику и другие категории информационных объектов, которые в предлагаемой классификации видов не имеют? Напротив, не следует ли объединить виды для некоторых категорий, поскольку границы между ними часто условны и субъективны?

Какая глубина ретроспективы разумна для СИС и/или для отдельных категорий информационных объектов? Должна ли СИС выполнять функции справочника по истории академического языкознания?

Часто ученые РАН выполняют исследования через другие институции (например, вузы). Следует ли включать в СИС такие результаты? Это же относится к ЛИР, на которых нет сведений об аффилиации.

Нужны ли в СИС сведения о профильных библиотечных фондах по языкознанию? Если да, то из каких библиотек и как их получить?

Нужны ли в СИС сведения о материалах популяризации науки и учебных материалах?

Следует ли включать в СИС только те мероприятия, где учреждения РАН – организаторы, или также те, где сотрудники РАН – участники? На сайтах учреждений по этому вопросу разнобой.

Материалы разных научных советов нужно рассматривать как материалы мероприятий или как результаты научных исследований?

В настоящее время найден всего 1 академический музей, относящийся к языкознанию. Стоит ли для него создавать отдельную категорию, как в это сделано в НИРЯЗ?

Очевидно, что ответы на эти вопросы должны быть приняты на этапе проектирования и содержаться в регламенте функционирования СИС.

Заключение. Перспективы развития СИС

Предлагаемая СИС может в перспективе развиваться в нескольких направлениях:

1. Развитие контента как переход от наименований информационных объектов к их аннотациям и далее – к полным текстам, как указано в разделе “Этапность развития контента СИС”, т.е. создание на основе СИС электронной библиотеки открытого доступа.

2. Увеличение глубины ретроспективы информации в СИС, создание на основе СИС справочной системы по истории языкознания.

3. Создание сводной библиографической БД по языкознанию на основе учтенных библиографических источников и создание на этой основе инструмента координации оцифровки библиотечных фондов РАН по языкознанию.

4. Расширение тематики: сначала развитие СИС до тематики “Филология”, с включением данных по литературоведению и фольклористике, потом создание СИС “История”, с тем чтобы СИС соответствовала по тематике задачам ОИФН РАН.

5. Расширение сферы охвата: учет научных результатов в области языкознания всех научных учреждений России (включая вузовскую и прикладную науку). Этот вариант потребует существенного увеличения ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон № 253-ФЗ “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (в ред. Федеральных законов от 29.07.2017 № 219-ФЗ и от 19.07.2018 № 218-ФЗ). Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152351/
2. Положение о научно-методическом руководстве РАН научными организациями и образовательными организациями высшего образования. Приложение к постановлению президиума РАН от 17 марта 2015 г. № 45. Электронный ресурс: http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=f8464a10-05fc-4a77-aa53-73fd527ad7a3

3. Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ гражданского назначения. Электронный ресурс: https://www.rosrid.ru/
4. Система управления научно-исследовательскими работами. Электронный ресурс: http://wnir.minobrnauki.gov.ru/
5. Навигатор информационных ресурсов по языкознанию. Электронный ресурс: http://niryaz2.alexo.beget.tech/
6. *Антопольский А.Б.* Научная информация и электронное пространство знаний: монография; под науч. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2020. 313 с.
7. Что такое индекс качества сайта (ИКС)? Электронный ресурс: https://yandex.ru/support/webmaster/site-quality-index.html

REFERENCES

1. *Federalnyj zakon № 253-FZ "O Rossijskoj akademii nauk, reorganizacii gosudarstvennyh akademij nauk i vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii" (v red. Federalnyh zakonov ot 29.07.2017 № 219-FZ i ot 19.07.2018 № 218-FZ)* [Federal Law No. 253-FZ "On the Russian Academy of Sciences, Reorganization of State Academies of Sciences and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended). Federal laws of 29.07.2017 No. 219-FZ and of 19.07.2018 No. 218-FZ)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152351/ (In Russ.)
2. *Polozhenie o nauchno-metodicheskom rukovodstve RAN nauchnymi organizaciyami i obrazovatelnymi organizaciyami vysshego obrazovaniya. Prilozhenie k postanovleniyu prezidiuma RAN ot 17 marta 2015 g. № 45* [Regulations on the Scientific and Methodological Guidance of the Russian Academy of Sciences for Scientific Organizations and Educational Organizations of Higher Education. Appendix to the Resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences No. 45 of March 17, 2015)]. URL: http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=f8464a10-05fc-4a77-aa53-73fd527ad7a3 (In Russ.)
3. *Edinaya gosudarstvennaya informacionnaya sistema ucheta rezultatov nauchno-issledovatelskih i opytno-konstruktorskih rabot grazhdanskogo naznacheniya* [Unified State Information System for Accounting for the Results of Research and Development Work for Civil Purposes]. URL: https://www.rosrid.ru/ (In Russ.)
4. *Sistema upravleniya nauchno-issledovatelskimi rabotami* [The System of Management of Scientific and Research Works]. URL: http://wnir.minobrnauki.gov.ru/ (In Russ.)
5. *Navigator informacionnyh resursov po yazykoznaniyu* [Navigator of Information Resources on Linguistics]. URL: http://niryaz2.alexo.beget.tech/ (In Russ.)
6. Antopolsky, A.B. *Nauchnaya informaciya i elektronnoe prostranstvo znanij: monografiya; pod nauch. red. D.V. Efremenko* [Scientific Information and the Electronic Space of Knowledge: a Monograph. Under the Scientific Editorship of Efremenko, D.V.]. Moscow, INION Publ., 2020. 313 p. (In Russ.)
7. *Chto takoe indeks kachestva sajta (IKS)?*[What is the Site Quality Index (SQI)?]. URL: https://yandex.ru/support/webmaster/site-quality-index.html (In Russ.)

Приложение 1

Функциональная классификация акторов и информационных объектов в СИС

1. Институции:
   - 1.1. Управленческие структуры,
   - 1.2. Учреждения (институты)
   - 1.3. Научные подразделения,
   - 1.4. Аффилированные структуры
   - 1.5. Научные советы и комиссии
   - 1.6. Научно-методические советы
   - 1.7. Диссертационные советы
   - 1.8. Ученые советы
   - 1.9. Советы молодых ученых
2. Персоналии
3. Научные исследования:
   - 3.1. Государственные программы
   - 3.2. Программы РАН
   - 3.3. Темы НИР
   - 3.4. Гранты
   - 3.5. Международные проекты
   - 3.6. Хоздоговорные проекты
   - 3.7. Экспедиции
   - 3.8. Инициативные работы.
4. Библиографии:
   - 4.1. Библиографии учреждений и подразделений

4.2. Библиографии персональные
4.3. Профильные библиотечные каталоги
4.4. Библиографические БД
4.5. Предметные и тематические библиографии
5. Полнотекстовые книжные публикации:
5.1. Публикации учреждений
5.2. Электронные библиотеки
5.3. Оцифрованные коллекции
5.4. Профильные библиотечные фонды
6. Периодика
7. Научные мероприятия
8. Материалы диссоветов:
8.1. Авторефераты
8.2. Диссертации
8.3. Материалы защит
9. Лингвистические ресурсы и системы:
9.1. Корпуса текстов
9.1. Словарные БД и электронные картотеки
9.3 Лингвистические процессоры
9.4. Грамматические ресурсы
9.5. Описания языков, реестры языков
9.6. Справочники, энциклопедии
9.7. Лингвистические атласы и ГИС
9.8. Этно- и социолингвистические БД
9.9. Информационные языки
9.10. Каталоги интернет-ссылок
9.11. Комплексные лингвистические АИС
9.12. Сайты лингвистических институций
9.13. Аффилированные лингвистические сайты
10. Архивная и музейная информация:
10.1. Личные фонды в академических архивах
10.2. Фонды учреждений в академических архивах
10.3. Описи архивных фондов
10.4. Фонды документов на редких языках
10.5. Электронные представления памятников письменности
10.6. Музейные фонды
11. Медиафонды:
11.1. Фото
11.2. Аудио
11.3. Видео
11.4. Кино
11.5. Смешанные
12. Материалы популяризации науки, учебные материалы

Приложение 2

Модернизированный вариант раздела 16 “Языкознание” ГРНТИ

16. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

16.01 Общие вопросы языкознания

16.01.07 Философия языка. Философия и методология языкознания
16.01.09 История языкознания. Персоналия
16.01.13 Научные общества, съезды, конгрессы, конференции, симпозиумы по языкознанию
16.01.17 Международное сотрудничество в области языкознания
16.01.21 Организация научно-исследовательской работы в языкознании
16.01.29 Информационная деятельность в области языкознания
16.01.33 Терминология языкознания
16.01.45 Преподавание языкознания
16.01.51 Языковая политика. Государственные языки. Законы о языке

16.07 Методы лингвистических исследований

16.07.01 Диахронические исследования. Образование и развитие языков
16.07.03 Сравнительно-историческое языкознание
16.07.05 Структурная лингвистика
16.07.07 Математическая лингвистика. Формализованные языки. Генеративная лингвистика
16.07.09 Полевая лингвистика
16.07.11 Дескриптивная лингвистика
16.07.13 Лингвистическая типология. Классификация языков
16.07.15 Контрастивная лингвистика
16.07.17 Когнитивная лингвистика

16.21 Общее языкознание

16.21.07 Общетеоретические проблемы языкознания. Семиотика. Язык и речь. Невербальная коммуникация

16.21.21 Прагматика. Теория речевых актов

16.21.27 Социолингвистика

16.21.29 Многоязычие и билингвизм

16.21.31 Интерлингвистика

16.21.33 Лингвистика текста. Анализ дискурса

16.21.36 Этнолингвистика

16.21.38 Психолингвистика

16.21.42 Нейролингвистика

16.21.51 Семантика

16.21.55 Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика. Функциональные стили

16.21.61 Культура речи и языковая норма

16.21.63 Диалектология и лингвистическая география

16.21.65 Лексикография. Словари

16.25 Уровни языка

16.25.11 Язык и письмо. Графика. Орфография. Пунктуация

16.25.13 Фонология. Фонетика. Акцентология

16.25.15 Грамматика

16.25.19 Морфонология. Словообразование. Морфология

16.25.21 Синтаксис

16.25.23 Лексикология. Терминоведение

16.25.25 Ономастика. Топонимика

16.25.27 Этимология

16.25.29 Фразеология

16.31 Прикладное языкознание

16.31.21 Морфологический, синтаксический автоматический анализ текста

16.31.25 Лингвостатистика. Статистическая обработка текста

16.31.27 Автоматический (машинный) перевод

16.31.29 Анализ и синтез устной речи

16.31.31 Информационные языки. Лингвистические вопросы информатики

16.31.33 Лингвистические вопросы искусственного интеллекта

16.31.35 Компьютерная лингвистика

16.31.37 Корпусная лингвистика

16.31.41 Лингвистические вопросы перевода

16.31.51 Лингвистические вопросы преподавания языков. Лингводидактика

16.31.53 Лингвистическая экспертиза. Определение авторства текста

16.31.61 Применение лингвистики в других отраслях

Таблица модернизации кодов ГРНТИ

Код действующего ГРНТИ	Наименование рубрики ГРНТИ	Тип изменения
16	Языкознание	Без изменения
16.01	Общие вопросы языкознания	Без изменения
16.01.07	Философские вопросы, методология и методы исследования в языкознании	Без изменения
16.01.09	История языкознания. Персоналия	Без изменения
16.01.11	Современное состояние и перспективы развития языкознания	Исключить коды
16.01.13	Научные общества, съезды, конгрессы, конференции, симпозиумы по языкознанию	Без изменения
16.01.17	Международное сотрудничество в области языкознания	Без изменения
16.01.21	Организация научно-исследовательской работы в языкознании	Без изменения
16.01.29	Информационная деятельность в области языкознания	Без изменения
16.01.33	Терминология языкознания	Без изменения
16.01.45	Преподавание языкознания	Без изменения
16.21	Общее языкознание	Без изменения
16.21.07	Общетеоретические проблемы языкознания	Без изменения
16.21.21	Методы лингвистических исследований	16.07
16.21.23	Классификация языков	16.07.13
16.21.25	Образование и развитие языков	16.07.01
16.21.27	Социолингвистика	Без изменения
16.21.29	Психолингвистика	16.21.38
16.21.31	Язык и письмо	16.21.11
16.21.33	Лингвистика текста	Без изменения
16.21.35	Уровни языка. Язык как система	16.25
16.21.37	Фонология. Фонетика. Акцентология	16.25.13
16.21.39	Общие проблемы грамматики	16.25.15
16.21.41	Морфология	16.25.19
16.21.43	Синтаксис	16.25.21
16.21.45	Словообразование	16.25.19
16.21.47	Лексикология. Терминоведение	16.25.23
16.21.49	Фразеология	16.25.29
16.21.51	Семантика	Без изменения
16.21.55	Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика	Без изменения
16.21.61	Культура речи и языковая норма	Без изменения
16.21.63	Диалектология и лингвистическая география	Без изменения
16.21.65	Лексикография	Без изменения
16.31	Прикладное языкознание	Без изменения
16.31.02	Общие проблемы прикладного языкознания	16.31
16.31.21	Автоматическая обработка текста. Автоматический перевод. Автоматическое распознавание речи	Исключить коды
16.31.31	Информационные и формализованные языки	Без изменения
16.31.41	Лингвистические вопросы перевода	Без изменения
16.31.51	Лингвистические вопросы преподавания языков	Без изменения
16.31.61	Приложение языкознания к другим наукам	Без изменения
16.41 и нижестоящие		Исключить коды
39.29	Топонимика	16.25.25

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 64–80

DOI: 10.31857/S241377150014556-4

Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации)

© 2021 г. В. В. Дементьев

Доктор филологических наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
dementevvv@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 02 сентября 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье представлен взгляд на современное состояние теории дискурса, которая, по мнению автора, переживает переходный период, связанный, с одной стороны, с актуализировавшимися в последние годы направлениями исследований речи, с другой – с появлением и стремительным развитием принципиально новой сферы речевой коммуникации – интернет-коммуникации.

Автор сравнивает современное состояние теории дискурса с предшествующим, в котором за очень короткое время произошли сразу три полноценные научные революции (текст не обязательно должен быть художественным; текст не обязательно должен быть письменным; текст не обязательно должен быть монологическим), и высказывает предположение, что назрели предпосылки для новой – четвертой – дискурсивной научной революции: текст не обязательно должен выходить за пределы мышления одной отдельно взятой языковой личности, полноценный объект теории дискурса – внутренняя речь, монологическое речевое мышление.

В статье рассматриваются теоретические (типология речи) и практические (эмпирическая психолингвистика, литературоведение) предпосылки к формированию нового направления теории дискурса – дискурсивных исследований монологического речевого мышления.

Основная часть исследования посвящена интернет-коммуникации.

В центре внимания оказываются две противоположные, но диалектически связанные характеристики интернет-коммуникации: повышение степени диалогичности (количество источников информации и скорость обмена репликами и завязывания новых контактов) и понижение степени диалогичности (аутизм и эскапизм; “интерактивность и интерпассивность”), – которые автор предлагает понимать как одновременное усиление в интернет-коммуникации, во-первых, начала монологического, соответствующего “четвертой дискурсивной революции”, во-вторых – начала воздейственного, по видимости противоположного первому, но в реальности неразрывно с ним связанного.

Ключевые слова: дискурсивная научная революция, модели коммуникации, монологическое речевое мышление, интернет-коммуникация, интерактивность, интерпассивность, интернет-творчество.

Для цитирования: *Дементьев В.В.* Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 64–80. DOI: 10.31857/S241377150014556-4.

A New Discursive Revolution? (Towards Comprehending Two Typological Characteristics of Internet Communication)

© 2021 Vadim V. Dementyev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia
dementevvv@yandex.ru

Received by Editor on September 02, 2020
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article presents a view of the current state of the theory of discourse, which, according to the author, is going through a transitional period, associated, on the one hand, with the areas of speech research that have become relevant in recent years, and on the other hand — with the emergence and rapid development of a fundamentally new sphere of speech communication — the Internet communication.

The author compares the current state of the theory of discourse with the previous one, in which three full-fledged scientific revolutions took place in a very short time (the text does not have to be artistic; the text does not have to be written; the text does not have to be monologic), and suggests that the time is ripe for a new — the fourth — discursive scientific revolution: the text does not have to go beyond the mind of a separate language personality; an inner speech, a monologic verbal thinking is in itself a valuable object of the theory of discourse.

The article examines the theoretical (typology of speech) and practical (empirical psycholinguistics, literary criticism) prerequisites for the formation of a new direction in the theory of discourse — discursive studies on monologic verbal thinking.

The main part of the research is devoted to Internet communication.

The focus is on two opposite, but dialectically related characteristics of Internet communication: an increase in the degree of dialogicity (the number of sources of information and the rate of exchange of remarks and making new contacts) and a decrease in the degree of dialogicity (autism and escapism) ("interactivity and interpassivity"), — which the author proposes to understand as a simultaneous strengthening in Internet communication, firstly, the beginning of a monologue corresponding to the "fourth discursive revolution", and secondly — the beginning of an influential one, seemingly opposite to the first, but in reality inextricably linked with it.

Key words: discursive scientific revolution, communication models, monologic verbal thinking, Internet communication, interactivity, interpassivity, Internet creativity.

For citation: Dementyev, V.V. *Novaya diskursivnaya revolyutsiya? (K osmysleniyu dvukh tipologicheskikh kharakteristik internet-kommunikatsii)* [A New Discursive Revolution? (Towards Comprehending Two Typological Characteristics of Internet Communication)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 64—80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014556-4.

0. Введение

Становление и развитие теории дискурса (до этого — лингвистики текста) ознаменовалось целым рядом полноценных научных революций, приведших к разрыву традиции и значительному переосмыслению не только собственно теории дискурса, но и лингвистики в целом. По мнению многих ученых, появление и развитие дискурсивного анализа привело к переосмыслению многих (или даже всех) основополагающих положений лингвистики: распространенной является точка зрения, что сегодняшняя лингвистика не может выполнять даже свои традиционные задачи — изучать язык и речь — так, как будто бы не было дискурсивного анализа [1]—[3].

Сегодня с большой степенью уверенности можно сформулировать содержание не одной, а трех дискурсивных революций:

1) текст не обязательно должен быть художественным (т.е. на звание текста со всем набором текстовых категорий, единиц, закономерностей и правил, моделей порождения и восприятия – и существующих разработанных методов их изучения – могут претендовать не только художественные тексты, которые одни до появления лингвистики текста и изучались и для которых была выявлена и проанализирована данная система категорий, и т.д.),

2) текст не обязательно должен быть письменным,

3) текст не обязательно должен быть монологическим [1]; [2]; [4]; [5].

"Четвертой дискурсивной революции", которой посвящена настоящая статья, собственно, не было, но она во многих отношениях "просится": текст (или, вернее, объект, претендующий на звание текста) не обязательно должен выходить за пределы мышления одной отдельно взятой языковой личности (быть озвученным, записанным, тем более – отправленным индивидуальному или коллективному адресату), иными словами, полноценный объект теории дискурса – внутренняя речь, монологическое речевое мышление (далее – ММ), которое и рассматривается как дискурс или текст.

(Сделаем важное замечание. Научная революция не равна простому расширению объекта, а формулировка с "не обязательно" в качестве основного понятия нехороша для научного направления. И то, и другое возможно только в случае качественно иного осмысления объекта, выявления глубинных законов и категорий, обусловливающих его природу, структуру, функционирование. Как известно, расширение объекта, привлечение дополнительных его вариантов иногда приводило к этому, но гораздо чаще – нет. В трех дискурсивных научных революциях такое совмещение было, в гипотетической четвертой – не было.)

Сформулированное нами таким образом положение (скорее гипотеза) не может не только претендовать на звание научной революции, рядоположенной трем вышеназванным, но и не может считаться научным направлением, ибо полноценное научное направление (в современном понимании, "что такое наука") должно включать три обязательные составляющие: материал, проблему, метод. Ничего этого нет – по понятной причине: ученые не экстрасенсы, и данный объект – ММ – им недоступен.

Впрочем, так ли уж "ничего нет"? Сегодня (а в будущем, вероятно, в еще большей степени) можно говорить о появлении целого ряда разнообразных факторов, в большей или меньшей степени противоречащих данному категоричному утверждению.

Так, во-первых, материал ММ недоступен только в непосредственном наблюдении, а в разнообразных опосредованных, косвенных проявлениях доступен – и лингвисты (включая специалистов по лингвистике текста и дискурса) им уже немало и успешно занимались.

Во-вторых, ничто не мешало теоретикам науки помещать недоступные непосредственному наблюдению, но несомненно важные процессы в свои теоретические (дедуктивные) модели для объяснения большого количества других важных процессов коммуникативно-языкового характера, которые без этого оказывались бы непонятны. Ряд таких моделей будет рассмотрен нами ниже.

В-третьих, сама коммуникативно-речевая и коммуникативно-языковая реальность сейчас меняется, и процессы, недоступные наблюдению еще недавно, становятся если и не доступными в полной мере, то, по крайней мере, более доступными – в своих в разной степени опосредованных проявлениях. Имеем в виду прежде всего интернет-коммуникацию.

Добавим, что если до сих пор в движении от монологической (художественной или нет) к устной диалогической речи наблюдалось последовательное повышение диалогичности, значимой для текстовой организации речи, то в случае внутренней речи диалогичности уже как будто бы намного меньше, но, возможно, это впечатление уменьшения степени диалогичности лишь кажущееся.

1. Речемыслительные (внутренняя речь) процессы и их изучение в дискурс-анализе

1.1. Психолингвистический аспект

Начнем с того, что во всех названных дискурсивных революциях (особенно второй и третьей) сыграли решающую роль достижения коллоквиалистов – исследователей *устной спонтанной речи* (начиная с работ Л.П. Якубинского), адекватное осмысление

которой, в силу ее неподготовленности, непосредственности и т.п., требует учета особенностей *внутренней речи*, которой по своей природе наиболее близка устная спонтанная речь [6]; [7]. Тем самым в поле зрения исследователей попадают не только речемыслительные аспекты текстов, но и собственно текстовые аспекты внутренней речи и речевого мышления – ММ.

Феномен "мысленного рассказывания историй" – с предшествующими данному процессу этапами речепорождения – активно и вполне успешно изучался "полевыми" психолингвистами, но всегда опосредованно, а отсюда – предположительно, через внешние проявления, доступные наблюдению, фиксации и подсчету: через посредство анкетирования, тестирования, психолингвистических экспериментов (ассоциативного и подоб.) [6]; [8]–[13].

Текстовые (текстоподобные) структуры внутренней речи изучал А.Н. Соколов в 1960-е годы, проводя эксперименты с большими группами испытуемых: испытуемым предлагалось решать мыслительные задачи (по физике, математике и т.п.) и одновременно проговаривать свои мысли вслух, каковое проговаривание и записывалось и изучалось в связи с условиями текстопорождения (тип задачи, тип эксперимента (например, наличие помех), состояние испытуемого).

Впоследствии данная традиция в психолингвистике была продолжена, хотя о настоящей ясности в понимании текстовой природы и механизмов мышления говорить по-прежнему трудно.

Так, в современной психолингвистике анализируются структуры мышления разных типов в связи с текстами разных типов и жанров (в связи с композиционными особенностями текстов и без такой связи).

Ср. работы, выявляющие (ассоциативным методом) организацию семантических компонентов в мышлении на основании корпуса прочитанных текстов: семантическую близость компонентов (синонимы, метафоры) на основе вхождения в один и тот же текстовый корпус (такие исследования велись и дифференцированно в связи с тем, к каким жанрам (литературным и нелитературным) относились данные тексты) [14].

Часть таких исследований развивает известную модель В.Я. Проппа (компоненты сказки): подобным образом выделяются и формализуются композиционные и семантические компоненты для разных жанров (например, научной статьи) [15]; [16].

Исследователями активно разрабатываются структурные модели рационального мышления (в т.ч. "глобальные когнитивные модели", например вопросно-ответная система Т. Винограда [17] или теория решения задач человеком А. Ньюэлла и Г. Саймона [18], модель ACT (Adaptive Control of Thought – адаптивный контроль мышления) Дж.Р. Андерсона [19], модель Soar (англ. взлетать, парить) Алана Ньюэлла [20]; [21]), опирающиеся на обязательные текстовые и коммуникативные компоненты, такие как тема и рема, субъект и предикат, экзекутивные процессы, умозаключения по аналогии, эвристики, парсеры и т.д. (см.: [22]).

1.2. Типологический аспект

Для нашего исследования имеют не меньшее значение результаты противоположного – дедуктивного осмысления ММ, которые, в отличие от индуктивных исследований (таких как рассмотренные работы психолингвистов-эмпириков), не опираются на непосредственную коммуникативную практику, но позволяют соотносить ММ с другими лингвистическими феноменами, прежде всего текстовыми, а также уточнять при помощи понятия ММ некоторые авторитетные лингвистические классификации.

Сделаем важное замечание. Мы не ставим целью представить все дискурсивные типологии: это невозможно в одной статье. Авторы, чьи концепции представлены в этом параграфе, также не совершили научных революций. Они выбраны нами на том основании, что, во-первых, активно и успешно занимались дискурсивной теорией и практикой, причем в тех направлениях, в которых, как представляется, современная дискурсивная теория развивается особенно активно: В.И. Карасик – в лингвокультурологии, В.В. Прозоров – в литературоведении, К.Ф. Седов – в психолингвистике. Во-вторых, все они более или менее регулярно занимались интернет-коммуникацией. В-третьих – главное, – ММ занимает важное место во всех разрабатываемых ими типологиях.

Так, В.В. Прозоров [23], с одной стороны, вставляет ММ "номером три" в диаду "фатика ~ информатика" Т.Г. Винокур [24]):

Удивляет, однако, отсутствие в этой типологической картине речежанровой вселенной ещё одной (помимо фатики и информатики) – третьей – существенно важной составляющей. Имеются в виду все многочисленные и издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее *скрытой*, *мысленной* (в устных версиях почти беззвучной) *вербализации*, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь для себя, наедине с самим собой. Она может быть всякой – печальной и радостной, озабоченной и расслабленной, мечтательной, отрешённой от реальности или, напротив, прагматичной по своим главным функциям. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия, сопутствует важным жизненным и

житейским поворотам и т.п. “Тихо сам с собою я веду беседу”, – как пелось в одной некогда популярной песне [23, с. 143].

С другой стороны, В.В. Прозоров соотносит получившуюся триаду с известной (Платон–Аристотель–Гегель) триадой “эпос ~ лирика ~ драма”. (Причем важно, что автор не только выделяет и соотносит три типа речевой коммуникации, но и делает это с точки зрения речевых жанров, существующих в данных типах коммуникации.)

К **драме** тяготеют прежде всего все разновидности **информативной**, нечто сообщающей речи. В самой природе информации, в разнообразных процедурах её передачи, её распространения и восприятия всегда заложен конфликт разного масштаба, конфликт между тем, что было известно, ведомо, привычно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой в картину мира или в её отдельные (пусть даже крохотные) фрагменты, во взаимоотношения с другими, в собственные самочувствия и т.д. новая или обновлённая информация. Это конфликт настоящего (состояния) и будущего (со всеми последствиями, которые может иметь новое сообщение). Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение говорящего, и вольное / невольное ожидание воспринимающего информацию. Обе стороны (в том числе и в ситуациях, когда они меняются ролями) устремлены навстречу будущему времени. Их гложет желание поделиться, поведать, доложить, наговорить, уведомить, нашептать, поверить нечто, до поры до времени остававшееся сокрытым... В драме конфликт между Я и Ты (Он, Она, Они) проясняется, обостряется, достигает своего предела. Вот почему к драматическому роду могут быть отнесены всевозможные разновидности жанров молвы (слухи, толки, сплетни, россказни, рассказы о только что увиденном и услышанном), известий, новостей, сенсаций, сообщений, объявлений, манифестов, заявлений, распоряжений, приказов, объяснений, сведений, извещений, выступлений, докладов, лекций, диспутов, дискуссий, споров, выяснения отношений, обвинений, угроз, доносов, ссор...

Эпическое начало, устремлённое к некоему равновесному состоянию, обнимает всё разнообразие живого **фатического** общения, при котором сам акт коммуникации со своими героями и героинями многообразно самоценен и представляет собой поведенчески-речевое ритуальное событие, фамильярное, ласковое, приятельское, праздное, неприязненное, намеренно раздражающее, бранное говорение, признание, описание, разные виды непрямой коммуникации. Эпическое многоцветие пронизывает жанры светской беседы, благодарности, флирта, комплимента, шутки, анекдота, разговора по душам, разговора с попутчиками, объяснения в любви, похвальбы, жалобы, оскорбления, извинения, издёвки, тоста, поздравления и соболезнования, проповеди, беседы... <...> Фатика привычно опирается на прошлый опыт участников общения и пробует вновь и вновь испытать его правомерность и надёжность. И с этой точки зрения, она находится в сфере эпического притяжения.

Лирика словно бы обнимает все разновидности **автокоммуникации**, предполагающей преимущественно **внутреннее** (про себя) речевое общение, замкнутое на одном субъекте, имеющее в виду монологи-медитации, высказывания, выстраивания речевых периодов, обращённых прежде всего и главным образом к самому носителю-инициатору речи. <...> Лирика (уединённое) в переводе на язык речевой практики – это очень часто вербально реализуемое самочувствие Робинзона (без Пятницы), погруженного волею жизненных обстоятельств в свой мир переживаний этих обстоятельств и раздумий по их поводу. Это жанры самопризнания, исповеди, дневниковой записи (дневника), воспоминания, автобиографии, самоиронии, самоанализа, самокритики, самовнушения, саморефлексии, самоутверждения, самоутешения, клятвы, завещания и т.д. По сути дела, это жанры, которые М.М. Бахтин относил к разряду интимных. В “автокоммуникации” я весь отдаюсь настоящему времени: это мои нынешние переживания, сегодня, сейчас, сию минуту остро отзывающиеся в душе [23, с. 147–148].

Кроме того, по мнению В.В. Прозорова, три литературных рода (а также тройственная функция речи, тринарные свойства человеческой психики) органично соотносятся в новой и новейшей истории и с основными разновидностями СМИ: печатью, радио и телевидением, всё чаще неожиданно и органично совмещаемыми в Интернете [23, с. 145].

Следует отметить, что модель В.В. Прозорова является не единственной, пытающейся “исправить” диаду Винокур “фатика ~ информатика”. Излишнюю жесткость (или бедность?) этой наиболее широко распространенной филологической типологии замечали раньше – и дополняли ***воздействием***.

Подобные попытки восходят к высказанной еще в начале 1960-х годов идее В.В. Виноградова, выделявшего “три важнейшие общественные функции языка: общение, сообщение, воздействие” [25, с. 5–6], и в современной лингвистике представлены, например, независимыми по отношению друг к другу моделями К.Ф. Седова и автора настоящей статьи.

Процитируем размышления К.Ф. Седова, высказанные в его книге, посвященной *суггестивному*, т.е. *воздействующему, дискурсу* [26]:

Мысли Т.Г. Винокур развил и положил в основу своей концепции В.В. Дементьев <...>. По мнению ученого, все жанры речи (модели вербального и невербального оформления типических ситуаций социального взаимодействия) тяготеют либо

к информатике, либо – к фатике. При этом в поле фатического общения существуют нейтральные коммуникативные ситуации (*болтовня*, *шутка*, *анекдот*) и ситуации, которые либо улучшают тональность общения (*похвала*, *комплимент*, *лесть* и т.п.), либо, напротив, ухудшают (*ссора*, *оскорбление* и т.п.). Идеи, высказанные В.В. Дементьевым, когда-то разделял и автор настоящей книги. Но в отношении бинарной оппозиции информатика / фатика я должен высказать коллеге принципиальные возражения.

Разделение всего пространства повседневного дискурса, во-первых, неоправданно расширяет смысловое поле "фатика". Трудно согласиться с тем, что *спор*, *ссора*, *инвектива*, *комплимент* – это речь, которая строится ради общения. Во-вторых, полностью игнорируется важнейшая функция межличностного общения – функция воздействия. Таким образом, я к уже названным полюсам предлагаю добавить третий – воздействия. Схематически это можно представить следующим образом.

Рис. 1

Отдавая дань информативным моделям межличностного общения, мы не должны забывать, что одна из функций дискурса – передача информации от одного участника коммуникативного акта – другому. В своем речевом произведении говорящий довольно часто сообщает собеседнику смысл, которого тот не знает. Это – фундаментальная цель общения, присутствие которой никто не оспаривает. Фатика – также важнейшая составляющая нашего речевого бытия. Очень часто люди вступают в коммуникацию ради самой коммуникации, чтобы ощутить себя частью социума. Но, наряду со стремлением передать информацию и реализовать желание бессодержательно пообщаться, мы воздействуем на другого человека: побуждаем его к поступку, влияем на его мировоззрение, изменяем его эмоционально-психологическое состояние и т.п. [26, с. 15–16].

Упрек К.Ф. Седова в мой адрес, представляется, несправедлив: еще за десять лет до его процитированной книги была защищена моя докторская диссертация "Основы теории непрямой коммуникации", где одним из главных членений непрямой коммуникации была виноградовская триада "общение ~ сообщение ~ воздействие" – соответственно выделялись непрямое общение, непрямое сообщение и непрямое воздействие [27, с. 209–266].

Обращает на себя внимание прямо-таки парадоксальная ситуация: в поисках универсальной речеведческой модели, которая позволила бы охватить все важнейшие разновидности и сферы речевого общения, ученые – филологи разного профиля – дополняют диаду "фатика ~ информатика" противоположными вещами: что́ может быть более противоположно монологическому мышлению, чем воздействие?

Мы пока не готовы удовлетворительно разрешить данное противоречие. Выскажем осторожное предположение, что сложившаяся ситуация не случайна, а обозначенная противоположность во многом кажущаяся.

То, что ученые расширяют и дополняют бинарную модель языка и речи, претендующую на универсальность, вполне понятно и естественно; естественно также искать и находить новые рядоположенные члены, делающие данную модель более гибкой, а значит, более адекватной. Вопрос только в том, сколько таких новых рядоположенных членов будет введено и какие именно.

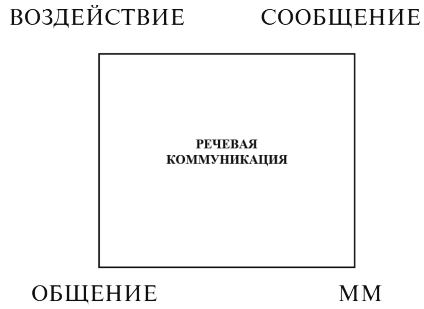

Рис. 2

Сравнивая модели В.В. Прозорова и К.Ф. Седова, наиболее естественной кажется мысль, что данные модели могут и должны быть объединены в по-настоящему гибкую, универсальную, возможно, окончательную тетрарную: общение ~ сообщение ~ воздействие ~ ММ (Рис. 2). Воздействие и ММ расположены на противоположных вершинах квадрата, так как являются противоположностями.

Получившаяся тетрарная модель кажется оптимальной для описания языка и речи (речевой коммуникации) во многих отношениях. Все члены (четыре) данной модели безусловно

значимы, новые рядоположенные члены не просматриваются.

Однако доказали ли мы целесообразность перехода к тетрарной модели для описания языка, речи и речевой коммуникации, особенно учитывая, что за двухтысячелетнюю историю филологии большинство моделей, претендующих на универсальность, были не тетрарные, а именно тринарные: модель Платона–Аристотеля–Гегеля (проза ~ поэзия ~ драма), Карла Бюлера (говорящий ~ слушающий ~ предмет речи), наконец, названного В.В. Виноградова (общение ~ сообщение ~ воздействие)?

Кстати, в современной филологии продолжают появляться новые тринарные модели. Например, В.И. Карасик в своей последней книге "Языковые картины бытия" предлагает рассматривать "картины бытия" – лингвокультурные концепты, литературные сюжеты и типы дискурса – в тринарной парадигме "обозначение / осмысление ~ постижение / интерпретация ~ действие / прагматика". Так, "вектор обозначения" охватывает осмысление совести и сознания, долженствования, миссии, правды и лжи, преступления, жертвы и т.д.; "вектор постижения" – интерпретацию сюжетов (о лабиринте, о крысолове, о Големе), комизма у Пушкина, библейских аллюзий в поэзии и т.д.; "вектор действия" – прагматику социально-языковой идентичности, политической перформативности, пафоса и т.д. – вплоть до прагматики медийного освещения эпидемии COVID-19 [28].

В этой связи возникает мысль на первый взгляд парадоксальная: что целесообразно вернуться от тетрарной модели к тринарной, переосмыслив значение членов, а именно: допустив, что триады К.Ф. Седова и В.В. Прозорова близки по своей сути, объединить ММ и воздействие (или, точнее, допустить, что ММ содержит в себе средства его), воспользовавшись максимой *les extrêmes se touchent*. Добавим, что сделать это помогает новое, изменившееся в новую эпоху состояние речевой коммуникации, а именно: появление и широкое распространение интернет-коммуникации, которое выводит на первый план диалектическое единство *интерактивности* и *интерпассивности*.

1.3. Эстетический (лирика) аспект

Очевидно очень ценный, хотя и в высокой степени специфичный материал – описание внутреннего мира: мыслей, переживаний и т.п. – героя лирического произведения, которым занимается одно из наиболее традиционных направлений филологии. На онтологическую близость лирики и ММ справедливо указывает В.В. Прозоров в цитированной статье 2017 г.: "Лирический род подразумевает всё богатство внутренней речи – скрытой вербализации" [23, с. 149], опираясь на положение Ю.М. Лотмана об ***автокоммуникации*** – "все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры" [29, с. 78].

В статье же 2021 г. В.В. Прозоров детально показывает, каким образом и в каких направлениях современные исследования по поэтике занимаются фактически проблемами ММ, анализируя лирические тексты:

Автокоммуникативный (шире – лирический) кроссовер включает в свои пределы собственно лирические словесно-образные произведения, стихотворные и прозаические, устные и письменные, фольклорные и литературные, любительские и профессиональные, глубоко серьёзные, комплиментарные (оды, например), откровенно насмешливые, ироничные, самозабвенно-сосредоточенные, интимные. Это и РЖ внутренней монологической речи (внутренние лирические монологи и отдельные, "странные", как бы внеадресные реплики персонажей в пьесах). В первых рядах здесь и субъективно-оценочные лирические РЖ, часто расположенные на зыбкой границе фатики и автокоммуникации: фрагменты дружеских разговоров по душам, шутки, комплименты, тосты, афоризмы, прочувствованное юбилейное слово, некрологическое признание, исповедь, молитва и др. [30].

Замкнутая на себе, самонаправленная речевая коммуникация – вплоть до полнозвучной и ёмкой немоты (у И.А. Бродского: "Тихотворение моё, моё немое...") – втайне жаждет быть услышанной и оцененной [Там же].

Внутренняя речь при известных компетенциях её носителя, связанных с творческой способностью к образно-языковому воплощению, адресуясь к своим, из вещи в себе превращается в вещь (в дискурс/текст) для посвященных и приобщенных. В теоретико-литературных построениях прошлого века это самоценное превращение провозглашалось "основой лирики в словесном искусстве", основой, которая "не изменяется на протяжении веков и, вероятно, тысячелетий": "Исходное самочувствие души может быть очень смутным, неотчетливым, – оно становится лирическим переживанием, лишь когда оно выражено" (В.Д. Сквозников) [Там же].

Подчеркнем еще раз: конечно, перед нами опять-таки опосредованное отражение ММ да еще в очень специфичном речевом материале – являющемся лирикой (или, по В.В. Прозорову, лирическим жанровым кроссовером):

“<...> лирический дискурс/текст в нашем понимании – всё целостно явленное, что порождено высоким градусом человеческих чувств и обладает отчётливой степенью вольной интерактивности. Указание на интерактивную ***вольность*** призвано оттенить специфику восприятия лирического дискурса/текста по сравнению с эпическими и драматическими высказываниями, отмеченными, как правило, большей степенью авторской нарративной заданности и выстроенности. Заметим попутно, что о ***совершенных*** лирических дискурсах/текстах трудно исследовательски рассуждать так же, как, например, об учебно-научных, деловых и др. высказываниях. Здесь оправдано применение соответствующего природе высказывания лексико-аналитического, эмоционально-интеллектуального сопровождения. Область преобладания ощущений, чувств, эмоций – сфера трудно выразимого и сложно выговариваемого. Надо искать и находить подходящие к случаю слова. Без этого исполненный хрупкого самовыражения лирический дискурс/текст заметно сворачивается и невозмутимо уходит в себя” [30].

Поэтому было бы преувеличением говорить об универсальной ценности положений и достижений данного направления с точки зрения “четвертой дискурсивной революции”, которой посвящена настоящая статья, применимости их к осмыслению любого материала ММ.

Однако для осмысления части данного материала – имеющей лирическое содержание – данные положения являются в высокой степени значимыми. Забегая несколько вперед, отметим, что в интернет-коммуникации такой тип коммуникации довольно широко распространен – начиная от “сетевой поэзии” (“пирожки” и подоб.) и заканчивая коллективными “фанфиками”.

Здесь нельзя не вспомнить ***дневниковый и автобиографический жанры***, представляющие собой наиболее изученную (и наиболее доступную изучению) разновидность автокоммуникации и близкие к лирике фактором саморефлексии, хотя, конечно, далеко не всегда включающие эстетический фактор [31]–[33]. В последние годы, кроме того, данное направление было усилено и обогащено качественными работами исследователей естественной письменной речи, которые рассматривают не только собственно дневники, но и другой богатый и оригинальный материал автокоммуникации [34]. Изучение и дневников, и автокоммуникации ЕПР (в сочетании с изучением жанров публицистики) впоследствии сыграло большую роль при изучении *блогов* и др. жанров интернет-коммуникации, принципиально близкой и к автокоммуникации, и к ММ.

2. Коммуникативная модель и интернет-коммуникация

2.1. Интерактивность и интерпассивность интернет-коммуникации

Целью настоящей статьи не является подробная характеристика интернет-коммуникации, которой были посвящены многочисленные и качественные работы специалистов [35]–[47].

Нами также не затрагивается ставшее уже довольно распространенным у философов, антропологов положение о том, что появление интернет-реальности стало революцией в человеческой культуре, цивилизации, породило новую реальность, для осмысления которой стала востребована новая философия – дигитальная [48]. Понятно, что для того чтобы адекватно осмыслять вербально-текстовую коммуникацию в рамках данной “новой реальности”, теория дискурса должна была выработать некоторые новые методы и приемы, а возможно, и некоторые новые теоретические положения, в результате это могло (подчеркиваем: могло) привести к новой дискурсивной революции. Данное предположение умозрительно и несколько механистично и само по себе не представляет большого интереса.

В центре нашего внимания оказываются два качества, или характеристики, интернет-коммуникации, имеющие принципиальное значение для развиваемой нами концепции и являющиеся, представляется, не просто значимыми, а типологически значимыми для интернет-коммуникации, хотя в интернет-лингвистике они еще не были осмыслены должным образом.

Эти характеристики следующие:

(I) Интернет в целом резко повышает диалогичность коммуникации (прежде всего количество коммуникантов, количество источников информации (гипертекстовость) и скорость – как обмена репликами, так и завязывания новых контактов):

Диалогически ориентированными являются многочисленные интернет-издания, электронные версии традиционных изданий, вся блогосфера, интернет-переписка, интернет-конференции, социальные сети и др. Диалогичность понимается как учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств. Категория диалогичности проявляет себя как в виде собственно диалога, так и в виде использования в монологической речи специальных средств (маркеров диалогичности), апеллирующих к адресату [42, с. 97].

Следует подчеркнуть, что повышение диалогичности означает также и повышение воздейственности интернет-коммуникации по сравнению с традиционной коммуникацией. Это принципиально важное для развиваемой нами концепции качество интернет-коммуникации неоднократно отмечалось представителями интернет-лингвистики [36]; [42]; [49]: как особая воздейственность интернет-коммуникации – от флешмобов, троллинга и т.п. до протестной деятельности.

(**II**) По-своему вполне естественным и распространенным следствием развития интернет-коммуникации являются эскапизм и аутизм.

В ставшей широко известной эмоциональной речи Андрея Курпатова на завтраке Сбербанка в Давосе 23 января 2020 г. прозвучало выражение, с тех пор широко разошедшееся по интернет-пространству: "*эпидемия цифрового аутизма*", которое, по убеждению автора, означает "разделение мира на умных и глупых, переезд из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга" [50][1].

[1] Фактически об этой же оппозиции "галактики Гутенберга и галактики Цукерберга", особенно сильно активизировавшейся в последние годы (но, по всей видимости, ее по-настоящему масштабные, в т.ч. разрушительные, проявления еще впереди), говорит журналист Виктор Мараховский: «...Мы живем а) в очень информационно глобализированном обществе и б) в обществе очень "информационно инклюзивном". <...> что касается "информационной инклюзивности", то это, с одной стороны, величайшее завоевание интернет-революции, а с другой – ее величайшее зло: интернет уничтожил иерархию источников мнений. Еще всего полвека назад официальными типографиями и сетями распространения владели в любой стране а) государство, б) признанные государством поставщики информации. Напечатанное в официальной прессе слово обеспечивалось мощью государства, а напечатанное в частной – капиталом и легальным положением издателя. Те, чье слово ничем не было обеспечено, – печатали листовки в подпольных типографиях и раскидывали их по ночам. "Подпольных телеканалов" же не было вовсе. А сегодня условный гиперактивный энтузиаст из Химок, торгующий деревянными поделками в интернете, по "информационной громкости" может быть равен или даже превосходить не только всех профессионально компетентных людей по любому вопросу, но и многие официальные органы, от научных до властных. Просто потому, что ему больше всех надо: он же энтузиаст. Сейчас "типография", образно говоря, имеется не то что в каждом доме, но и в каждом кармане. Фильтр, отсеивающий мозговых диссидентов, в современном инклюзивном медиапространстве отсутствует напрочь – и они проповедуют искренне, увлеченно и крайне трудолюбиво. Эти искренние диссиденты опасней любых "агентов влияния", пытающихся по старинке сеять панику и распространять "в среде врага" какие-нибудь бредовые асоциальные теории. Просто потому, что диссиденты бесхитростны, неуправляемы и не знают границ» [51].

Осторожно обратим внимание на близость этих двух типологических – противоположных, но диалектически неразрывно связанных и сущностно важных – характеристик интернет-коммуникации и противопоставления ММ и воздействия (напомним, воздействие – "третий" член, добавляемый в диаду "фатика ~ информатика").

Отметим, что называемая в дигитальной философии среди важнейших характеристик как новой дигитальной реальности, так и самой интернет-коммуникации *интерактивность*, ключевой момент которой – *интерсубъективность* (определяемая наличием посредника между медиумом и субъектом), – в общем, означает повышение диалогичности, которая иногда (правда, пока нечасто) связывается с противоположным свойством – *интерпассивностью* интернет-коммуникации и ее участников [52]; [53].

Эволюция и постепенное нарастание данного качества интернет-коммуникации показывается на примере эволюции Web-технологий:

- Web 0.0 технология – пользователь мечтает "законнектиться" с кем- или чем-либо;
- Web 1.0 технология – пользователь получает текст;
- Web 2.0 технология – пользователь создаёт текст в социальных сетях, генерирует его, потребляет его;
- Web 3.0 технология – коллективное создание текста, семантическая паутина (Semantic Web) – сеть над Сетью, содержащая метаданные о ресурсах "всемирной паутины" и существующая параллельно с ними.

При этом подчеркивается, что интерактивность подразумевает коммуникацию субъекта с медиумом, а вовсе не (желаемое в силу человеческой природы) межсубъектное взаимодействие: "<...> В медиареальности интерсубъективность на практике заменяется интерактивностью, чья роль в технологически обеспеченном мейнстримном взаимодействии сводится к имитации общения человека с якобы одушевленными информационными системами. При этом интерактивность очевидно эксплуатирует скрытую тягу к интерсубъективности, ностальгию по непосредственности, которая так усложняет жизнь коммуницирующему субъекту", – пишет А.Н. Фортунатов [52, с. 271].

Тем самым указывается на болезненную и неразрешимую проблему интернет-общения, которая со временем, по мнению авторов, только нарастает: «Вся социокультурная атмосфера современного общества направлена на то, чтобы сделать несущественной разницу между медиумом (контрсубъектом) и субъектом, что в конечном счете и приводит к безликости последнего – подавленного, неспособного увидеть самого себя в бездушном "зеркале" технологических новинок. Классическое межличностное взаимодействие – та самая идеальная

интерсубъективность – теперь выражается в *интерпассивности*, т.е. в заведомом отстранении участников информационного взаимодействия друг от друга, возможно, начавшегося со знаменитого “остранения”, когда медийная среда незаметно начала осваивать суверенные пространства субъектности» [Там же, с. 272][2].

2.2. Интернет-творчество

При изучении мышления / ММ традиционно считается одним из наиболее важных, трудных, загадочных такой его аспект, как творчество, – творческое мышление (см. обзор точек зрения на данный феномен в философии, филологии, психологии, социологии, естественных науках и глубокие размышления о данном феномене в монографии В.С. Библера “Мышление как творчество” [55]).

Для направления дискурсивного исследования ММ, которому посвящена эта статья, осмысление творчества также является очень значимым, поскольку дискурсивная, текстовая сторона (проявление) творчества, безусловно, одна из важнейших. До сих пор данная сторона была доступна наблюдению и изучалась только по косвенным, опосредованным проявлениям.

Очень много для осмысления данного феномена дал Интернет. Конечно, о наличии / отсутствии творчества в текстовом материале и здесь можно судить преимущественно предположительно, по косвенным проявлениям. Однако, во-первых, появились (точнее, были осознаны и получили новые возможности для обнаружения и выделения) признаки настоящего творчества (творческих текстов); во-вторых, появилась возможность для осмысления и сравнения разных проявлений и разновидностей творчества, что может быть значимым для понимания “творчества вообще”.

На просторах Сети, в интернет-коммуникации выражение “*интернет-творчество*” является не аномальным, более того: распространенным и однозначно положительно оцениваемым.

Но что имеется в виду? При ближайшем рассмотрении оказывается, что содержание данного выражения не отличается большой определенностью и ясностью.

В большинстве случаев, как можно судить, это выражение используется в традиционном, “из доинтернет-эпохи” значении “художественные произведения”. Действительно, Интернет располагает обширнейшими базами для хранения (а также поиска, разметки и статистического анализа) художественной литературы, однако всё это по большей части “неинтернет-творчество”.

Кроме того, уже стали заметным явлением тексты так наз. сетевой литературы (или даже “*сетературы”*), сетевой поэзии, сетевых романов, созданные “сетевыми авторами” (см.: [56]–[58]). Отмечается усиление взаимодействия сетевого произведения с реальным читателем [57, с. 6] и сочетание основных признаков книжности и фольклора как характерная черта сетевого литературного материала [Там же, с. 10].

Однако вряд ли и это можно считать качественно новым явлением (хотя здесь уже нередко присутствуют специфические приметы принадлежности к различным интернет-сообществам, прежде всего интертекстуальные: понятные “своим” ссылки, аллюзии, прецедентные тексты и мемы), поскольку “законы художественных текстов” здесь те же, что в “неинтернет-литературе”.

Кроме того, Интернет дал пользователям множество технических возможностей для “вроде бы творчества” в виде многочисленных ***гипертекстовых*** ссылок на ресурсы (гипертектовость в целом нередко считают именно проявлением и показателем диалогичности, и для этого есть основания: это же, так сказать, выход за пределы одного мышления, получение той информации (и текста), для которой в обычной жизни всегда была нужна коммуникация, причем в таком объеме (по крайней мере, в теории), какой в традиционной коммуникации был невозможен; мы же видим не меньше общего с монологичностью, ММ: гипертекстовые возможности – не что иное, как помощники, инструменты для более эффективного мышления, или даже так: возможность получения информации для эффективного обдумывания б е з коммуникации)[3].

[2] Забавным образом тенденция к повышению монологизма интернет-коммуникации (или, точнее, интернет-текстов) проявилась в появлении соответствующего структурного типа ***анекдотов***, обыгрывающих ход мысли человека (недоуменный при столкновении с идиотизмом жизненных коллизий, официальной ложью и т.п.): “*Подумал, что...”*, “*Понял, что...”*, “*Осенило, что...”*, “*Мне одному показалось, что...?”* [54].

[3] Кстати, в начале 1990-х годов, когда появились первые полноценные гипертексты, в лингвистике текста и теории дискурса высказывались идеи, близкие к нашей “четвертой дискурсивной революции”: “Текст не обязательно должен быть линейным, а может быть гипертекстовым” [59]; [60]. Именно нелинейный характер гипертекста представляется наиболее принципиальным, поскольку сближает гипертекст и ММ. К сожалению, этой стороне гипертекста уделялось недостаточно внимания в названных работах, поскольку на первый план выходили технические характеристики гипертекста.

Причем некоторые такие гипертекстовые ресурсы, онлайн-программы имеют целью непосредственно порождение (вернее, искусственный синтез) “творческих текстов”: стихов[4], речей для “светских бесед”[5], поздравлений, тостов, статусов для соцсетей и т.п.

Есть все основания считать эти феномены признаками самого настоящего искусственного интеллекта, о существовании которого за последние полвека было множество споров.

Но являются ли они подлинным творчеством? Конечно, нет. Важно, что так это воспринимают и сами пользователи Интернета.

Здесь есть смысл вернуться к другому парадоксальному вопросу, который был впервые поставлен философами, писателями задолго до появления Интернета и который прямо касался природы человеческого мышления: появление искусственного интеллекта (который, как известно, создавался во многом на основе и с учетом особенностей человеческого мышления — ММ) способствует повышению активности, развитию, совершенствованию интеллекта естественного — или, наоборот, подавляет его?

Подобным образом Интернет, с его ресурсами, дает возможность для коммуникативной активности — но в результате пропадает желание активности. Появляется возможность доступа к огромным базам информации — и пропадает желание ею пользоваться. Соответственно резко уменьшается ценность и интернет-активности (количество и скорость контактов), и информации, почерпнутой в Интернете, и продуцирования текстов, “подсказанных” искусственным интеллектом.

Важно, что парадокс на этом не заканчивается: все отмеченные процессы ведут к “интерпассивности”, но одновременно — к появлению желания другой активности (включая текстопроизводство) — не проистекающей из искусственного интеллекта — и повышению ценности другой коммуникации — с обменом другой информацией, с другими текстами, другим качеством контактов.

Именно из-за того, что важнейшие технические, формальные характеристики интернет-коммуникации (упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа — опознавания, поиска и подсчета) являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, — прежде всего “нелогичное творчество”.

Таким образом, на первый план выходит иное — несколько парадоксальное — понимание творчества (но творчество и всегда таит в себе некий парадокс): с одной стороны, во множестве появляются возможности легко, не затрачивая усилий, “писать красивые тексты”, с другой — эти тексты очень мало ценятся; а ценятся (считаются творчеством) другие тексты: не включающие эти автоматические элементы, даже если в результате тексты менее “красивы” (в действительности, конечно, их эстетическая значимость нисколько не менее высока, чем в “неинтернет-текстах”).

Кстати, именно такое понимание творчества является преобладающим в дискурс-анализе, теории речевых жанров (см. в нашей статье «Парадоксы жанра: к проблеме “жанр и творчество”» [61] анализ данной точки зрения на творчество, противопоставленной приравниванию творчества к “красивым текстам”).

В этом смысле показательно появление таких взглядов, оценок и прогнозов на будущее, как высказанные политологом М. Делягиным:

---

[4] Ср. программу, которая из поисковых запросов составляет стихи, например пирожок или онегинскую строфу:

как научиться целоваться
древнеяпонский календарь
добрынинская как добраться
киноафиша на январь
смотреть фильм хёрби победитель
мембрана ма производитель
солнцезащитный козырек
вам и не снилось саундтрек
что будет в декабре в ростове
как сделать чтобы открывал
купить котел универсал
два мюмзика летали в мове
смотреть онлайн король рыбак
как сделать лучше просто так (http://autopoet.yandex.ru/; как это создавалось: http://blog.yandex.ru/post/73398/).

[5] Робот-“генератор светских бесед” создает “красивые” тексты на задаваемое слово, например, на слово “Дементьев”: *Чертовски полезная в хозяйстве вещь: устройство для скачивания Дементьев через интернет. Кстати, прошу обратить внимание, качает через Wi-Fi, и скорость скачивания вполне приличная. Сарафанное радио работает только в России. У каждого уважающего себя издания на западе есть т.н. Факт Чекеры, так что Дементьев туда не прорвется. Проводя зиму в Индии, а потом прилетая в Россию, Дементьев как бы протягивает воздушный мост между двумя странами. Ну, типа мюзикл. А в главной роли — Дементьев. Дементьев — вам будет что вспомнить. Хороший пример — мой нью-йоркский друг Фил, фотограф. Он снимает действительно потрясающие вещи для инди-журналов — это не приносит ему денег, но позволяет создать его портфолио. Затем он идёт и снимает Дементьев. Ничего впечатляющего, но он может оплатить свои счета. Остроумный разговор, щедро пересыпанный высказываниями о Дементьев, всегда приятно послушать. Психология и медицина бессильны против Дементьев. Дементьев — нераскрытая тайна. Раскрытая — это не Дементьев. Реальность намного больше, чем Дементьев. И не такая добрая. А вот “Веьтнемед” — это Дементьев наоборот* (http://www.gatchina.biz/generator).

Это будет означать, что человек будет концентрировать свои усилия на недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится исключительная “человеческая монополия” – мышлении внелогическом, образном (в том числе творческом или мистическом). Соответственно, и конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы, в которых они будут играть наиболее значимую роль. Учитывая разницу между мужским, склонным к формальной логике, и женским, оперирующим образами и склонным к интуиции и озарениям, типам интеллекта (их различие четко выражает афоризм “мужчина узнает, женщина знает”), развитие компьютерных технологий может вернуть нас в подобие матриархата. Вероятный предвестник этого – растущее (даже в не слишком демократических обществах) число занимающих руководящие посты женщин, вызывающих остервенение мужчин спецификой своей логики, во все большем числе случаев более эффективной [62].

Эта составляющая творчества, доставшаяся интернет-коммуникации от коммуникации устной непосредственной, удачно сочетается с более традиционной эстетической составляющей, присущей письменной речи. Действительно, в общении интернет-коммуниканта, как правило, отсутствует непосредственность (главная отличительная особенность РРР по О.Б. Сиротининой [63]), зато есть такие (способствующие размышлениям) факторы, доставшиеся интернет-коммуникации от письменной речи, как долговременность существования сообщений / контента. Немаловажна и выявленная генетическая связь, пожалуй, главного жанра интернет-коммуникации – блога – с личным дневником (монологическим): как и авторы дневников, блогеры и подоб. сперва пишут тексты “для себя”, готовят их, перечитывают-правят, а лишь потом, и то частями, выпускают в жизнь.

3. Заключение

Следует подчеркнуть, что две типологические характеристики интернет-коммуникации – повышение диалогичности и уменьшение диалогичности – выделяются и обсуждаются нами не в парадигме болезни и способов ее лечения, как в дигитальной философии.

Мы хотим подчеркнуть значимость данных характеристик для развития и успешного осуществления форм и жанров коммуникации, требующих, с одной стороны, самоуглубления и рефлексии (включая саморефлексию), рефлексии над формой речи (включая эстетическую), с другой – массовости контактов, скорости и условий для повышения воздейственности (флешмобы, контент-агрегаторы, в т.ч. для сетевой рекламы, сетевые платформы – уже сложившиеся эффективные формы интернет-воздействия).

Очень важно, что все эти феномены имеют, кроме дигитальной, текстовую природу, а значит, попадают в ве́дение дискурсивных и текстовых направлений лингвистики.

Традиционные направления изучения внутреннего мышления, включая текстовое – ММ, – могут и должны привлекаться для осмысления многих важных моментов интернет-коммуникации.

Лингвистика интернета может снабдить данные традиционные направления полноценным текстовым материалом, которого им всегда недоставало, и предложить новые эффективные методики для анализа не только данного специфического материала, но и материала ММ.

Таким образом, у подхода, о котором мы говорим, расширяющего объект – дискурс – за счет интернет-коммуникации, есть шанс, что не только будут разрабатываться новые дискурсивные направления (они уже разрабатываются, а некоторые даже уже разработаны), но и будут выявлены именно качественно иные закономерности и категории для дискурса в целом, уточнено понимание его природы, что, как уже было сказано, и отличает научную революцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. *Седов К.Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).
4. *Николаева Т.М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–42.
5. *Дементьев В.В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 томах. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.

7. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–54.

8. *Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.

9. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М.: Изд-во АПН РСФС, 1958. 370 с.

10. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.

11. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.

12. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

13. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968. 248 с.

14. *Landauer T.K., Dumais S.T.* A solution to Plato's problem: The Latent Semantic Analysis theory of the acquisition, induction, and representation of knowledge // Psychological Review, 1997, pp. 104, 211–240.

15. *Capps L., Ochs E.* Living narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

16. *Bischof N.* Das Kraftfeld der Mythen. München: Piper, 1996.

17. *Виноград Т.* Программа, понимающая естественный язык. М.: Мир, 1976. 294 с.

18. *Newell A., Simon H.A.* Human problem solving. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1972.

19. *Anderson J.R.* Arguments concerning representation for mental imagery // Psychological Review, 1978, pp. 85, 249–277.

20. *Newell A.* Production systems // *Chase W.G.* (Ed.). Visual information processing. NY: Academic Press, 1974.

21. *Newell A.* Unified theories of cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

22. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр "Академия", 2006. 432 с.

23. *Прозоров В.В.* О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150.

24. *Винокур Т.Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

25. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.

26. *Седов К.Ф.* Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.

27. *Дементьев В.В.* Основы теории непрямой коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001. 428 с.

28. *Карасик В.И.* Языковые картины бытия. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.

29. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 34–45.

30. *Прозоров В.В.* Лирический дискурс/текст как речежанровый кроссовер // Жанры речи. 2021. № 2 (30) (в печати).

31. *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–181.

32. *Прозоров В.В.* Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 35–42.

33. *Бузальская Е.В.* Гипержанр "Дневник": основные варианты модели // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 183–192.

34. *Рабенко Т.Г.* Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров "личный дневник", "личное письмо", "личная записка") // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 6–13.

35. *Askehave I., Nielsen A.E.* What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences, 2005.

36. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.

37. *Herring S.C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. No. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761

38. *Herring S.C.* New frontiers in interactive multimodal communication // The Rutledge handbook of language and digital communication. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf

39. *Викторова Е.Ю.* Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале

жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303.

40. *Елина Е.Г., Фризен М.А.* “Новая грамотность”, новая неграмотность и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171.

41. *Карасик В.И.* Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 50–56.

42. *Колокольцева Т.Н.* Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 96–104.

43. *Матяшевская А.И.* Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 238–245.

44. *Шилихина К.М.* Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 218–225.

45. *Щипицина Л.Ю.* Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226.

46. *Щурина Ю.В.* Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.

47. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2009. Vol. 24 (1). Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.

48. *Миронов В.В., Сокулер З.А.* Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 1. С. 3–22.

49. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.

50. “Это эпидемия цифрового аутизма” // Forbes, 23.01.2020: https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/391757-eto-epidemiya-cifrovogo-autizma-o-chem-doktor-kurpatov-i-yog-sadhguru

51. *Мараховский В.* Америка продемонстрировала силу, по-настоящему угрожающую России // РИА Новости. 21.04.2020. https://ria.ru/20200421/1570313496.html

52. *Фортунатов А.Н.* Интерсубъективность в медиареальности: ускользающий феномен или недостижимый идеал? // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 269–272.

53. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. 413 с.

54. *Дементьев В.В.* Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 118–135.

55. *Библер В.С.* Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.

56. *Ревякина А.А.* Феномен “сетевой литературы” в современном интернет-пространстве. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2014. № 4. С. 27–40.

57. *Ким Л.Р.* Сетевая литература: теоретические аспекты изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

58. *Сарин Л.* Современная русская литература в сети: основные художественные тенденции и свойства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

59. *Хартунг Ю., Бревдо Е.* Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология, 1996, № 3. С. 61–77.

60. *Дедова О.В.* Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 4. С. 22–35.

61. *Дементьев В.В.* Парадоксы жанра: к проблеме “жанр и творчество” // Жанры речи. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 7–26.

62. *Делягин М.* Человек-трансформер // Изборский клуб, 24 января 2019. См.: https://izborsk-club.ru/16424

63. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

REFERENCES

1. Makarov, M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)

2. Karasik, V.I. *Jazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)

3. Sedov, K.F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, 2016. 440 p. (Studia philologica). (In Russ.)

4. Nikolayeva, T.M. *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Text Linguistics. Current State and Prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Iss. VIII. *Lingvistika teksta* [Text

Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–42. (In Russ.)

5. Dementyev, V.V. *Chto dalo zhanrovedeniye sovremennoy lingvistike?* [What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics?]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 3 (27), pp. 172–194. (In Russ.)

6. Vygotsky, L.S. *Myshleniye i rech* [Thinking and Speech]. Vygotsky, L.S. *Sobr. soch. v 6 tomakh* [Coll. Op. in 6 Volumes]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. Vol. 2, pp. 5–361. (In Russ.)

7. Yakubinsky, L.P. *O dialogicheskoy rechi* [About the Dialogical Speech]. Yakubinsky, L.P. *Izbrannyye raboty. Yazyk i yego funktsionirovaniye* [Selected Works. Language and Its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 17–58. (In Russ.)

8. Gorelov, I.N. *Izbrannyye trudy po psikholingvistike* [Selected Works on Psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

9. Zhinkin, N.I. *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of Speech]. Moscow, APN RSFS Publishing House, 1958. 370 p. (In Russ.)

10. Zhinkin, N.I. *O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi* [On Code Transitions in Inner Speech]. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1964, No. 6, pp. 26–38. (In Russ.)

11. Zhinkin, N.I. *Yazyk – rech – tvorchestvo: Issledovaniya po semiotike* [Language – Speech – Creativity: Research in Semiotics]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 368 p. (In Russ.)

12. Luriya, A.R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, Publishing house Mosc. University, 1979. 320 p. (In Russ.)

13. Sokolov, A.N. *Vnutrennyaya rech i myshleniye* [Inner Speech and Thinking]. Moscow, Education, 1968. 248 p. (In Russ.)

14. Landauer, T.K., & Dumais, S.T. A solution to Plato's problem: The Latent Semantic Analysis theory of the acquisition, induction, and representation of knowledge. *Psychological Review*, 1997, pp. 104, 211–240.

15. Capps, L. & Ochs, E. *Living narrative*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

16. Bischof, N. *Das Kraftfeld der Mythen*. München: Piper, 1996. (In Germ.)

17. Vinograd, T. *Programma, ponimayushchaya yestestvennyy yazyk* [A Program That Understands Natural Language]. Moscow, Mir Publ., 1976. 294 p. (In Russ.)

18. Newell, A. & Simon, H.A. *Human problem solving*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1972.

19. Anderson, J.R. Arguments concerning representation for mental imagery. *Psychological Review*, 1978, pp. 85, 249–277.

20. Newell, A. Production systems. W.G. Chase (Ed.). *Visual information processing*. NY: Academic Press, 1974.

21. Newell, A. Unified theories of cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

22. Velichkovskiy, B.M. *Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya: v 2 t. T. 2* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition: in 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow, Smysl: Izdatelskiy tsentr "Akademiya" Publ., 2006. 432 p. (In Russ.)

23. Prozorov, V.V. *O tipologii rechevykh zhanrov v vete teorii literaturnykh rodov* [Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2017, No. 2 (16), pp. 142–150. (In Russ.)

24. Vinokur, T.G. *Informativnaya i faticheskaya rech kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego* [Informative and Phatic Speech as the Detection of Different Communicative Intentions of the Speaker and the Listener]. *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 5–29. (In Russ.)

25. Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. The Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 256 p. (In Russ.)

26. Sedov, K.F. *Diskurs kak suggestiya: Irratsionalnoe vozdejstvie v mezhlichnostnom obshhenii* [Discourse as a Suggestion: Irrational Impact in Interpersonal Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2011. 336 p. (In Russ.)

27. Dementyev, V.V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the Theory of Indirect Communication. Dr. philol. sci. diss.]. Saratov, 2001. 428 p. (In Russ.)

28. Karasik, V.I. *Yazykovyye kartiny bytiya* [Linguistic Images of Existence]. Moscow, State Institute of the Russian Language A.S. Pushkin Publ., 2020. 468 p. (In Russ.)

29. Lotman, Yu.M. *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kultury* [About Two Models of Communication in the System of Culture]. Lotman, Yu.M. *Statji po semiotike i topologii kultury. V 3 t. T. 1* [Articles on Semiotics and Topology of Culture. In 3 Volumes. Vol. 1]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, pp. 34–45. (In Russ.)

30. Prozorov, V.V. *Liricheskiy diskurs/tekst kak rechezhanrovyy krossover* [Lyric Discourse / Text as a Speech-Genre Crossover]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. No. 2 (30) (in press). (In Russ.)

31. Zaliznyak, A.A. *Dnevnik: k opredeleniyu zhanra* [Diary: to the Definition of the Genre]. *Novoye*

literaturnoye obozreniye [New Literary Review]. 2010, No. 106, pp. 162–181. (In Russ.)

32. Prozorov, V.V. *Dnevnik kak liricheskiy rechevoy zhanr* [Diary as a Lyrical Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 1 (21), pp. 34–41. (In Russ.)

33. Buzalskaia, E.V. *Giperzhanr "Dnevnik": osnovnyye varianty modeli* [Diary: Main Variants of the Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 3 (23), pp. 183–192. (In Russ.)

34. Rabenko, T.G. *Invariantnyye i variantnyye priznaki zhanrov yestestvennoy pismennoy rechi (na materiale zhanrov "lichnyy dnevnik", "lichnoye pis'mo", "lichnaya zapiska")* [The Genres of Natural Writing "Personal Diary", "Personal Letter", "Personal Note" : Invariant and Variant]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 1 (25), pp. 6–14. (In Russ.)

35. Askehave, I., Nielsen, A.E. What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective. *Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences*, 2005.

36. Crystal, D. *Language and the Internet.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.

37. Herring, S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@ Internet*, 2007. No. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761

38. Herring, S.C. New frontiers in interactive multimodal communication. *The Rutledge handbook of language and digital communication*. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf

39. Viktorova, E.Yu. *Lingvokreativnyy potentsial internet-kommunikatsii (na materiale zhanra sotsialnykh setey)* [Potential Capacity of Linguistic Creativity in Internet Communication (Based on the Genre of Social Networks)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 4 (20), pp. 294–303. (In Russ.)

40. Elina, E.G., Frisen, M.A. *"Novaya gramotnost", novaya negramotnost i rechevyye zhanry* ["New Literacy", New Illiteracy and the Genres of Speech]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 3 (19), pp. 168–171. (In Russ.)

41. Karasik, V.I. *Zhanry setevogo diskursa* [Genres of Network Discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 1 (21), pp. 49–55. (In Russ.)

42. Kolokoltseva, T.N. *Dialogichnost v zhanrakh internet-kommunikatsii (chat, forum, blog)* [Dialogism in the Genres of Internet Communication (Chat, Forum, Blog)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2016, No. 2, pp. 96–104. (In Russ.)

43. Matyashevskaya, A.I. *Internet-lektsiya kak osobyy zhanr* [ELecture as a Special Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2020, No. 3 (27), pp. 238–245. (In Russ.)

44. Shilikhina, K.M. *Leksicheskiye markery zhanrov internet-kommunikatsii* [Lexical Markers of the Online Communication Genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2018, No. 3 (19), pp. 218–225. (In Russ.)

45. Shchipitsina, L.Yu. *Veb-lektsiya kak ustnyy zhanr internet-kommunikatsii* [Web Lecture as an Oral Internet Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2019, No. 3 (23), pp. 215–226. (In Russ.)

46. Shchurina, Yu.V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic Speech Genres in Modern Mass Communication]. Chita, Transbaikal State. Univ. Publ., 2015. 223 p. (In Russ.)

47. Automatic Genre Identification 2009 – *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2009. Vol. 24 (1). Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.

48. Mironov, V.V., Sokuler, Z.A. *Toska po istinnomu bytiyu v digitalnoy kulture* [Longing for True Being in Digital Culture]. *Vestn. Mosk un-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 7. Philosophy]. 2018, No. 1, pp. 3–22. (In Russ.)

49. Lutovinova, O.V. *Lingvokulturologicheskiye kharakteristiki virtualnogo diskursa* [Lingvo-Cultural Characteristics of Virtual Discours]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 477 p. (In Russ.)

50. *"Eto epidemiya tsifrovogo autizma"* ["This is an Epidemic of Digital Autism"]. *Forbes*, 23.01.2020. URL: https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/391757-eto-epidemiya-cifrovogo-autizma-o-chem-doktor-kurpatov-i-yog-sadhguru (In Russ.)

51. Marakhovskiy, V. *Amerika prodemonstrirovala silu, po-nastoyashchemu ugrozhayushchuyu Rossii* [America has Demonstrated a Force that Truly Threatens Russia]. *RIA Novosti* [RIA Novosti]. 21.04.2020. URL: https://ria.ru/20200421/1570313496.html (In Russ.)

52. Fortunatov, A.N. *Intersubjektivnost v mediarealnosti: uskolzayushchiy fenomen ili nedostizhimyy ideal?* [Intersubjectivity in Media Reality: An Elusive Phenomenon or an Unattainable Ideal?]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya / Pod red. chl.-korr. RAN I.T. Kasavina i N.N. Voroninoy* [Epistemology Today. Ideas, Problems, Discussions: Monograph / Ed. Corresponding Member of the RAS I.T. Kasavin and N.N. Voronina]. Nizhniy Novgorod, Publishing house of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2018, pp. 269–272. (In Russ.)

53. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya / Pod red. chl.-korr. RAN I.T. Kasavina i N.N. Voroninoy. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions: monograph / Ed. Corresponding Member RAS I.T. Kasavin and N.N. Voronina. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky], 2018. 413 p. (In Russ.)

54. Dementyev, V.V. *Internet-anekdoty: nekotoryye strukturnyye tipy* [Internet Anecdotes: Some Structural Types]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2017, No. 1 (15), pp. 118–135. (In Russ.)

55. Bibler, V.S. *Myshleniye kak tvorchestvo. (Vvedeniye v logiku myslennogo dialoga)* [Thinking as Creativity. (Introduction to the Logic of Thought Dialogue)]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 399 p. (In Russ.)

56. Revyakina, A.A. *Fenomen "setevoy literatury" v sovremennom internet-prostranstve. (Svodnyy referat)* [The Phenomenon of "Network Literature" In the Modern Internet Space. (Consolidated Abstract)]. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedeniye. Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Criticism. Abstract Journal]. 2014, No. 4, pp. 27–40. (In Russ.)

57. Kim, L.R. *Setevaya literatura: teoreticheskiye aspekty izucheniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Network Literature: Theoretical Aspects of the Study: Cand. philol. sci. thesis diss]. Moscow, 2018. (In Russ.)

58. Sarin, L. *Sovremennaya russkaya literatura v seti: osnovnyye khudozhestvennyye tendentsii i svoystva: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Russian Literature on the Net: Main Artistic Trends and Properties: Cand. philol. sci. thesis diss]. Moscow, 2018. (In Russ.)

59. Khartung, Yu., Brevdo, Ye. *Gipertekst kak objkt lingvisticheskogo analiza* [Hypertext as an Object of Linguistic Analysis]. *Vestn. MGU. Ser. 9. Filologiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 9. Philology]. 1996, No. 3, pp. 61–77. (In Russ.)

60. Dedova, O.V. *Lingvisticheskaya kontseptsiya giperteksta: osnovnyye ponyatiya i terminologicheskaya paradigma* [Linguistic Concept of Hypertext: Basic Concepts and Terminological Paradigm]. *Vestn. MGU. Ser. 9. Filologiya* [Issues of Moscow State University. Ser. 9. Philology], 2001, No. 4, pp. 22–35. (In Russ.)

61. Dementyev, V.V. *Paradoksy zhanra: k probleme "zhanr i tvorchestvo"* [Paradoxes of the Genre: The Problem of "Genre and Creativity"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: Collection of Scientific Works. Ed. by Dementyev, V.V.]. Iss. 8. Moscow; Saratov, 2012, pp. 7–26. (In Russ.)

62. Delyagin, M. *Chelovek-transformer* [Transformer Man]. *Izborskiy klub, 24 yanvarya 2019* [Izborsk Club, January 24, 2019]. URL: https://izborsk-club.ru/16424 (In Russ.)

63. Sirotinina, O.B. *Sovremennaya razgovornaya rech i yeye osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Features]. Moscow, Education Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 81–86

DOI: 10.31857/S241377150014557-5

Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики)

© 2021 г. О. П. Ермакова

Доктор филологических наук,
профессор Калужского государственного университета,
Россия, 248000, Калуга, пер. Воскресенский, д. 4,
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 02 марта 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. В статье рассматривается асимметричность [квазиасимметричность] группы именных предикатов-релятивов, обусловленная прагматическими правилами употребления, и ограничение этих правил грамматическими формами слов. Исследуются две группы субстантивных предикатов. Одна представлена названиями лиц, имеющими совпадающие имена и фамилии – слова *тезка* и *однофамилец*. В статье отмечается асимметричность реального употребления этих предикатов: тезкой кого-то можно назвать, как правило, лицо менее значительное (по известности, таланту, по роли в общественном сознании и т.п.). Так, человек с именем Петр может быть назван тезкой Петра I, но назвать Петра I тезкой некоего Петра Иванова будет некорректно по неписаным правилам прагматики. Аналогичная картина наблюдается и в употреблении слова *однофамилец*.

Асимметричность предикатов нейтрализуется в форме множественного числа, которая, как известно, нейтрализует и другие особенности названий лиц: ср. *родственники*, среди которых есть и *родственницы, подозреваемые, обвиняемые* и т.п.

Вторая группа исследованных слов – это существительные с приставкой со-, называющие лица по совместному участию в какой-то ситуации: *современник, соавтор, совладелец, сообщник*. Это тоже группа асимметричных предикатов, у которых прагматические компоненты (различные по семантике) не входят в лексические значения слов, но влияют на их реальное употребление.

В статье приводятся примеры и некорректного употребления некоторых слов.

Исследование показало, что прагматические ограничения в употреблении предикатов носят не жесткий характер. В то время как их нейтрализация в форме множественного числа не имеет исключений. Грамматика оказывается на пути прагматики.

Ключевые слова: именные предикаты-релятивы, асимметричность, прагматические правила, грамматические формы.

Для цитирования: *Ермакова О.П.* Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 81–86. DOI: 10.31857/S241377150014557-5.

Who is Whose Namesake and Contemporary? (Interaction of Grammar and Pragmatics)

© 2021 Olga P. Ermakova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Kaluga State University,

4 Voskresenskiy Lane, Kaluga, 248000, Russia
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

Received by Editor on March 02, 2021
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article deals with the asymmetry [quasi – symmetry] of the group of nominal predicates-relatives, due to the pragmatic rules of use, and the restriction of these rules to grammatical forms of words. Two groups of substantive predicates are investigated. One is represented by the names of persons who have the same first and last names – the words "tezka" (namesake) and "odnofamilets" (the same-last-name-bearer). The article notes the asymmetry of the actual use of these predicates: the namesake of someone can be called, as a rule, a person less significant (by fame, talent, role in the public consciousness, etc.). So, a person with the name Peter can be called the namesake of Peter I, but to call Peter I the namesake of a certain Peter Ivanov would be incorrect according to the unwritten rules of pragmatics. A similar pattern is observed in the use of the word namesake.

The asymmetry of predicates is neutralized in the plural form, which, as it is known, cancels out other individual features of the named persons: cf. relatives, among whom there are also female relatives, perhaps, suspects or somebody at fault with the law, etc.

The second group of words studied are nouns with the Russian prefix "so-" (co-), which name persons by joint participation in a certain situation: contemporary, co-author, co-owner, accomplice. This is also a group of asymmetric predicates, in which the pragmatic components (different in semantics) are not included in the lexical meanings of words, but affect their actual use.

The article provides examples of incorrect use of some words.

The study has demonstrated that the pragmatic restrictions in the use of predicates are not strict. While their neutralization in the plural form has no exceptions. Grammar gets in the way of pragmatics.

Key words: nominal predicates-relatives, asymmetry, pragmatic rules, grammatical forms.

For citation: Ermakova, O.P. *Kto chej tezka i sovremennik? (Vzaimodejstvie grammatiki i pragmatiki)* [Who is Whose Namesake and Contemporary? (Interaction of Grammar and Pragmatics)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 81–86. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014557-5.

Вопрос асимметричности именных предикатов, обусловленной вмешательством прагматики, входит в общую проблему взаимодействия грамматики и прагматики. Этой проблеме посвящен целый ряд лингвистических работ. Небольшой объем этой статьи не предполагает обзора даже части исследований. Кратко коснусь некоторых положений работы Ю.Д. Апресяна "Прагматическая информация для толкового словаря", имеющих отношение к рассматриваему в нашей статье вопросу. Ю.Д. Апресян исследует ряд прагматических значений в разных глагольных формах, в частности в формах императива в эллиптических конструкциях, в частицах [1, с. 151–155]. Среди типов лексикографически существенной прагматической информации он выделяет статусы говорящего и адресата, когда эта информация характеризует некоторое употребление слова. Именно это положение используется в нашей статье.

Асимметричность именных предикатов исследована Л.П. Крысиным [2, с. 195–199]. Так, об условии употребления предиката *быть другом* Л.П. Крысин пишет:

> *Y* (тот, кому *X* приходится другом) – лицо с бóльшим "социальным весом", чем *X* (тот, кто является другом *Y*-а). Сравните:
>
> *Асеев и Маяковский были друзьями. = Асеев был другом Маяковского* (пример, сообщенный Л.П. Крысину Ю.Д. Апресяном).
>
> Фраза *Маяковский был другом Асеева* воспринимается как не вполне корректная: в ней нарушено сформулированное выше условие разного "социального веса" лиц – участников ситуации, обозначаемой предикатом *быть другом* [2, с. 196].

Наш материал показывает, что такое ограничение не единично, оно характерно для группы предикатов – названий лиц различной семантики.

Одна группа – это так называемые *соимённики: однофамилец, тезка*. Слово *соимённик* в словаре Ушакова определяется как книжное,

устаревшее. Ср., однако, употребление его Мандельштамом: О как противен мне какой-то **соименник**. / То был не я, то был другой *(Нет, никогда ничей я не был современник).*

Другая группа – это слова, обозначающие соучастников (в 1-м значении) в различных ситуациях: *соавтор, совладелец, современник, сонаследник, соответчик* и некоторые другие.

Сначала кратко рассмотрю соименников.

Слово *однофамилец,* по данным словарей, называет лицо, которое, не состоя в родстве, имеет одинаковую с кем-то фамилию. Слово это лишено семантических приращений, ассоциаций, коннотаций. В отличие от похожих друг на друга людей, которых не слишком много, однофамильцев может быть бесчисленное множество. Симметричность предиката *однофамилец* как будто не вызывает сомнения: если А однофамилец В, то и В – однофамилец А. Однако употребление этого слова имеет некоторые ограничения в зоне прагматики. Приведу один пример.

– *Вы* ***Берлиоза*** *знаете? – спросил Иван многозначительно.*
– *Это...* ***композитор****?*
Иван расстроился.
– *Какой там* ***композитор****? Ах да... Да нет!* ***Композитор*** *– это* ***однофамилец*** *Миши* ***Берлиоза*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Разговор Бездомного с врачом в клинике Стравинского).

Юмористический характер этого текста очевиден. Но не для Бездомного, который об известном композиторе вряд ли даже слышал, а секретарь МАССОЛИТа для него – значительная фигура. И это, казалось бы, бесцветное слово *однофамилец* обнаруживает некоторые социальные различия собеседников. И становится ясным, что какой-то человек, носящий фамилию *Пушкин*, может говорить о себе, как об однофамильце поэта А.С. Пушкина, а назвать поэта своим однофамильцем – смешно. Это чистая прагматика.

Помимо отношения “известный – незначительный в общественном мнении”, возможно, в некоторых ситуациях играет роль осознание вторичности. Это осознание, как правило, неприятно человеку: он не один такой (кто же первый, кто – второй?).

В поэме А. Твардовского “Василий Теркин” герой поэмы, уже ставший своим для многих бойцов, встречается с однофамильцем и первое время испытывает неудовольствие от этого. Но, увидев, что другой Теркин – тоже во всех отношениях хорош, по великодушию своему, предлагает ему быть “первичным”, а сам согласен быть только однофамильцем.

– *Точно:* ***Теркин****...*
– *Только* ***Теркин***
не ***Василий****, а* ***Иван****.*
Чуть обидно*, да приятно.*
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.
Молвит Теркин:
Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай ***однофамилец***
Буду я...
А тот:
– *Зачем?* (А. Твардовский. Василий Теркин).

Но все социальные компоненты, проникающие в употребление слова *однофамилец,* нейтрализуются в форме множественного числа. Высказывание – *композитор Берлиоз и секретарь МАССОЛИТа – однофамильцы* – не нарушает правил прагматики, не представляется нелепым или комичным.

Совершенно аналогичная картина наблюдается в употреблении слова *тёзка*, словарное значение которого тоже не содержит никаких социальных приращений: ‘человек, имеющий одинаковое с кем-то имя’. Но в реальном употреблении совсем не безразлично, кто чей тёзка. Кто-то однажды сказал, что человек с фамилией Македонский насмешит людей, если скажет, что *Александр Македонский* – его ***тёзка***.

И.А. Бродский в беседе с С. Волковым употребляет слово *тёзка* как показатель различной значимости двух известных людей (с его точки зрения).

Бродский: *...Я думаю, что Сталин сообразил, в чем дело. Сталин вдруг сообразил, что это не Мандельштам – его* ***тёзка****, а он, Сталин, – тёзка Мандельштама.*
Волков: *Понял, кто чей* ***современник*** (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2004, с. 476).

Высказывание Бродского показывает осознаваемое поэтом вмешательство прагматики в употребление предиката *тёзка.*

Правда, “иерархия” тёзок без названия фамилии часто не так очевидна. Так, у Н.В. Гоголя есть не один тёзка Николай Васильевич, но Николай Васильевич Гоголь не может быть их тёзкой, хотя с точки зрения логики это именно так. Поэтому часто *тёзкой* кого-то называют, указывая имя и фамилию.

— *Так ведь... фамилии разные бывают, Васенька. Хорошо, у тебя фамилия простая, русская — **Меркурьев**! Артист такой был знаменитый, ах, как я его любила! Ты его полный **тёзка** — Василий Меркурьев* (Т. Устинова. Призрак Канта).

И так же, как в случае с однофамильцами, форма *тёзки* снимает все социальные компоненты в употреблении предикатов. Все Иосифы — *тёзки*. И о двух Александрах Македонских, если кому-то "посчастливилось" получить такое имя при такой фамилии, можно сказать *тёзки*. Такое употребление не противоречит неписаным правилам прагматики.

Наблюдения показывают: как и *однофамилец*, предикат *тёзка* употребляется некоторыми людьми без учета различия социального веса тёзок. Неписаные правила прагматики не всегда и не всеми соблюдаются. Вот некоторые примеры.

[Журналист]: В. Жириновскому: *Ваш **тёзка**, нынешний президент России хотел сотрудничать и пошел туда работать, но вы же не пошли* ("Эхо Москвы" (2003—2004));

*Как пишет мой **тёзка** Экзюпери, некому даже сказать: "А помнишь?"* (В. Михальский. Храм согласия);

*Действительно, со Слуцкими князьями делю фамилию, а Годунов — мой **тёзка*** (Б. Слуцкий. По отчеству учил Смирнов Василий);

*Этого парня зовут Михаил Юрьевич. Он всем говорит, что Лермонтов — его **тёзка*** (Запись устной речи).

Теперь выскажу некоторые замечания о прагматике употребления слов из зоны соединения.

В жизни, как правило, любое соединение людей выявляет (или порождает) неравенство, которое в языке, в разных соединительных структурах может получить формальное выражение.

Уже отмечено, что в соединительных конструкциях с союзом *и* при соединении двух названий лиц типа — *отцы и дети, профессора и студенты* первая позиция обычно предназначается для более значимого (в каком-то отношении) члена [3, с. 353]; [4, с. 130—150]. Известно также, что в конструкциях типа *брат с сестрой, директор с секретарем* определенная социальная значимость (или активность) одного из лиц, как правило, выражается согласованием сказуемого либо со всей именной группой, либо только с первым членом. ***Полкан с Барбосом**, лежа, **грелись**, но **Лев с Барсом вел** предолгую войну* [5, с. 188].

Конечно, эти формальные выражения носят не безусловный характер. Возможны варианты. Так, в определенных контекстах могут быть соединения *взрослые и дети*, в других — *дети и взрослые*. Например: ***Дети и взрослые** одинаково увлеклись игрой*; или — ***Преподаватели и студенты*** (***Профессора и студенты*** и т.п.), но ***Студенты и профессора** обсуждали политические события*. В зависимости от ситуации первую позицию в соединительной конструкции может занимать любой ее член. Но важно, что некоторые социальные компоненты проявляются в соединительных структурах, обнаруживая неравенство членов.

Эти конструкции типичны для заглавий басен. Там первую позицию может занимать и сильнейший (в каком-то отношении — хитрее, умнее и т.д.), и слабейший. Ср.: *Ворона и Лисица,* но *Ворона и Курица* (где Курица — умнее); *Волк и Ягненок,* но *Овцы и Собаки*; *Стрекоза и Муравей, Орел и Куры, Орел и Крот* и т.д. Все это лишь подтверждает мысль, что правила прагматики не бывают жесткими.

В качестве примечания замечу, что кроме басен для заголовков художественной литературы (классической русской и зарубежной) соединительные конструкции типа *отец и сын* не характерны. *Отцы и дети* Тургенева, *Моцарт и Сальери* Пушкина, *Хозяин и работник* у Л. Толстого — единичны в их творчестве, а у Чехова, Островского, Достоевского, Гоголя их нет совсем.

В группе слов *современник, соавтор, совладелец, сонаследник, сообщник* и др. идея соединения как совместное участие в чем-либо выражается приставкой *со-*. Внутри слова "никаких следов неравенства лиц" нет. Как и слова первой группы, рассмотренной вначале, они все — как будто симметричные предикаты. И такие среди них есть. Например, *сокурсники, сопалатники, собутыльники* и др. Но не все.

Слово *современник* в реальном употреблении обнаруживает различие социальной значимости лиц. Так, поэт и драматург Н.В. Кукольник был современником Пушкина и Глинки, но назвать Пушкина или Глинку *современником* Кукольника было бы, по меньшей мере, странно, хотя все они *современники*.

Неприятие вторичности личности, объединения с другим выражено Мандельштамом:

*Нет, никогда ничей я не был **современник**,*
Мне не с руки почет такой.
*О как противен мне какой-то **соименник**.*
То был не я, то был другой (О. Мандельштам. Нет, никогда...).

Но отмеченные особенности употребления и этого предиката учитываются не всеми. "Нарушений" немало. Вот одно из них:

По неистовой преданности своему делу у Мультатули был ***собрат****, тоже голландец и его* ***современник*** *— художник Винсент Ван-Гог* (К. Паустовский. Золотая роза).

Приведу один парадоксальный пример индивидуального восприятия как несуразности объединения людей по году рождения (одногодки), если они несоизмеримы по таланту, известности и т.п.

Как-то в обществе приятный господин с круглой физиономией и веселыми глазами молодой собаки сказал:
— А мне ровно столько же лет, сколько Блоку.
И кто-то в ответ возмущенно буркнул:
— Что за вздор!
— Почему вздор? — удивился ***ровесник*** *Блока. — Я родился в том же году, в том же месяце и того же числа.*
— Да, но все-таки это совсем не то, — не сдавался буркнувший. — Не те годы прожиты. Счетом те, качеством не те. И говорить об этом смешно. Раз не понимаете этого, не объяснишь (Н. Тэффи. Мои современники. А.И. Куприн).

Слово *соавтор,* как и все ранее рассмотренные слова, с точки зрения логики, является симметричным предикатом: N — мой *соавтор*, значит я — *соавтор* N. Однако симметричность может нарушаться из-за неравенства участия членов в ситуации соавторства. Часто доля участия в работе не одинакова. И потому небезразлично употребление выражения *мой соавтор.*

О человеке, выполнившем незначительную часть работы, один из авторов может так сказать. Но если *мой соавтор* говорит человек о том, кто сделал почти всю работу, то это может восприниматься отрицательно. И так же, как в случаях с *тезкой, однофамильцем* и *современником,* форма множественного числа снимает различия в употреблении.

Некоторые примеры.

Драма А. Островского "Василиса Мелентьева", как отмечает комментатор, написана им при соучастии С.А. Гедеонова. П.М. Невежин приводит слова Островского: «Генерал написал хронику "Василиса Мелентьева" и пригласил меня, чтобы я переработал сюжет и придал пьесе литературную форму» (С. Дурылин // А.Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1951. С. 455).

Фактически всю пьесу, к тому же стихами, заново написал Островский. Очевидно, назвать Островского *соавтором* Гедеонова совсем некорректно.

В романе А. Марининой "Соавторы" речь идет о трех людях, которые, объединившись, создают детективный сценарий. Но пишет один, другой придумывает сюжет, а третий участвует в проекте по семейным обстоятельствам. Может ли он сказать о маститом писателе (который пишет) *Богданов — мой соавтор*? То есть сказать-то может, но Богданов, наверное, счел бы это наглостью.

И сколько, наконец, оскорбительно обойденных первооткрывателей, вместо которых премии получили их ***соавторы****.* (Р. Нудельман. Самые престижные или самые крупные).

В этом примере слово *соавторы* обозначает соединение тех, кто играл, по мнению Нудельмана, незначительную роль в научном открытии, и указывает на их второстепенность.

Слово *совладелец* называет лицо, владеющее собственностью совместно с другим лицом или лицами, совладельцами, которые, как правило, неравноправны (возможно, бывает и по-другому). Но это различие "удельного веса" определяется процентной долей участия в "проекте" (иначе — количеством акций у каждого). Здесь изначально устанавливается *старший* (главный) *совладелец* и *младший.* Ср.:

Первое интервью <...> председатель правления и крупнейший ***совладелец*** *"ЮКОСа" Ходорковский дал "Ведомостям"* ("Дело", 17.07.2002);
На борту судна находились <...> мистер Томас Мортон с дочерью, младший ***совладелец*** *юридической конторы "Томсон и Свен", адвокат Ричард Томсон и др.* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты).

Вероятно, употребление слова *совладелец* также подчиняется правилам прагматики. Можно предполагать некорректность употребления (с точки зрения главного) младшего совладельца по отношению к основному — "мой совладелец". Но форма *совладельцы* нейтрализует эти особенности.

В слове *сообщник* словари не отмечают компонент 'помощник преступника'. Ср.: *сообщник* — соучастник преступления, а также (устар.) вообще чего-либо недозволенного, неблаговидного. Но разные контексты позволяют отметить (хотя не всегда): *сообщник* — обычно не главный преступник, хотя играет значительную роль.

Ни в коем случае не считаю вас ***сообщником*** *Ганки. Но Ганка-то несомненно ваш* ***сообщник*** (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);
Потом ***сообщник*** *мошенника, войдя в комнату, заранее условленным знаком дает подельнику сигнал, какие карты на руках у лоха* (С. Велинос. Как не попасться на уловки);
Раз картина спрятана в музее, а кража инсценировка, то получается, что у вора либо есть ***сообщник****,*

либо вором стал кто-то из своих (И. Павская. “Джоконда” Мценского уезда);

10 и 17 ноября Освальд тренировался в стрельбе. Сопровождал его на стрельбище неизвестный молодой человек. Кто это, если не ***сообщник*** (В. Балан. Правда или целесообразность);

Возможно, у него есть ***сообщник*** *или* ***сообщники*** *среди персонала, которые его и покрывают* (М. Милованов. Рынок тщеславия).

И, конечно, форма множественного числа “уравнивает” участников преступления.

Анализ других предикатов из группы совместного действия, очевидно, не добавляет новых наблюдений.

Таким образом, симметричность группы предикатов-релятивов, предполагаемая лексическим значением слов, опровергается реальным употреблением из-за вмешательства прагматики. Как показывает материал, асимметричность предикатов определяется неравенством членов соединения: разным удельным весом в общественном сознании, – значительностью (в каком-то отношении), талантом, известностью и т.д., а также большей или меньшей долей участия в ситуации.

Однако форма множественного числа у всех рассмотренных предикатов проявляет безразличие к социальным компонентам, проникающим в их употребление под влиянием прагматики. Здесь уже наблюдается вмешательство грамматики в прагматику. Повторим, что во всех случаях прагматические ограничения носят не абсолютный характер, чем отличаются от жестких правил грамматики. Грамматика оказывается на пути прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Ю.Д. Апресян. Избранные труды, том II. М., 1995.
2. *Крысин Л.П.* Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Pod red. Z. Saloniego. Bialystok. 1990. С. 195–199.
3. *Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический “принцип Приоритета” и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 4.
4. *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
5. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
6. *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Сер. ЛиЯ. 1981. № 4.
7. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
8. Семантические типы предикатов. М., 1982.
9. *Якобсон Р.В.* В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. *Pragmaticheskaya informaciya dlya tolkovogo slovarya* [Pragmatic Information for an Explanatory Dictionary]. Apresyan, Yu.D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow, 1990. (In Russ.)
2. Krysin, L.P. *Socialnye komponenty v pragmatike yazykovogo znaka: kvazisimmetrichnye predikaty* [Social Components in the Pragmatics of the Language Sign: Quasi-Symmetric Predicates]. Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Edited by Z. Saloni ego. Bialystok. 1990, pp. 195–199. (In Russ.)
3. Bergelson, M.B., Kibrik, A.E. *Pragmaticheskij “princip Prioriteta” i ego otrazhenie v grammatike yazyka* [The Pragmatic “Priority Principle” and Its Reflection in the Grammar of the Language]. *Izv. AN SSSR, Ser. Lit. i yaz.* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 1981, No. 4. (In Russ.)
4. Sannikov, V.Z. *Russkie sochinitelnye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis* [Russian Compositional Constructions. Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow, 1989. (In Russ.)
5. Peshkovsky, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Illumination]. Moscow, 1956. (In Russ.)
6. Bulygina, T.V. *O granicah i soderzhanii pragmatiki* [On the Boundaries and Content of Pragmatics]. *Izv. AN SSSR, Ser. Lit. i yaz.* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 1981, No. 4. (In Russ.)
7. Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, 1997. (In Russ.)
8. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, 1982. (In Russ.)
9. Jakobson, R.V. *V poiskah sushchnosti yazyka* [In Search of the Essence of Language]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983, pp. 102–117. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 87–97

DOI: 10.31857/S241377150014558-6

Театральный проезд или *проезд Театра*? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии)

© 2021 г. М. Ю. Федосюк

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 г. И. И. Бакланова

Доктор филологических наук,
профессор Национального исследовательского
ядерного университета “МИФИ”,
Россия, 115409, Москва, Каширское шоссе, д. 31
ibaklanova@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 29 января 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Статья посвящена поискам ответа на вопрос о том, почему при существовании таких внутригородских топонимов, как *Театральный проезд* и *проезд Художественного театра*, а также *Библиотечная улица* или *Банный переулок*, ненормативны такие названия, как **проезд Театра*, **улица Библиотеки* или **переулок Бань*. На материале истории московских топонимов показано, что топонимическая модель “слова́ типа *улица*, *переулок* + существительное в родительном падеже” появилась после 1917 г. Это было связано, во-первых, с переходом от естественного способа образования внутригородских топонимов в речи носителей языка к созданию топонимов органами власти, а во-вторых, с дополнением ведущей, номинативной функции топонимов функциями мемориальной и пропагандистской. В тех случаях, когда топонимы создаются не стихийно, а по решению властей, причем не только с целью номинации, но и для увековечивания памятных событий и выдающихся людей, модель, использующая родительный падеж, удобнее, поскольку обладает большей универсальностью. Важное ограничение, которое система русского языка налагает на лексическое наполнение рассматриваемой модели, состоит в том, что существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при словах типа *улица*, должны привязывать содержание этих слов к знаниям адресатов и, следовательно, выражать смыслы, понятные адресатам. По этой причине при существовании или потенциальной возможности таких топонимов, как *проезд Художественного Театра* и *переулок Сандуновских Бань* (благодаря определениям, адресатам понятно, о каком театре и о каких банях идет речь), не соответствуют норме названия **проезд Театра* или **переулок Бань*. Такое ограничение компенсируется возможностью образования топонимов типа *Театральный проезд* или *Банный переулок*, где согласованные определения обозначают отнесенность к таким предметам, которые необязательно известны адресатам.

Ключевые слова: внутригородские топонимы, топонимическая модель, согласованные определения, несогласованные определения, приименной родительный падеж, актуализация, переименование улиц.

Для цитирования: *Федосюк М.Ю., Бакланова И.И. Театральный проезд* или *проезд Театра*? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 87–97. DOI: 10.31857/S241377150014558-6.

Teatral'nyj Proezd or *Proezd Teatra*? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)

© 2021 Mikhail Yu. Fedosyuk

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 Irina I. Baklanova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute)
31 Kashirskoe highway, Moscow, 115409, Russia
ibaklanova@yandex.ru

Received by Editor on January 29, 2021
Date of publication April 30, 2021

Abstract. The article deals with the question of why, in the existence of such Russian street names as *Teatral'nyj proezd* ('Theater Lane') and *proezd Khudozhestvennogo Teatra* ('Lane of the Art Theater') as well as *Bibliotechnaya ulica* ('Library street') or *Bannyj pereulok* ('Bath-House Lane'), such names as *ulica Biblioteki* ('Street of a Library') or *pereulok Ban'* ('Lane of Bath-Houses') are impossible. With reference to the material of the history of Moscow street names, it is shown that the toponymic model "words like *street*, *lane*, etc. + noun in the genitive case" appeared after 1917. This was due, firstly, to the transition from the natural method of forming street names to the administrative method, and, secondly, with the addition of the leading, nominative function of toponyms with memorial and propaganda functions. In cases where street names are created not spontaneously, in the process of verbal communication, but by decisions of the administration, and not only for the purpose of nomination, but also for perpetuating memorable events and outstanding people, the model using the genitive case is more convenient, since it has greater universality. An important limitation that the grammatical system of the Russian language imposes on the lexical content of the model under consideration is due to the fact that the position of words in the genitive case, which are attached to nouns, is intended to actualize the meanings of the words being defined. This means that nouns in the genitive case, acting as unconcorded attributes for words like *street*, should bind the content of these words to the knowledge of the addressees, and therefore express meanings that are understandable to them. For this reason, with the existence or potential possibility of such toponyms as *proezd Khudozhestvennogo Teatra* ('Lane of the Art Theater') or *pereulok Sandunovskih Ban* ('Lane of the Sandunovsky Bath-Houses') (thanks to attributes, the addressees understand which theater and which Bath-Houses are in question), the names *proezd Teatra* ('Lane of a Theater') or *pereulok Ban'* ('Lane of Bath-Houses') do not correspond to the language norms. This limitation is compensated by the possibility of forming toponyms such as *Tetral'nyj proezd* ('Theater Lane') and *Bannyj pereulok* ('Bath-House Lane'), which use the traditional toponymic model.

Key words: street names, toponymic model, concorded attributes, unconcorded attributes, genitive of definition, actualization, renaming of streets.

For citation: Fedosyuk, M.Yu., Baklanova, I.I. *Teatral'nyj proezd ili proezd Teatra? (Soglasovannye i nesoglasovannye opredeleniya vo vnutrigorodskoj toponimii)* [*Teatral'nyj Proezd* or *Proezd Teatra*? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014558-6.

1. К постановке проблемы

Обучение русскому языку иностранцев нередко ставит перед русскоязычным преподавателем такие вопросы о его родном языке, над которыми он никогда прежде не задумывался и на которые нелегко найти ответы в русских грамматиках. Именно такой вопрос был задан одному из авторов этой статьи в письме от его коллеги, доцента Сибирского федерального университета А.Н. Сперанской. “Сейчас я работаю в Китае по научному контракту, – писала А.Н. Сперанская, – но есть одна группа китайских бакалавров 3-го курса, в которой я веду раз в неделю занятие. На прошедшем занятии, посвящённом языку города, студенты давали имена улицам. И у них встретились названия *ул. Народа, ул. Спорта, ул. Театра, ул. Парка, ул. Мусульман* (я работаю в провинции Ганьсу, а это северо-запад Китая, здесь много мусульман). И вот я пытаюсь понять, как объяснить, что эти названия невозможны. Не могли бы Вы, Михаил Юрьевич, хоть немного помочь разобраться?”.

Оценка А.Н. Сперанской названий типа *улица Народа* или *улица Театра* как невозможных в русском языке не вызывает возражений. В подтверждение сказанного можно вспомнить, что со словом *театр* в топонимии Москвы связаны названия двух улиц. Это, во-первых, *Театральный проезд*, а во-вторых, *проезд Художественного Театра* (так в 1923–1992 гг. назывался нынешний *Камергерский переулок*). Однако при этом трудно представить себе название **проезд Театра*. К сказанному следует добавить, что в Москве есть *Банный переулок, Библиотечная* и *Школьная улицы*, отсутствуют, хотя и теоретически возможны, такие названия, как *переулок Сандуновских Бань, улица Библиотеки Иностранной Литературы* или *улица Высшей Школы Экономики,* однако названий **переулок Бань, *улица Библиотеки* или **улица Школы* быть не может[1].

Означает ли это, что наименования, имеющие форму “*улица* + нарицательное существительное в форме родительного падежа”, могут существовать, только если при существительном стоит определение? Отнюдь нет, о чем свидетельствуют такие не вызывающие никаких возражений московские названия, как *проспект Мира, улицы Свободы, Космонавтов* или *Авиаторов*.

В чем же состоят ограничения на использование несогласованных определений в русских названиях городских улиц? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, ниже мы вначале охарактеризуем основные модели, по которым строятся русские внутригородские топонимы, и рассмотрим их историю, а затем попытаемся определить, какие ограничения накладывает грамматическая система русского языка на использование каждой из этих моделей. Наша работа выполнена преимущественно на материале топонимии Москвы.

2. Из истории названий улиц в российских городах

На протяжении многих веков названия улиц в российских городах возникали, если так можно выразиться, естественным, а не административным путем. Вначале они появлялись в речи жителей этих городов и лишь затем фиксировались картографами и городскими властями. Если названия в народной речи с течением времени изменялись, то картографы и власти регистрировали эти изменения. В те времена внутригородские топонимы имели чисто номинативную функцию, а потому отражали те признаки улицы, которые были известны большинству горожан и, следовательно, легко могли подсказать многим ее местонахождение. Именно по этой причине, как отмечает П.В. Сытин, наименования многих московских улиц, возникшие до 1917 г., были мотивированы названиями городов, дороги в которые начинались этими улицами (*Тверская, Дмитровка, Калужская, Серпуховская*); названиями монастырей, к которым эти улицы вели (*Петровка, Рождественка, Сретенка, Донская*); наименованиями стоявших на этих улицах церквей (*Тихвинская улица,* где располагалась церковь Тихвинской Богоматери, *Пятницкая улица,* на которой стояла церковь Параскевы Пятницы, *Мартыновский переулок,* находившийся близ церкви Мартина Исповедника); названиями кабаков (*улицы Волхонка, Плющиха* и *Ладожская,* где находились кабаки “Волхонка”, “Плющиха” и “Ладуга”, последнее название именно в таком написании); названиями слобод, на территории которых эти улицы располагались (*Татарские* и *Хамовнические улицы, Мясницкая улица*); фамилиями домовладельцев (*Трубецкая* и *Хавская улицы, улица Башиловка*) и, наконец, особенностями местностей, где были проложены улицы

[1] Все сведения о московских внутригородских топонимах, которые приведены в статье без специального указания на источник, почерпнуты из словаря [1].

(*Миусская площадь,* появившаяся на месте Миусского поля, *Болотная* и *Песчаная улицы, Глинищевский переулок*) [2, с. 41–47]. Аналогичные исконные мотивировки названий улиц перечисляет и Т.В. Шмелева применительно к Великому Новгороду, что подчеркивает закономерность устройства системы традиционных городских наименований для всех исторически сложившихся русских городов [3, с. 78].

Вместе с тем, как отмечает П.В. Сытин, еще в дореволюционное время в Москве стали появляться улицы, названия которых были мотивированы не присущими этим улицам признаками, а именами великих людей. В качестве примера П.В. Сытин приводит названия *Гоголевская, Лермонтовская* и *Некрасовская улицы*, появившиеся в конце XIX в. в старинном селе Черкизове незадолго до его включения в состав Москвы (теперь в этом районе сохранилась лишь *Лермонтовская улица*) [2, с. 43]. К подобным названиям можно добавить еще и *Тургеневскую площадь*, получившую свое название в 1885 г., *Кутузовские переулок* и *проезд*, названные так в 1912 г., а также *Скобелевскую площадь* (это название нынешней Тверской площади, увековечивавшее имя героя Русско-турецкой войны генерала М.Д. Скобелева, просуществовало с 1912 по 1918 г.).

Трудно себе представить, чтобы названия типа *Тургеневская площадь* или *Гоголевская улица* стихийно появлялись в речи горожан, и это дает основания для вывода о том, что еще в дореволюционной России некоторые из внутригородских топонимов возникали не естественным, а административным путем. Подобные “административные” топонимы стали придавать названиям улиц новую функцию – мемориальную, т.е. направленность на сохранение в памяти горожан имен выдающихся деятелей. При этом номинативная функция названий все же оставалась и остается главной. Наименования типа *Тургеневская площадь* употребляются в речи в первую очередь не для напоминания об известном человеке, а для обозначения определенного места в городе. Иными словами, для того чтобы найти в Москве Тургеневскую площадь, совсем необязательно знать, кто такой Тургенев.

Несмотря на очевидный факт второстепенности мемориальной функции внутригородских топонимов, после революции 1917 г. эта функция стала восприниматься новыми властями едва ли не как главная. Обратимся к истории. «В 1917 г., – пишет П.В. Сытин, – к Москве были присоединены пригороды в черте Окружной ж. д., имевшие большей частью улицы и переулки с такими же названиями, как и в городе. <...> Таким образом, в разных районах появились новые, но одинаковые названия. Одноименные названия затрудняли работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений. Потребовалось взяться всерьез и навести порядок в этом деле. При Моссовете в 1921 г. была образована комиссия, которая должна была переименовать одноименные улицы и переулки по “археологическим данным”. Через год работа комиссии была окончена, и 7 июня 1922 г. Моссовет утвердил переименование 477 улиц и переулков Москвы» [2, с. 49].

Результаты произведенных переименований могут показаться неожиданными. Помимо предполагавшегося устранения повторяющихся названий, «по предложению комиссии были заменены названия, в какой-либо мере связанные с памятью о царском режиме, именами членов “царской фамилии”, бывших заправил царской реакции и т.д.» [2, с. 50]. В результате из почти 500 переименованных улиц значительная их часть лишилась своих прежних названий ради выполнения не номинативной, а мемориальной функции, к которой добавилась еще и функция пропагандистская. А то, что исчезновение привычных и появление нескольких сот незнакомых москвичам названий ослабит номинативную функцию наименований улиц и тем самым существенно затруднит не только упомянутую П.В. Сытиным “работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений”, но и жизнь простых горожан, не было принято во внимание.

Какими же названиями заменялись наименования улиц, “связанные с памятью о царском режиме”? Как пишет Т.В. Шмелева, “новые городские топонимы представляли собой два семиотических типа – д е м о н с т р а т и в ы и м е м о р а т и в ы. Первые предъявляли населению советских городов новые ценности – Пролетариат, Революция, Советы, Республика. Назначение вторых – увековечивать имена вождей и героев революции” [3, с. 80]. Естественно, что во всех городах страны новые названия улиц оказались почти одинаковыми. Высмеивая эту одинаковость, Владимир Маяковский в стихотворении “Фамильярность” писал: “Куда бы ты / ни направил разбег, / и

как ни ёрзай, / и где ногой ни ступи, – / есть Марксов проспект, / и улица Розы, / и Луначарского – / переулок или тупик".

К сказанному следует добавить, что, вопреки намерениям властей, многие новые названия улиц не выполняли и не выполняют той мемориальной функции, ради которой они были даны. Представляется, что эту функцию способны реализовывать лишь такие названия, как *Тургеневская площадь* или *Кутузовский проезд*, т.е. наименования, данные в честь хорошо известных людей. Если же в названии улицы стоит никому не известная фамилия, то никакой мемориальной информации оно не несет. Приведем пример. В московском районе Сокольники неподалеку друг от друга расположены две улицы – *Бабаевская* и *Маленковская*. Большинство москвичей могут сказать об этих названиях только то, что, скорее всего, они образованы от фамилий россиян. Однако знают ли окрестные жители, в честь кого эти улицы названы? Лишь обращение к справочной литературе позволяет узнать, что оба названия были даны в 1922 г.: первое – "в память о Петре Акимовиче Бабаеве (1883–1920) – слесаре Новосокольнического трамвайного парка, председателе Сокольнического райсовета" [1, с. 42][2], а второе – совсем не в честь Георгия Максимилиановича Маленкова – памятного представителям старшего поколения россиян несостоявшегося преемника И.В. Сталина, а "в память о Емельяне Михайловиче Маленкове (1890–1918), участнике Октябрьской революции и гражданской войны" [1, с. 295], который, кстати, до П.А. Бабаева тоже занимал пост председателя Сокольнического райсовета [5, с. 385]. Неизвестность обоих имен нашим современникам позволяет утверждать, что мемориальная функция названиями этих улиц утрачена.

Переименования 1922 г. положили начало волне мемориально-пропагандистских переименований московских улиц, которая, то усиливаясь, то ослабевая, шла до конца 1980-х гг., после чего, наоборот, началась кампания по восстановлению старых названий. "После 1922 г., – писал П.В. Сытин, – новые переименования улиц не ставили себе уже задачей устранить одноименность. 12 августа 1924 г. Моссоветом были переименованы 63 улицы и переулка, 17 декабря 1925 г. – еще 81, носившие фамилии бывших домовладельцев", и добавлял: "Однако и поныне еще около 350 улиц и переулков носят фамилии домовладельцев: они не грешат одноименностью и потому не снимаются, хотя их давно бы уж следовало снять" [2, с. 50]. Печально, что выдающийся историк Москвы одобрял или, скорее, вынужден был делать вид, что одобряет, варварское уничтожение ценных памятников истории, хранимых языком.

Кстати, помимо названий улиц, связанных с фамилиями домовладельцев, из московской внутригородской топонимии изгонялись и религиозные названия. Так, в 1922 г. *1-й, 2-й* и *3-й Воздвиженские переулки* были переименованы в *1-й, 2-й* и *3-й Труженниковы*, а в 1924 г. *Протопоповский переулок* стал именоваться *Безбожным*.

Важно отметить, что послереволюционные переименования улиц изменили систему русской внутригородской топонимии не только содержательно, но и формально, грамматически. До 1917 г. названия улиц могли строиться по двум основным моделям. Первая из них включала существительные, к которым иногда добавлялись определения (*Арбат, Зацепа, Щипок, Большие Кочки, Новая Дорога*). При этом многие существительные были образованы от относительных прилагательных (*Дмитровская дорога > Дмитровка, Рождественский монастырь > Рождественка, Малороссийское подворье > Маросейка*). Вторая модель использовала качественные, относительные или притяжательные прилагательные, имевшие форму того рода, которого требовали слова *улица, переулок* или *тупик* (*Тверская улица*, *Новая Басманная улица, Скатертный переулок, Хлебный переулок, Садовый тупик*).

В наименованиях, построенных по второй модели, достаточно широко использовались притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов, -ин*. Так, появившиеся в XIX в. на карте Москвы *Усачева улица* и *Гаврикова улица* содержат в своем составе притяжательные прилагательные, образованные от фамилий домовладельцев *Усачёв* и *Гавриков* и омонимичные этим фамилиям. О том, что перед нами не формы родительного падежа существительных, а именно притяжательные прилагательные, свидетельствует порядок слов: в противном случае было бы *улица* (кого?) *Усачёва* и *улица* (кого?) *Гаврикова*.

[2] Между прочим, в честь председателя Сокольнического райсовета П.А. Бабаева в 1922 г. была названа и старейшая и крупнейшая в России кондитерская фабрика, которой до революции владело "Товарищество А.И. Абрикосова и Сыновей" [4].

Аналогичным образом в таких названиях, как *Лихов* или *Пыхов переулок*, были использованы притяжательные прилагательные, образованные от фамилий *Лихов* и *Пыхов*. В наши дни притяжательные прилагательные утратили свою продуктивность, и если названия *Лихов* или *Пыхов переулок* не вызывают соблазна осмысливать словоформы *Лихов* и *Пыхов* как формы родительного падежа множественного числа, образованные от загадочных существительных *лих* и *пых*, то словоформы *Усачева* и *Гаврикова* в названиях улиц стали восприниматься многими носителями русского языка как формы родительного падежа: *улицы* (кого?) *Усачева* и *Гаврикова*.

Первые советские переименования улиц использовали обе упомянутые традиционные модели, однако гораздо чаще – вторую. Так, в соответствии с первой моделью в Москве появились *улица Богатырский Мост* (1928 г.), *улицы Ленинская Слобода* и *Ленинская Слободка* (обе – 1930 г.), а в соответствии со второй моделью – *Большая* и *Малая Коммунистические улицы* (1919 г.), *Ульяновская улица* (1919 г.), *Тулинская улица* (1923 г.), *Амбулаторный переулок* (1924 г.) и др. В первых советских названиях довольно широко использовались и притяжательные прилагательные, о чем свидетельствуют такие появившиеся в 1922 г. названия, как *Алымова улица* и *Алымов переулок*, *Бобров переулок, 1-я, 2-я* и *3-я Бухвостовы улицы, 1-й* и *2-й Носовы переулки*.

Одновременно с использованием старых топонимических моделей в послереволюционное время начинает активно употребляться новая модель – имена существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при родовых наименованиях *улица, площадь, переулок* и т.п. Уже в 1918 г. в результате переименований в Москве появляются названия *площадь Революции, площадь Коммуны* и *площадь Борьбы,* позднее – *площадь Свердлова* (1919 г.)*, площадь Воровского* (1924 г.) и *площадь Дзержинского* (1926 г.), а также многочисленные названия улиц: *Воровского* (1923 г.), *Дзержинского* (1926 г.), *Мархлевского* (1927 г.), *Двадцать Пятого Октября* (1930 г.), *Кирова* и *Горького* (1930 г.) и др. В результате к настоящему времени новая топонимическая модель стала ведущей не только в Москве, но и во всех других российских городах.

О причинах высокой популярности этой модели Т.В. Шмелева пишет так: “Почему большевикам так приглянулся родительный падеж? Можно высказать несколько предположений. Его удобство состоит в том, что конструкции с родительным падежом допускают включение политических терминов типа *диктатура* и иноязычных имен, от которых невозможно образование прилагательного. Так, если *улица Пушкина* может быть и *Пушкинской*, то для фамилий *Либкнехт, Люксембург* и под. таких вариантов нет. Кроме того, конструкции с родительным допускают двусловные (и более!) наименования, что исключено для прилагательных: *улицу Карломарксовскую* никто не предложил. Важен и стилистический момент: из синонимичных языковых средств, выражающих отношения – прилагательного и существительного в родительном падеже (ср.: *отцовский дом* и *дом отца*), – именно последний типичен для бюрократического, канцелярского языка, который стал стилистической доминантой советской словесной культуры” [3, с. 80–81].

Всё сказанное Т.В. Шмелевой можно резюмировать следующим образом: если грамматически независимые существительные и прилагательные были удобной формой образования внутригородских топонимов при их стихийном, естественном образовании, то модель родительного падежа существительных представляет собой оптимальный способ образования топонимов при искусственном, административном создании топонимических систем. В самом деле, стихийно создавая наименования улиц, простые люди наполняли имевшиеся в русском языке модели обозначениями отличительных признаков этих улиц; власти же шли в обратном направлении – подбирали модель, удобную для выражения заранее выбранных ими мемориальных или пропагандистских смыслов. При этом, втором, подходе модель родительного падежа являлась более универсальной, годящейся почти для любых названий, поэтому она и победила.

Однако вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи. Чем объяснить, что при всей универсальности модели родительного падежа далеко не все внутригородские топонимы, например **улица Театра* или **улица Школы,* могут быть по ней построены? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо проанализировать смысловые различия между согласованными и несогласованными определениями.

3. В чем состоят различия между согласованными и несогласованными определениями

К сожалению, в период увлечения лингвистов углубленным изучением преимущественно

формы языковых единиц, т.е. на протяжении значительной части XX в., вопрос, стоящий в заголовке этого раздела, почти не привлекал внимания языковедов. Констатируя существование согласованных и несогласованных определений, многочисленные описания грамматической системы русского языка, как правило, делали оговорку: “Согласованные определения, выраженные относительными прилагательными, обозначают признаки предметов не непосредственно, а через отношение к другим предметам или действиям, а также к месту, времени – в соответствии со значением основы прилагательного. Некоторые определения этого типа соотносительны с соответствующими разрядами несогласованных определений <...> и могут быть использованы для синонимической замены последних (ср. *железная крыша – крыша из железа, смазочное масло – масло для смазки, январский день – день в январе* или *день января*)” [6, т. 2, ч. 1, с. 533–534]; ср. [7, с. 430]. Однако информации о том, в каких случаях возможны, а в каких – невозможны подобные синонимические замены, в грамматиках, как правило, нет.

В последние десятилетия важный вклад в решение стоящего перед нами вопроса внес С.А. Лутин, вскрывший принципиальное отличие приименного родительного падежа от всех других падежей. Как пишет С.А. Лутин, “разнообразие значений словосочетаний, в которые может быть включен приименный РП <здесь и далее – родительный падеж>, свидетельствует не о многообразии его грамматических значений, а, наоборот, о том, что РП вообще не имеет собственно падежных значений (таких как орудийное, прямообъектное, локативное, делиберативное и т.п. у соответствующих падежей)” [8, с. 42]. И далее: “В любом тексте родительный приименный маркирует знак того и только того референта, который заранее известен либо из предыдущего текста (контекста в узком смысле), либо из тех знаний, обоюдное наличие которых может с уверенностью предположить говорящий (контекст в широком смысле). Необходимость введения в текст контекстуального признака в форме имени в РП возникает в случае, если сведения об одном из референтов представляются автору информативно недостаточными. Такая ситуация возникает либо в силу того, что имя референта впервые вводится в контекст, либо только что было введено в контекст, но в слишком обобщенном виде, либо в дальнейшем контексте будет пониматься по-новому. Говоря коротко, необходимость в родительном приименном появляется тогда и только тогда, когда требуется актуализация смысла имени одного из референтов” [8, с. 48–49].

Конкретизируем сказанное. Как известно, понятие “актуализация” было введено Ш. Балли, который писал: “Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально; оно выражает представление какого-нибудь одного рода (вещь, процесс или качество). Действительности же роды не ведомы: в ней есть только индивидуальные сущности” [9, с. 87].

Таким образом, можно утверждать, что актуализация – это перевод содержания языковой единицы из языка в речь путем привязывания этого содержания к знаниям адресата. Средства, используемые для осуществления актуализации, принято называть актуализаторами. Если языковая единица употреблена так, что ее смысл понятен адресату благодаря контексту, ситуации общения или предшествующим знаниям, она воспринимается как актуализированная и не требует использования никаких добавочных актуализаторов. Так, является актуализированным благодаря ситуации общения содержание слова *пропуск* во фразе вахтера *Предъявите пропуск!* Понятно, что в данном случае речь идет о вполне определенном документе пришедшего человека. Как правило, не требуют использования актуализаторов имена собственные. При их корректном употреблении они должны быть заранее актуализированы совместными знаниями отправителя и адресата.

Если же номинативная единица употреблена без необходимой актуализации, то адресат, понимая ее языковое значение, не сможет воспринять речевой смысл этой единицы. В подобных случаях люди обычно задают уточняющие вопросы *Какой?* (или *Какая?, Какое?*). Представим себе, что учитель обратился к одной из учениц: “Настя, спустись, пожалуйста, в библиотеку и принеси мне *книгу*”. Естественная ответная реакция ученицы – это вопрос: “*Какую* книгу?”. Дело в том, что слово *книга* в прозвучавших словах не было привязано к знаниям адресата. Учителю следовало сопроводить слово *книга* актуализаторами типа

ту книгу, которую я там оставил; ту книгу, которую я показывал вам на прошлом уроке или, например, *свою любимую книгу*. Актуализатор может информировать адресата и о том, что образа обозначаемого предмета в сознании этого адресата еще нет. В таких случаях говорят: “Принеси *какую-нибудь* (или *любую*) книгу” [10, с. 17].

Всё сказанное позволяет нам перейти к вопросу о том, почему невозможны топонимы типа **улица Народа* или **улица Театра*. Понятно, что существительное в форме родительного падежа, стоящее при родовом наименовании *улица,* выступает как актуализатор содержания этого слова. Поэтому при корректном употреблении смысл такого существительного должен быть понятен адресатам. Это требование оказывается соблюденным в таких внутригородских топонимах, как *площадь Свердлова* или *площадь Дзержинского*, поскольку Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский – широко известные исторические личности. Рассматриваемое требование воспринимается как соблюденное и в названиях типа *улица Шеногина* или *набережная Шитова*. В честь кого были названы эти городские объекты, подавляющему большинству наших современников неизвестно. Однако, как уже было сказано, смыслы имен собственных по умолчанию считаются заранее известными адресатам. Разумеется, если бы в обыденной речи мы услышали: “Шеногин просил вас зайти в кабинет Шитова”, то это вызвало бы недоуменный вопрос: “А кто такие эти Шеногин и Шитов?”. Но поскольку основная функция внутригородских топонимов – номинативная и особой необходимости в том, чтобы представить себе обозначаемых в составе топонимов людей нет, то наименования с неизвестными адресатам именами собственными обычно воспринимаются как корректные.

Корректны и такие внутригородские топонимы, как *проспект Мира* и *улица Свободы*. Ведь “мир” и “свобода” – это абстрактные понятия, которые присутствуют в сознании любого человека, а потому их смыслы всем понятны и не нуждаются в актуализации. Приблизительно то же можно сказать и о топонимах *улица Авиаторов* и *улица Космонавтов*. Формы множественного числа *авиаторы* и *космонавты* подразумевают не конкретных, а любых представителей хорошо известных адресатам профессий, поэтому для понимания выражаемых смыслов слова *авиаторы* и *космонавты* не нуждаются в дополнительных распространителях.

Здесь необходимо сделать оговорку о том, что смыслы несогласованных определений, которые входят в состав внутригородских топонимов, непременно должны быть понятными в период их возникновения. С течением времени эти смыслы могут затемняться, что, естественно, не влечет за собой немедленной отмены соответствующих топонимов. Так, во второй половине XX в. многими были забыты мотивы образования в послереволюционные годы таких московских топонимов, как *улица Двадцать Пятого Октября, площадь Коммуны, площадь Борьбы* и *шоссе Энтузиастов*. Название *улица Двадцать Пятого Октября* ошибочно воспринималось многими москвичами как посвященное 25-й годовщине Октябрьской революции, хотя на самом деле в этом топониме фигурирует дата начала революции по существовавшему в России “старому стилю” летосчисления. После того как в 1918 г. страна была переведена на “новый стиль”, датой начала революции стало считаться 7 ноября. Под *коммуной* в названии *площадь Коммуны* подразумевался, конечно, не ‘коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда’, а именно *Парижская коммуна* – ‘революционное правительство рабочих, существовавшее в Париже с 18 марта по 28 мая 1871 г.’. Название *площадь Борьбы* было присвоено одной из московских площадей в 1918 г., когда еще была свежа память о той вооруженной борьбе, которая проходила в районе этой площади в дни революции.

Более подробного комментария, на наш взгляд, требует название *шоссе Энтузиастов*. В словаре “Имена московских улиц” о шоссе Энтузиастов сказано следующее: «Возникло как дорога в г. Владимир и до 1919 г. называлось Владимирским ш. или просто Владимиркой. По этой дороге на каторгу или в ссылку в Сибирь следовали этапы уголовных и политических заключенных. Авторы названия, видимо, считали “энтузиастами” и тех и других» [1, с. 590]. С таким объяснением трудно согласиться. Слово *энтузиаст* означает ‘человек, охваченный сильным воодушевленим, душевным подъемом, увлеченностью чем-либо’. В 1940 г. появилась и получила большую популярность песня И. Дунаевского и А. д’Актиля “Марш энтузиастов”, в которой пелось: “Нам нет преград ни в море, ни на суше, /

Нам не страшны не льды, ни облака. / Пламя души своей, знамя страны своей / Мы пронесем через миры и века!” и которая едва ли исполнялась от лица людей, направлявшихся на каторгу или в ссылку. Думается, что под энтузиастами после Октябрьской революции, скорее всего, подразумевали не каторжников, а всех советских людей, строителей новой жизни; наименование же *шоссе Энтузиастов* присвоили бывшей Владимирке не в честь каторжников, а с тем, чтобы ее название больше не вызывало негативных ассоциаций.

Итак, внутригородские топонимы с формой существительного в родительном падеже возможны только в тех случаях, когда смысл этого существительного понятен. В случае же его непонятности существительное нуждается в дополнительной актуализации, для чего к нему, как правило, добавляются определения. Именно по этой причине невозможно такое название, как **проезд Театра*, притом что в Москве существует *проезд Художественного Театра*; невозможны названия **улица Курсантов, *улица Ополчения, *улица Рощи* или **проезд Сторожки,* однако в Москве есть *улицы Подольских Курсантов, Народного Ополчения, Марьиной Рощи*, а также *проезд Соломенной Сторожки*. Даже если носителям русского языка и неизвестны те конкретные объекты, в честь которых были названы эти улицы, только что перечисленные названия не вызывают сомнений, что данные объекты существуют или существовали.

Почему же при невозможности названия **проезд Театра* вполне нормативно название *Театральный проезд*? Дело в том, что в отличие от внутригородских топонимов, имеющих форму существительных в родительном падеже, на топонимы, представляющие собой качественные или относительные прилагательные, жесткие ограничения не накладываются. Что касается качественных прилагательных, то они представляют собой непосредственные обозначения признаков предметов, а потому возможности их использования ограничены лишь теми свойствами, которые могут иметься у городских улиц. В Москве существуют такие названия, как *Красная площадь, Старая* и *Новая площади, Живописная, Широкая* и *Просторная улицы, Узкий переулок* и *Широкий проезд*.

Если же говорить об относительных прилагательных, то они называют признаки, связанные с отношением к другим предметам. При этом в тех случаях, когда относительные прилагательные образованы от имен нарицательных, они подразумевают неактуализированные смыслы. Поэтому известность адресатам предметов, на которые указывают относительные прилагательные, совершенно необязательна. Так, название *Театральный проезд* может подразумевать и какой-то конкретный театр, и театры вообще. Аналогичным образом тот факт, что улицы носят такие названия, как *Школьная* или *Библиотечная,* совсем не означает, что они названы по конкретным школе или библиотеке. Ср. следующую справку из словаря “Имена московских улиц”: “В 1919 г. пять Рогожских улиц (по названию Рогожской ямской слободы, бывшей здесь в XVII–XVIII вв. <...>) были переименованы соответственно в Школьную, Библиотечную, Вековую, Пролетарскую и Трудовую. Новые названия были выбраны произвольно (без привязки к реальным объектам), как абстрактные символы культуры и труда” [1, с. 58].

Если же относительные прилагательные образованы от имен собственных, то, естественно, они способны указывать на отношение к единичным объектам. Так, название *Бауманская улица* соотносится с фамилией революционера Н.Э. Баумана, название *Абрамцевская улица* дано по подмосковной усадьбе Абрамцево, а наименование *Волжский бульвар* – по реке Волге.

Для обозначения отношения к единичным объектам предназначены и притяжательные прилагательные на *-ов, -ин,* ср. *Брюсов* и *Бобров переулки, Берингов проезд, Мишина улица*. Однако, с одной стороны, в системе русского языка такие прилагательные утратили свою продуктивность, а с другой – они могут образовываться только от существительных, обозначающих людей (*мамина сумка*) и животных (*кошкина миска*). Судя по всему, создатели новых советских внутригородских топонимов не очень хорошо осознавали это ограничение, а потому использовали притяжательные прилагательные гораздо шире, чем это позволяют нормы русского языка. Наиболее комичным из ряда некорректно образованных внутригородских топонимов представляется созданное в 1922 г. и существующее до сих пор название *Веткина улица*, которое было образовано не от несуществующего антропонима **Ветка,* а от прежнего “монархического” названия *улица Царская Ветка*. Этот топоним был мотивирован расположением улицы возле

железнодорожной ветки, по которой перегонялись вагоны царской семьи. Нарушающими установку на соотнесенность притяжательных прилагательных только с людьми и животными, представляются и такие названия 1920-х гг., как *Лучников переулок* (присвоено в 1922 г. по названию находившего на этом месте селения *Лучники*), *Плотников переулок* (1922 г., дано по церкви Николая Чудотворца в Плотниках), *Синичкина улица* (1922 г., дано по названию речки Синички), *Зельев переулок* (произведенная в 1925 г. замена прежнего названия *Аптекарский переулок,* мотивированная тем, что одно из значений слова *зелье* – ‘настой на травах, применявшийся в старину как лечебное или отравляющее средство’).

Вместе с тем, важное ограничение на использование во внутригородских топонимах имен прилагательных состоит в том, что язык далеко не всегда располагает необходимыми прилагательными. Так, в русском языке не существует прилагательных, образованных от таких слов, как *дружба, борьба, космонавты, энтузиасты*; нельзя образовать прилагательные от многих словосочетаний, например *подольские курсанты, десятилетие Октября, герои-панфиловцы, академик Люлька,* и именно поэтому топонимы типа *улица Дружбы* или *улица Подольских Курсантов* невозможно заменить названиями в форме прилагательных. Между прочим, трудности нахождения необходимых относительных прилагательных получили отражение в появившемся в 1925 г. в Москве названии *Бойцовая улица*. Как гласит справочная литература, улица была названа в честь бойцов Красной Армии, сражавшихся на фронтах Гражданской войны. Однако это название очевидным образом нарушает нормы словообразования, поскольку в русском языке суффикс *-ов/-ев* предназначен для образования относительных прилагательных преимущественно от неодушевленных существительных с конкретным значением (например, *домовый, классовый*), а также от названий животных (*моржовый, слоновый* и др.). Прилагательные, образованные от наименований лиц (*карликовый, мастеровой*), единичны и задаются в грамматиках списком [11, т. 1, с. 279].

Немаловажно и то, что относительные прилагательные не всегда хорошо соотносятся с теми существительными, от которых они образованы. Приведем пример. Возле главного здания Московского университета есть две параллельные улицы. Первая, расположенная рядом с химическим факультетом, называется *Менделеевская,* вторая, проходящая около физического факультета, носит название *улица Лебедева*. Легко понять, почему названия соседних улиц образованы по разным моделям. Фамилия *Менделеев* достаточно редкая, имя выдающего ученого широко известно, и потому название *Менделеевская* почти однозначно ассоциируется с именем знаменитого химика. Что же касается теоретически возможного названия *Лебедевская улица,* то его можно было бы соотнести не только с физиком П.Н. Лебедевым, а также с другими известными Лебедевыми, но и с людьми по фамилии Лебедевский, а также с топонимом *Лебедево.* По этой причине название *улица Лебедева* выглядит гораздо более однозначно. А вот другой пример. Совершенно очевидно, что наименования *улица Академика Павлова, улица Академика Петрова* и *улица Академика Семенова* нельзя было бы заменить названиями *Павловская, Петровская* и *Семеновская улицы,* поскольку они бы с именами ученых не соотносились.

4. Заключение

Всё сказанное дает основания для следующих выводов:

1. До революции 1917 г. подавляющее большинство внутригородских топонимов выполняли исключительно номинативную функцию. Ведущим способом их образования был естественный способ, при котором названия сначала стихийно возникали в речи горожан и лишь потом фиксировались картографами и властями. При таком способе использовались две модели образования топонимов – модель “независимое имя существительное” (*Арбат, Зацепа, Дмитровка*) и модель “имя прилагательное в позиции согласованного определения к словам типа *улица* или *переулок*” (*Тверская улица, Скатертный переулок*).

2. После революции 1917 г. новые власти, не отменяя номинативной функции внутригородских топонимов, стали требовать от них выполнения еще и мемориальной и пропагандистской функций. Многие из топонимов, которые не выполняли этих функций, заменялись новыми. Естественный способ образования внутригородских топонимов был заменен на административный: все топонимы вводились по распоряжению властей. Необходимость отражения внутригородскими топонимами памятных событий и имен выдающихся людей отодвинула на периферию прежние топонимические модели и сделала ведущей

модель “слова типа *улица* + существительное в родительном падеже” (*площадь Дзержинского, улица Двадцать Пятого Октября*). Новая модель, в отличие от традиционных, давала возможность легко образовывать топонимы почти от любых номинативных единиц.

3. Важное ограничение, которое грамматическая система русского языка налагает на использование топонимической модели “слова типа *улица* + существительное в родительном падеже”, обусловлено тем, что в русском языке позиция приименного родительного падежа предназначена для актуализации смысла определяемого слова. Это означает, что существительные в форме родительного падежа, выступающие как несогласованные определения при словах типа *улица*, должны привязывать содержание этих слов к знаниям адресатов, а потому выражать смыслы, понятные адресатам. По этой причине при существовании или потенциальной возможности таких топонимов, как *проезд Художественного Театра* или *переулок Сандуновских Бань* (благодаря определениям адресатам понятно, о каком именно театре и о каких банях идет речь), не соответствуют языковым нормам названия **проезд Театра* или **переулок Бань*. Такое несоответствие компенсируется возможностью образования топонимов – согласованных определений типа *Театральный проезд* или *Банный переулок*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007.
2. *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М.: Московский рабочий, 1959.
3. *Шмелева Т.В.* Новгородская словесность / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016.
4. Кондитерский концерн “Бабаевский” [Электронный ресурс]. URL: https://www.uniconf.ru/factories/babaevsky/#history
5. Москва: Энциклопедия / гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Советская энциклопедия, 1980.
6. Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова и Е.С. Истриной. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
7. Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
8. *Лутин С.А.* Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М.: Российский университет дружбы народов, 2007.
9. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001.
10. *Федосюк М.Ю.* Что означают слова и предложения // Русский язык в школе. 2015. № 12. С. 17–21.
11. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

REFERENCES

1. *Imena moskovskikh ulits: Toponimicheskiy slovar* [The names of Moscow Streets: A Toponymic Dictionary]. Moscow, OGI Publ., 2007. (In Russ.)
2. Sytin, P.V. *Otkuda proizoshli nazvaniya ulits Moskvy* [Where Did the Names of Streets in Moscow Come From]. Moscow, Moskovskiy Rabochiy Publ., 1959. (In Russ.)
3. Shmeleva, T.V. *Novgorodskaya slovesnost* [Novgorod Philology]. Velikiy Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ., 2016. (In Russ.)
4. *Konditerskiy kontsern “Babaevskiy”* [Confectionery Concern “Babaevsky”]. [Electronic resource]. URL: https://www.uniconf.ru/factories/babaevsky/#history (In Russ.)
5. *Moskva: Entsiklopediya* [Moscow: Encyclopedia]. Narochnitskiy, A.L. (Gen. Ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980. (In Russ.).
6. *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of Russian Language]. Vinogradov, V.V., Istrina, E.S. (Gen. Ed.). Moscow, AN USSR Publ., 1954. (In Russ.)
7. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moldovan, A.M. (Gen. Ed.). Moscow, AST-PRESS ShKOLA Publ., 2020. (In Russ.)
8. Lutin, S.A. *Russkiy genitiv v funktsionalno-semanticheskom aspekte*. [Russian Genitive in the Functional and Semantic Aspect]. Moscow, Rossiyskiy universitet druzhby narodov Publ., 2007. (In Russ.)
9. Balli, Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, URSS Publ., 2001. (In Russ.)
10. Fedosyuk, M.Yu. *Chto oznachayut slova i predlozheniya* [What Words and Sentences Mean]. *Russkiy yazyk v shkole* [The Russian Language at School]. 2015, No. 12, pp. 17–21. (In Russ.)
11. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova, N.Yu. (Gen. Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 98–106

DOI: 10.31857/S241377150014559-7

Указатель авторов словарных статей к третьему изданию энциклопедии “Русский язык” (М., 2020)

The Contributors Index to the 3rd edition of “The Russian Language” Encyclopedia (Moscow, 2020)

В начале 2002 г. вышла книга: Молдован А.М. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. Изд. 3-е. М.: Словари XXI века – АСТ-Пресс школа, 2020. 902 с.

Данное издание не снабжено никакими указателями. Автор-составитель настоящей публикации взял на себя решение задачи по созданию такого указателя[1]. Если посмотреть на ситуацию глазами обыкновенного читателя ЭРЯ-2020, можно, например, предположить, что он захочет узнать, какие словарные статьи написаны В.М. Живовым. Для этого существует единственный способ: перелистать всю ЭРЯ насквозь – от 1-й до 902-й страницы, так как авторского указателя в ЭРЯ-2020 нет. Именно такой указатель лёг в основу таблицы I настоящей публикации. Теперь читатель ЭРЯ-2020 будет иметь к нему доступ. В связи с этим полагаем, что данная работа заполняет некоторую важную содержательную лакуну. Кроме того, заметим: авторский указатель с перечнем заголовков статей, написанных тем ли иным автором, – жанр не новый[2].

In early 2020, there was published the book, Moldovan, A.M. (gen. ed.). *The Russian Language: An Encyclopedia*. 3rd ed. Moscow, AST, 2020. 902 pp. (In Rus.), which contained no indices. The author of the present article comes up with the following contributors index to this volume. The index might be helpful to those readers of the encyclopedic edition who look for the articles written specifically by certain specialists in the field. The index here fulfills its usual function and serves as an organized map of the book’s content.

Табл. I. Авторский указатель к ЭРЯ-2020[3]

АВТОР	Заголовки словарных статей
Авилова Н.С.	Переходность-непереходность*
Алексеев А.А.	Библия
Антонова О.В.	Старомосковское произношение
Арапов М.В.	Активный словарь, Пассивный словарь, Тайные языки
Арапова Н.С.	Эвфемизм
Арутюнова Н.Д.	Бытийные предложения, Метафора, Метонимия, Предикат, Речь, Язык

[1] При работе над указателем использовалась интегрированная информационная среда “StarLing”, созданная чл.-корр. РАН С.А. Старостиным (1953–2005), а впоследствии усовершенствованная программистом Ф.С. Крыловым.

[2] Например, в “Философском энциклопедическом словаре” (1983 г., изд-во “Советская энциклопедия”) такой указатель был (хотя он и охватывал не все статьи, а лишь неподписанные, то есть анонимные), и это относится к числу достоинств ФЭС-1983.

[3] Одной звёздочкой помечены заголовки соавторских статей с неразделённым между соавторами текстом; двумя звёздочками – заголовки соавторских статей с разделённым между соавторами текстом; квадратиком в позиции верхнего индекса – соавторское участие в т.н. дополнениях к основному (авторскому) тексту; одним плюсом – заголовки статей, подвергшихся “дополнениям” постфактум.

Бабаева Е.Э. Грёнинг М., Греч Н.И., Кантемир А.Д., Поликарпов-Орлов Ф.П., Сырейщиков Е.Б., Тредиаковский В.К.

Бакланова И.И. Дискурс*, Нераспространённое предложение, Простое предложение

Баранов А.Н. Авторская фразеология*, Идиома*, Идиоматичность*, Коллокация*, Крылатые слова*, Поговорка*, Пословица*, Прикладная лингвистика, Речевые формулы*, Фразеологизм*, Фразеологические словари*, Фразеология*

Белоусов В.Н. Интерференция, Русский язык в межнациональном общении, Спряжение

Белоусова А.С. Архаизмы, Гипонимия, Гипонимы, Идеографические словари, Историзмы, Лексема, Лингвистические словари, Союзные слова, Толковые словари, Шведова Н.Ю.

Бельчиков Ю.А. Интернациональные слова, Книжная лексика, Литературный язык**, Нейтральная лексика, Общество любителей российской словесности, Окказионализмы, Олицетворение, Паронимы, Парономазия, Перифраза, Практическая стилистика, Разговорная лексика, Стилизация, Стилистика, Стиль, Тавтология, Эзопов язык, Эллипсис

Березин Ф.М. Казанская лингвистическая школа+

Березович Е.Л. Деонимизация, Этнонимия

Бернштейн С.Б. Праславянский язык

Бондарко А.В. Форма слова, Формообразование, Функциональная грамматика

Бондарко Л.В. Петербургская фонологическая школа

Бромлей С.В. Изоглосса

Брызгунова Е.А. Речевой поток

Букчина Б.З. Дефис, Пробел

Булыгина Т.В. Денотат*, Пражская лингвистическая школа, Сигнификат*, Система языковая*

Валгина Н.С. Пунктограмма

Валимова Г.В. Вопросительные предложения+, Риторический вопрос+

Ванников Ю.В. Парцелляция

Варбот Ж.Ж. Народная этимология, Табу, Этимологические словари, Этимология

Василевская Л.И. Плеоназм, Синекдоха

Васильева Н.В. Термин, Терминология лингвистическая

Вербицкая Л.А. Петербургское (ленинградское) произношение

Виноградов В.А. Дейксис, Фонология

Винокур Т.Г. Диалог, Монолог, Полилог, Синонимия, Синонимы, Штамп

Вомперский В.П. Трёх стилей теория

Вялкина Л.В. Обращение*, Частотные словари

Габучан К.В. Дополнение, Обстоятельство, Определение, Члены предложения

Гак В.Г. Лексическое значение+, Прагматика, Семантический синтаксис+, Слово

Ганиева Т.А. Нейтральные стилистические средства языка*

Гиппиус А.А.	Грамоты, Летописи
Гольдин В.Е.	Речевая культура
Граудина Л.К.	Варианты языковые, Риторика
Григорьев В.П.	Словотворчество+
Гудков В.П.	Славянские языки+
Демьянков В.З.	Вариантность языковая□, Диахрония□
Добровольский Д.О.	Авторская фразеология*, Идиома*, Идиоматичность*, Коллокация*, Крылатые слова*, Поговорка*, Пословица*, Речевые формулы*, Фразеологизм*, Фразеологические словари*, Фразеология*
Добрушина Н.Р.	Междометия□, Наклонение, Повелительное наклонение, Сослагательное наклонение
Долинина И.Б.	Переходность-непереходность*
Ермакова О.П.	Наречие$_{II\ [в\ грамматике]}$
Еськова Н.А.	Ё, Перенос слова
Живов В.М.	Аполлос, Архаисты и новаторы, Барсов А.А., Деловой язык, Иван Фёдоров, История русского литературного языка, Карамзин Н.М., Книжная справа, Книжное произношение, Ломоносов М.В., Нормализация русского литературного языка, Памятники истории русского языка, “Простой” язык, Пушкин А.С., Реформа языка Петра Первого, Сумароков А.П., Чтение по складам, Шишков А.С.
Жолобов О.Ф.	Числительное [История числительного в русском языке], Число [История категории числа в русском языке]
Жуковская Л.П.	Палеография+
Журавлёв А.Ф.	Просторечие, Славистика□, Славянские языки□
Журавлёв В.К.	Контакты языковые, Московская фортунатовская школа+
Зализняк А.А.	Берестяные грамоты+, Словоизменение, Словоформа
Занадворова А.В.	Сленг
Запольская Н.Н.	Герасимов Дмитрий, Крижанич Ю., Максим Грек
Земская Е.А.	Письменная речь, Разговорная речь, Устная речь
Золотова Г.А.	Изосемичность*, Коммуникативная грамматика*, Коммуникативный регистр речи*
Иванов В.В.	Внутренняя форма слова+, Диахрония+, Синхрония
Иванова В.Ф.	Реформы орфографии*
Иванова О.Е.	Орфографические словари
Ильенко С.Г.	Соподчинение
Иомдин Б.Л.	Семантика□
Иорданиди С.И.	Степени сравнения [История степеней сравнения в русском языке]*

Ицкович В.А. Деепричастный оборот+

Кабинина Н.В. Антропонимия, Топонимия

Кагарлицкий Ю.В. История русского языка [Новорусский период]

Кайперт Х. Адодуров В.Е., Лудольф Г.В., Шванвиц М.

Каленчук М.Л. Клитики, Орфоэпические словари, Транскрипция фонетическая, Фонетические чередования гласных, Фонетические чередования согласных

Кармакова О.Е. Диалектная лексикография

Касаткин Л.Л. Аванесов Р.И., Аканье, Акцентное выделение, Атлас диалектологический, Бернштейн С.И., Гласные и согласные звуки, Говор, Диалект, Диалектизмы, Диалектное членение русского языка, Диалектные различия, Диалектный язык, Диалектология, Еканье, Ёканье, Звуки речи, Иканье, Интонация, Карта диалектологическая, Классификация гласных звуков, Классификация согласных звуков, Лингвистическая география, Московская фонологическая школа, Московская школа лингвистической географии, Московский лингвистический кружок, Оканье, Орлова В.Г., Орфоэпические нормы, Орфоэпия, Панов М.В., Позиции фонетические и фонологические, Редукция, Реформатский А.А., Сегментные единицы, Система фонем, Слог, Слогораздел, Соканье, Состав фонем, Суперсегментные единицы, Ударение, Фонема, Фонетика, Фонетические законы, Фонетические процессы, Чередование, Яканье

Касаткина Р.Ф. Аккомодация, Ассимиляция, Аффриката, Высотский С.С., Диссимиляция

Клобуков Е.В. Атрибутивность-неатрибутивность, Род, Склонение□, Согласовательные классы

Князев Ю.П. Время, Глагол, Двувидовые глаголы, Деепричастие, Действительные причастия, Инфинитив, Настоящее время, Относительные прилагательные, Пассивная конструкция, Полупредикативность, Притяжательные прилагательные, Причастие, Причастные конструкции, Прошедшее время, Степени сравнения, Страдательные причастия, Страдательный залог

Князевская О.А. Азбука, Кириллица, Лигатура, Полуустав, Скоропись, Устав

Ковтунова И.И. Инверсия, Порядок слов, Постпозиция, Препозиция, Фраза

Копорская Е.С. Славянизмы

Котелова Н.З. Неологизмы

Кохтев Н.Н. Просторечная лексика

Кравецкий А.Г. Ильминский Н.И.

Красильникова Е.В. Адвербиализация, Парадигма, Парадигматика, Синтагматика, Число

Кривко Р.Н. Срезневский И.И.

Кривнова О.Ф. Речевой аппарат

Кронгауз М.А. Референция

Крылов С.А. Возвратные местоимения*, Вопросительно-относительные местоимения*, Денотат*, Личные местоимения*, Местоимение*, Неопределённые местоимения*, Определительные местоимения*, Отрицательные местоимения*, Притяжательные местоимения*, Сигнификат*, Система языковая*, Указательные местоимения*

Крысин Л.П. Антонимов словари, Арго, Гипербола, Жаргон, Жаргонной лексики словари, Заимствование, Иностранных слов словари, Калька, Канцеляризмы, Карцевский С.И., Койне, Коннотация, Крушевский Н.В., Ларин Б.А., Лексика□, Лексическая семантика, Литота, Мейозис, Научный стиль, Неологизмов словари, Ожегов С.И., Омонимов словари, Официально-деловой стиль, Паремия, Паронимов словари, Поливанов Е.Д., Правильности русской речи и трудностей русского языка словари, Профессионализмы, Публицистический стиль, Родо-видовые отношения между словами, Синонимов словари, Тематические группы лексики, Ушаков Д.Н., Церковно-религиозный стиль, Шмелёв Д.Н., Язык и общество

Крысько В.Б. Будущее время [История будущего времени в русском языке], Винительный падеж [История винительного падежа в русском языке], Возвратные глаголы [История возвратных глаголов в русском языке], Дательный падеж [История дательного падежа в русском языке], Древнерусский язык*, Залог [История категории залога в русском языке], Звательная форма, Именительный падеж [Особенности употребления именительного падежа в истории русского языка]*, Инфинитив [История инфинитива в русском языке], Исторические словари, История русского языка [до 17 в.]*, Местный падеж, Настоящее время [История настоящего времени в русском языке], Одушевлённость-неодушевлённость [История категории одушевлённости-неодушевлённости в русском языке], Переходность-непереходность [История категории переходности-непереходности в русском языке], Повелительное наклонение [История повелительного наклонения в русском языке], Причастие [История причастий в русском языке], Род [История категории рода в русском языке], Родительный падеж [История родительного падежа в русском языке], Склонение [История именного склонения в русском языке], Славистика□, Сослагательное наклонение [История], Степени сравнения [История степеней сравнения в русском языке]*, Супин, Творительный падеж [История творительного падежа в русском языке]

Кубрякова Е.С. Деривация, Конверсия$_{II.}$ [$_{в\ словообразовании}$], Морфонология

Кузнецов А.М. Местоимение [История местоимений в русском языке], Прилагательное [История прилагательных в русском языке]

Кузнецова Л.Н. Сценическая речь

Кузьмина С.М. Графика, Орфограмма, Орфография

Кустова Г.И. Винительный падеж, Вопросительные предложения□, Грамматика**, Дательный падеж, Именительный падеж, Инфинитивное предложение, Классификация русской лексики, Падеж, Полисемия, Предикативы□, Предложный падеж, Родительный падеж, Семантические словари и базы данных, Творительный падеж

Лазуткина Е.М. Восклицательные предложения, Диатеза, Обобщающее слово, Объект, Однородные члены предложения, Распространённое предложение, Субъект

Лаптева О.А. Книжная речь, Литературный язык**, Узус, Устная публичная речь

Лебедева Л.И. Аллегория, Аллитерация, Аллюзия, Ассонанс

Левинтон Г.А. ОПОЯЗ

Левонтина И.Б. Московская семантическая школа, Языковая картина мира

Лейчик В.М. Терминологические словари*, Терминология*

Леонтьев А.А. Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании$^{+}$

Лопатин В.В. Аббревиатура, Аффикс, Аффиксоид, Беглые гласные, Грамматика [черты синтетического и аналитического строя в русском языке]*, Грамматикализация, Грамматическая категория, Грамматическая форма, Грамматические единицы, Имя, Лексикализация, Морф, Морфема, Морфемика, Нарицательные существительные, Неизменяемые слова, Несклоняемые существительные, Одушевлённость-неодушевлённость, Опрощение, Перенос слова, Переразложение, Постфикс, “Правила русской орфографии и пунктуации”, Приставка, Продуктивность, Разносклоняемые существительные, Словообразование, Сложносоставные слова, Собственные существительные, Соединительная морфема, Сращение, Супплетивизм, Суффикс, Существительное, Транспозиция, Универбация, Числительное

Лопатина Л.Е. Побудительные предложения, Синтаксическая конструкция, Словосочетание

Ляпон М.В. Вводное предложение, Вводные слова, Вставная конструкция, Предлог, Слова-предложения, Союз

Мечковская Н.Б. Зизаний Лаврентий, Мелетий Смотрицкий

Михайлова М.С. Грамматические словари, Обратные словари, Приложение, Словообразовательные словари

Молдован А.М. Бодянский О.М., Глаголица, Даль В.И., Живов В.М., Журналы лингвистические по русскому языку, Зело, “И” десятеричное, Ижица, Каринский Н.М., Карский Е.Ф., Кси, Научно-исследовательские учреждения по русистике, Омега, Памятники истории русского языка, Пси, Соболевский А.И., Трубачёв О.Н., Фита, Церковнославянский язык, Юс, Ять

Мораховская О.Н. Московская диалектологическая комиссия

Немировский Е.Л. Книгопечатание

Николаева Т.М. Высказывание

Николина Н.А. Богородицкий В.А., Бодуэн де Куртенэ И.А., Буслаев Ф.И., Виноградов В.В., Винокур Г.О., Востоков А.Х., Грот Я.К., Ильинский Г.А., Павский Г.П., Петерсон М.Н., Потебня А.А., Селищев А.М., Щерба Л.В., Якобсон Р.О., Янко-Триницкая Н.А.

Новиков Л.А. Антонимия, Антонимы, Конверсия$_{\text{I. [в лексике и грамматике]}}$, Контраст, Поэтический язык

Одинцов В.В. Антитеза, Сравнение

Онипенко Н.К. Возвратные местоимения*, Вопросительно-относительные местоимения*, Детерминант, Изосемичность*, Коммуникативная грамматика*, Коммуникативный регистр речи*, Личные местоимения*, Местоимение*, Неопределённые местоимения*, Определительные местоимения*, Отрицательные местоимения*, Притяжательные местоимения*, Указательные местоимения*

Падучева Е.В. Абзац, Анафорическое отношение, Отрицание, Отрицательные слова, Пресуппозиция, Ситуация, Ситуация речевая, Суждение

Пахомов В.М. Исаченко А.В., Кипарский В.Ю.А.

Петрова З.Ю. Григорьев В.П.

Петрухин П.В. Вид [История категории вида в русском языке]*, Дурново Н.Н., Прошедшее время [История прошедшего времени в русском языке]

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в Древней Руси

Плотникова (Робинсон) В.А.	Морфология, Предикативы+, Склонение+, Части речи
Подольская Н.В.	Апеллятив
Попов М.Б.	Древнерусский язык*, История русского языка [до 17 в.]*, Палатализация, Полногласие и неполногласие, Редуцированные, Редуцированные гласные
Прияткина А.Ф.	Пояснение, Сравнительный оборот
Пшеничнова Н.Н.	Диалектологический атлас русского языка, Наречие$_{I.}$
Ревзина О.Г.	Контекст, Период
Резникова Т.И.	Корпусы русского языка
Рощина Ю.В.	Несклоняемые прилагательные
Рут М.Э.	Имя собственное, Ономастика
Савинов Д.М.	Брок О., Кошутич Р., Сидоров В.Н., Цоканье, Чернышёв В.И.
Сазонова И.К.	Адъективация, Двуязычные словари, Нейтральные стилистические средства языка*, Переносное значение слова, Причастный оборот, Субстантивация, Энциклопедические словари
Санников В.З.	Сочинение
Светозарова Н.Д.	Синтагма
Сидорова М.Ю.	Прилагательное
Силина В.Б.	Вид [История категории вида в русском языке]*
Сиротинина О.Б.	Речевая культура
Сичинава Д.В.	Берестяные грамоты□, Зализняк А.А., Истрин В.М., Казанская лингвистическая школа□, Корш Ф.Е., Мещерский Н.А., Обнорский С.П., Ревзин И.И., Ружичка Р.Э.А., Топоров В.Н., Фасмер М.Ю.Ф.
Скворцов Л.И.	Пуризм, Словоупотребление
Скребнев Ю.М.	Ирония, Троп, Фигуры речи, Эпитет
Солнцев В.М.	Вариантность языковая+, Единицы языка+, Уровни языка+
Степанов Ю.С.	Семантика*+, Язык художественной литературы
Стойнова Н.М.	Будущее время
Суперанская А.В.	Транслитерация
Супрун А.Е.	Палеославистика+
Телия В.Н.	Номинация, Экспрессивность
Тимофеева Г.Г.	Реформы орфографии*
Тихонов А.Н.	Звукоподражательные слова, Имперфективация+, Качественные прилагательные+, Корень+, Одновидовые глаголы, Перфективация, Родственные слова, Словообразовательное гнездо, Состав слова+, Формант+
Толстой Н.И.	Старославянский язык+
Трошева Т.Б.	Описание, Повествование, Рассуждение, Функционально-смысловые типы речи
Турилов А.А.	“Второе южнославянское влияние”, Кирилл и Мефодий, Старославянский язык□

Улуханов И.С. Безличные глаголы, Возвратные глаголы, Вспомогательный глагол, Глаголы движения, Грамматика [черты синтетического и аналитического строя в русском языке]*, Залог, Лицо, Окончание, Основа, Разноспрягаемые глаголы, Словообразование*, Словообразовательная мотивация, Сложное слово, Способы глагольного действия, Шахматов А.А.

Фатеева Н.А. Григорьев В.П., Интертекстуальность

Федосюк М.Ю. Активная конструкция, Актуальное членение предложения**, Безличное предложение□, Бессоюзное сложное предложение, Дискурс*, Имплицитное содержание, Координация, Номинативное предложение□, Обобщённо-личное предложение□, Обособление, Обращение*, Определённо-личное предложение□, Осложнённое предложение, Повествовательные предложения, Подлежащее, Подчинение, Предикативность, Предложение, Примыкание□, Пропозиция, Связка, Сказуемое, Сложноподчинённое предложение, Сложносочинённое предложение, Смысловая организация предложения, Согласование, Текст, Управление

Формановская Н.И. Речевой этикет

Хутерер А. Паус И.В.

Цейтлин Р.М. Лексикон

Цумарев А.Э. Помета

Чельцова Л.К. Прописная буква

Шварцкопф Б.С. Вопросительный знак, Восклицательный знак, Двоеточие, Запятая, Знаки препинания, Кавычки, Многоточие, Пунктуация+, Скобки, Тире, Точка, Точка с запятой

Шведова Н.Ю. Междометия+

Швейцер А.Д. Социолингвистика+

Шелов С.Д. Терминологические словари*, Терминология*

Шелякин М.А. Аспектология, Аспектуальность, Вид, Несовершенный вид, Совершенный вид

Шестакова Л.Л. Левин В.Д., Языка писателя словари

Шимчук Э.Г. Ассоциативные словари, Лексикография, Языка жестов словари

Ширяев Е.Н. Безличное предложение+, Двусоставное предложение, Косвенная речь, Неопределённо-личное предложение+, Неполное предложение, Несобственно-прямая речь, Номинативное предложение+, Обобщённо-личное предложение+, Односоставное предложение+, Определённо-личное предложение+, Полное предложение, Примыкание+, Прямая речь, Синтаксис+, Чужая речь

Шмелёв А.Д. Звуковой повтор, Иносказание, Каламбур, Культура речи, Норма, Энантиосемия, Эпистолярный стиль, Языковая игра

Шмелёв Д.Н. Лексика+, Лексикология+, Омонимия+, Омонимы, Семантика*+

Шмелёва Т.В. Метатекст, Модальность, Структурная схема предложения

Шувалова С.А. Сложное предложение

Шумарин С.И. Евгеньева А.П., Томашевский Б.В., Филин Ф.П., Шапиро А.Б.

Щур М.Г. Частицы

Яжинова У.А.	Именительный падеж [Особенности употребления именительного падежа в истории русского языка]*
Янко Т.Е.	Актуальное членение предложения**
[аноним01]	Борковский В.И.
[аноним02]	Булаховский Л.А.
[аноним03]	Гражданский шрифт
[аноним04]	Граффити
[аноним05]	Кузнецов П.С.
[аноним06]	Маслов Ю.С.
[аноним07]	Пешковский А.М.
[аноним08]	Псевдонимы
[аноним09]	Тезаурус
[аноним10]	Толстой Н.И.
[аноним11]	Трубецкой Н.С.
[аноним12]	Фортунатов Ф.Ф.
[аноним13]	Хабургаев Г.А.
[аноним14]	Щепкин В.Н.
[аноним15]	Якубинский Л.П.
[редколлегия]	Палеография□

С. А. Крылов
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
info@ivran.ru

Дата поступления материала в редакцию: 18 ноября 2020 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Serguey A. Krylov
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia
info@ivran.ru

Received by Editor on November 18, 2020
Date of publication April 30, 2021

Для цитирования: *Крылов С.А.* Указатель авторов словарных статей к третьему изданию энциклопедии “Русский язык” (М., 2020) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 98–106. **DOI:** 10.31857/S241377150014559-7.

For citation: Krylov, S.A. *Ukazatel avtorov slovarnyh statej k tretjemu izdaniyu enciklopedii “Russkij yazyk” (M., 2020)* [The Contributors Index to the 3rd edition of “The Russian Language” Encyclopedia]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 98–106. (In Russ.) **DOI:** 10.31857/S241377150014559-7.

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 107–115

ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ

DOI: 10.31857/S241377150014560-9

XXII Международная конференция SPECOM-2020 “Речь и компьютер”

The 22nd International Conference SPECOM-2020 “Speech and Computer”

7–9 октября 2020 г. состоялась 22-я Международная конференция “Речь и компьютер” SPECOM-2020 (The 22nd International Conference on Speech and Computer, www.specom.nw.ru/2020), которая была впервые проведена как телеконференция в онлайн-формате на базе Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИРАН), являющегося с 2020 г. обособленным структурным подразделением ФГБУН “Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук” (СПб ФИЦ РАН). Конференция, как всегда, проходила при поддержке Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ).

Международная конференция “Речь и компьютер” (“Speech and Computer”) проводится практически ежегодно, начиная с 1996 г. Первая конференция SPECOM была организована в Санкт-Петербурге 28–31 октября 1996 г. совместно д.т.н. Ю.А. Косаревым (СПИИРАН) и д.ф.н. Р.Г. Пиотровским (РГПУ им. Герцена) и проходила под общим председательством д.т.н., чл.-корр. РАН Р.М. Юсупова (СПИИРАН). С тех пор она семь раз проводилась в Санкт-Петербурге и четыре раза в Москве, при этом с 1998 г. конференция организуется совместно СПИИРАН (СПб ФИЦ РАН) и МГЛУ. На территории России последний раз SPECOM проводилась под руководством МГЛУ в Казани в 2011 г. [1], а в Санкт-Петербурге – в 2009 г. Все последние годы SPECOM была организована за рубежом (2013 г. – г. Пльзень, Чехия; 2014 г. – г. Нови Сад, Сербия; 2015 г. – г. Афины, Греция; 2016 г. – г. Будапешт, Венгрия; 2017 г. – г. Хатфилд, Великобритания; 2018 г. – г. Лейпциг, Германия и 2019 – г. Стамбул, Турция), став по-настоящему крупной международной конференцией, на которой освещаются ключевые междисциплинарные проблемы речевых технологий и исследований естественного языка и речи. Каждый год на конференции собираются сотни ведущих ученых со всего мира, включая специалистов в области компьютерных технологий, математических, прикладных и полевых лингвистических исследований. Всю эту информацию можно найти на интернет-сайте серии Международных конференций SPECOM – http://www.specom.nw.ru

С 2020 г. конференция SPECOM включена в Международный перечень топ-конференций в области информатики (Computer Science, http://www.guide2research.com/conference/specom-2020-22nd-international-conference-on-speech-and-computer). В настоящее время SPECOM является первой и единственной Международной конференцией с российскими корнями, включенной в данный перечень топ-конференций, по результатам анализа 5-летней публикационной активности и цитируемости статей.

Организаторами 22-й Международной конференции “Речь и компьютер” SPECOM-2020 традиционно выступили СПИИРАН (Санкт-Петербург) и МГЛУ (Москва). Генеральными председателями конференции SPECOM-2020 были д.т.н. А.А. Карпов и д.ф.н. Р.К. Потапова. Научное мероприятие было официально поддержано Международной ассоциацией по речевой коммуникации ISCA. Конференция проходила одновременно с 5-й Международной конференцией по интерактивной коллаборативной робототехнике ICR-2020, которая последние годы неизменно является сателлитным мероприятием в рамках SPECOM.

В 2020 г. SPECOM впервые была проведена полностью в онлайн формате с использованием интернет-сервиса Zoom и открытыми трансляциями в YouTube. Мероприятие собрало более 300 дистанционных участников, всего были представлены в форме интерактивных или видеопрезентаций 100 научных докладов на английском языке, выбранных по результатам строгого экспертного “слепого” рецензирования из 160 поданных авторами

из 20 стран мира полных статей (объемом от 8 до 12 стр.). Наибольшее число докладов было представлено авторами из России, Чехии, Германии, Франции и Турции.

Спонсорами конференции выступили корпорация Huawei (генеральный спонсор) и компания “АСМ Решения”; конференция была поддержана также Международной ассоциацией по речевой коммуникации ISCA, Конгрессно-выставочным бюро при Правительстве Санкт-Петербурга и профессиональным организатором конференций “Мономакс”.

На конференции SPECOM/ICR-2020 были представлены три ключевых доклада, авторами которых являлись приглашенные ведущие специалисты из университетов и промышленных компаний.

Исабэль Транкосо (Isabel Trancoso, профессор Лиссабонского университета и института INESC-ID, Португалия, президент Международной ассоциации по речевой коммуникации ISCA) представила доклад на тему **“Обработка речи для медицинских приложений”** (Profiling Speech for Clinical Applications). В своем докладе она осветила крайне актуальную в настоящее время тематику – комплексный анализ речи для задач клинической медицины, в том числе: автоматизированное выявление речевых и языковых нарушений у детей и взрослых людей, определение нейродегенеративных заболеваний диктора, детектирование респираторных заболеваний по голосу, анализ кашля и возможности детектирования вирусных инфекций (в том числе и COVID-19) по голосу и звуковым сигналам.

Ильшат Мамаев (Ilshat Mamaev, старший научный сотрудник Технологического института Карлсруэ, Германия) выступил с докладом на тему **“Концепция пространства коллаборации человека и робота с использованием сенсоров близости”** (A Concept for a Human-Robot Collaboration Workspace using Proximity Sensors). В своем докладе он представил современные разработки в области человеко-машинных интерфейсов, включая взаимодействие человека-пользователя и роботов применительно к интерактивной коллаборативной робототехнике, в которой робот и человек совместно выполняют общие практические задачи для достижения общей цели.

Научные сотрудники китайской промышленной корпорации Huawei Алексей Петровский, Сергей Банкевич и Евгений Шуранов из Российского исследовательского центра Huawei (Москва и Санкт-Петербург) представили доклад на тему **“Технологии Huawei для улучшения качества, обработки и синтеза речи”** (Huawei’s Speech Enhancement, Processing and Synthesis Pipeline on Devices). В их совместном докладе были освещены современные достижения, разработки и технологии в области цифровой обработки аудиосигналов, автоматического распознавания и компьютерного синтеза речи по тексту, полученные Huawei, а также актуальные научно-технические проблемы и задачи, стоящие в настоящий момент в области речевых технологий.

Труды SPECOM-2020 были опубликованы до начала конференции издательством Springer Nature в серийном издании Lecture Notes in Computer Science (том 12335, https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-60276-5), которое индексируется Международными базами данных Scopus (входит в квартиль Q2) и Web of Science.

В ходе конференции проходили англоязычные устные сессии, включающие полные доклады (до 20 мин.) и короткие доклады (до 10 мин.), по следующим научным направлениям конференции:

1) Автоматическое распознавание речи (Automatic Speech Recognition) – представлены 6 полных докладов авторами из Германии, Чехии и России, в том числе СПИИРАН.

2) Голосовая биометрия (Voice Biometrics) – представлены 6 коротких докладов авторами из Чехии, Турции, Индии и России, в том числе СПИИРАН и МГЛУ.

3) Компьютерная паралингвистика (Computational Paralinguistics) – представлены 6 полных докладов авторами из Франции, Венгрии, Швеции, Турции и России, в том числе ИПУ РАН.

4) Обработка разговорного языка (Spoken Language Processing) – представлены 6 полных и 9 коротких докладов в двух секциях авторами из Франции, Германии, Великобритании, Дании, Чехии, Словакии и России, в том числе СПбГУ, РГПУ, СПИИРАН и др.

5) Цифровая обработка речи и аудиосигналов (Speech and Audio Signal Processing) – представлены 4 полных доклада авторами из США, Беларуси, Бангладеш и России, в том числе ИТМО.

6) Речевые и языковые ресурсы (Speech and Language Resources) – представлены 6 полных и 9 коротких докладов в двух секциях авторами из Болгарии, Нидерландов, Израиля, Чехии, Турции, Алжира и России, в том числе МГЛУ, МГУ, СПбГУ, КФУ и др.

7) Обработка естественного языка (Natural Language Processing) – представлены 6 полных и 7 коротких докладов в двух секциях авторами из Чехии, Великобритании, Узбекистана, Казахстана и России, в том числе МГЛУ, ИТМО, СПбГУ, ВШЭ, ФИЦ ИУ РАН, СПИИРАН и др.

Были представлены доклады, посвящённые междисциплинарным направлениям, объединяющим лингвистику, информатику, психологию, нейрофизиологию, в частности проблемам многоканального восприятия поликодового информационного контента, его воздействия на нервную систему человека в условиях современной интернет-коммуникации. Как отметили в своём сообщении исследователи из Тюменского государственного университета А. Черняев и др., за последние 15 лет Интернет стал одним из основных источников разноплановой информации для пользователей глобальной сети. Совсем недавно социальные сети и сетевые сервисы (Twitter, ВКонтакте, Facebook и др.), завоевавшие огромную популярность, повлияли на возникновение новых агрегатов и даже целой области в журналистике. В то же время, как показали междисциплинарные экспериментальные исследования коллектива под руководством Р.К. Потаповой при участии группы учёных из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН в рамках выполнения проекта РНФ 18-18-00477 (Р.К. Потапова, В.В. Потапов, Н.Н. Лебедева и др. **“Влияние мультимодального поликодового интернет-контента на активность человеческого мозга”** – “The Influence of Multimodal Polycode Internet Content on Human Brain Activity”), способность человеческого мозга воспринимать, структурировать и перерабатывать информацию не безгранична, и, более того, именно поликодовый характер этой информации в сочетании с разноканальным восприятием, характерным для современной информационной среды, фактически вплотную приблизил воздействие информационного потока к пределу выносливости нервной системы, что несёт непосредственную угрозу популяционному психофизиологическому благополучию пользователей информационно-коммуникационных технологий и в частности Интернета, которые на текущий момент составляют большинство населения, в силу чего валеологическая составляющая исследования коммуникации в наши дни выдвигается на первый план.

Доклад Р.К. Потаповой (Москва, МГЛУ) и В.В. Потапова (Москва, МГУ им. Ломоносова) **“Сравнительное исследование когнитивных и нейрофизиологических реакций на кодовые модификации Интернет-информации”** – “Some Comparative Cognitive and Neurophysiological Reactions to Code-Modified Internet Information” (исследование проводилось при поддержке РНФ, грант 18-18-00477) содержал абсолютно новый подход к анализу особенностей реакции пользователей Интернета на выявление семантического фокуса (ремы) поступающей монокодовой (аудиосигнала) и поликодовой информации Интернета. В докладе представлены результаты двух экспериментов:

а) соотносящихся с когнитивными аспектами ментальной обработки моно- и поликодовых стимулов Интернета;

б) нейрофизиологическими реакциями на те же стимулы, предъявляемые испытуемым.

Была сформулирована гипотеза, согласно которой основой для выявления гипотетической зависимости когнитивной реакции на реализацию семантического фокуса (ремы) и нейрофизиологического “отклика” на факт реакции испытуемого на обнаружение того же интернет-стимула в предъявляемых моно- и поликодовых сигналах является разработка специального тестового опросника и применение полиграфического инструментария, фиксирующего нейрофизиологические реакции испытуемых в момент когнитивной фиксации семантического фокуса (ремы) на материале тестируемых моно- и поликодовых стимулов. Основой для тестирования послужили ad-hoc фразы, содержащие определенные виды тема-рематического членения и локализации семантического фокуса. В данном поисковом исследовании приняли участие 24 испытуемых одного возрастного ценза и обоего пола с одинаковыми временными показателями использования Интернета.

Результаты эксперимента, нацеленного на наличие сходств и различий в когнитивной оценке локализации семантического фокуса для двух видов моносигналов и одного вида полисигнала, показали особый сдвиг в когнитивной

расшифровке для моноаудиостимула относительно максимального числа ошибочных оценок локализации семантического фокуса только на основе ориентации аудиостимула. Опора на тот же тестируемый материал применительно к эксперименту, проведенному с помощью использования всех возможностей полиграфа (например, физиологических показателей кожно-гальванической реакции, плетизмографических показателей, ЭКГ, регистрации дыхания грудного и диафрагмального типа, двигательной активности корпуса тела и др.), показала наличие корреляции между когнитивными и нейрофизиологическими реакциями на семантический фокус воспринимаемого стимула (в 70% показатели реакций совпадают). Данный вывод соотносится с видом предъявляемых стимулов, позволяющих в дальнейшем учесть влияние кодовой неоднородности стимулом на изменение семантической оценки воспринимаемого материала. Таким образом, прослеживается симультанность в реакции испытуемых на распознавание семантического фокуса моно- и поликодовых сигналов с охватом как ментально-когнитивных, так и нейрофизиологических параметров.

В докладе исследователей из СПбГУ Е. Разубаевой и А. Степихова (**“Истинно спонтанная vs ложно спонтанная речь: в поисках различий”** – “Genuine Spontaneous vs Fake Spontaneous Speech: In Search of Distinction”) освещалась актуальная в последние годы проблема: различие между истинной и имитированной спонтанной речью, что приобрело особое значение в связи с распространением дистанционной коммуникации, в том числе и в тех ситуациях, когда ранее это считалось невозможным (принятие важных решений с большой ценой риска и т.п.). Было показано, что, вопреки распространённому мнению, профессиональные навыки имитации речи, например, наличие актёрского и/или лингвистического образования, лишь немного увеличивают вероятность как успешного воспроизведения речевого контента, так и распознавания имитированной речи (отличия её от истинной спонтанной), что имеет существенное значение для экспертной криминалистической практики.

Такие явления, как хезитация, редукция, неполные формы произнесения, характерные для истинной спонтанной речи, были также подробно рассмотрены в сообщении М. Дайтер и Е. Риехакайнен (СПбГУ) “**Автоматическое прогнозирование редукции словоформ в русской спонтанной речи”** – “Automatic Prediction of Word Form Reduction in Russian Spontaneous Speech”. В данном докладе дается определение основных характеристик словоформ, которые подвергаются редукции в русской спонтанной речи с помощью алгоритмов машинного обучения. Рассматриваются факторы, предложенные в предыдущих корпусных исследованиях, а именно количество слогов, частота встречаемости слов, часть речи, редукция предыдущего слова. В качестве данных использовались тексты, взятые из Корпуса устной русской речи. Применены следующие машинные алгоритмы: сверхслучайное древо, алгоритм случайного леса и логическая регрессия. Результаты показывают, что чем выше встречаемость словоформы, тем выше шансы, что она будет редуцирована. Целью исследования было изучение гипотезы о лингвистических факторах, влияющих на редукцию словоформ русской спонтанной речи, с использованием машинных алгоритмов. Дальнейшие исследования в этой области могут включать в себя, помимо уже упомянутого тестирования обсуждаемых алгоритмов на больших базах данных, использование способа опорных векторов и перцептронных алгоритмов.

В докладе **“Чтение по губам с помощью LipsID”** – “Lipreading with LipsID” (авторы: М. Хлавач, И. Грубер, М. Железны и А. Карпов; Университет восточной Богемии, Пльзень, Чехия; NTIS, Пльзень, Чехия; Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН SPIIRAS, Санкт-Петербург, Россия) представлен подход к адаптации существующих систем визуального распознавания речи. Методика адаптации основана на функциях LipsID. Эти особенности представляют собой обработанную область ROI губ. Признаки извлекаются в задаче классификации нейронной сетью, предварительно обученной на наборе данных, специфичном для системы чтения по губам, используемой для визуального распознавания речи. Процедура обучения для LipsID реализует потерю ArcFace для разделения разных говорящих в наборе данных и предоставления отличительных характеристик для каждого из них. Сеть использует сверхточные слои для извлечения функций из входных последовательностей изображений говорящих и предназначена для получения тех же входных данных, что и система чтения по губам.

Параллельная обработка входной последовательности сетью LipsID и сетью чтения по губам сопровождается комбинацией обоих наборов функций и окончательным распознаванием механизмом временной классификации Connectionist (CTC).

В этом докладе представлены результаты экспериментов с сетью LipNet путем повторной реализации системы и сравнения ее с функциями LipsID и без них. Результаты показывают многообещающий путь для будущих экспериментов и других систем. В процессе обучения и тестирования нейронных сетей, используемых в данной работе, применяются реализации Tensorflow.

В докладе **“Концептуальные операции с семантикой для робота-компаньона”** – “Conceptual Operations with Semantics for a Companion Robot” (А. Котов, Л. Зайдельман, А. Зинина и др.; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Национальный исследовательский центр “Курчатовский институт”, Москва, Россия; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия) представлены особенности, важные для концептуальной обработки роботов-компаньонов. Предлагается практическая реализация когнитивной архитектуры, которая поддерживает эти функции при работе с настоящим роботом-компаньоном F-2. Робот разработан, чтобы реагировать на входящие речевые и визуальные события, направлять человека в проблемное пространство и накапливать знания из текстов и событий в памяти для дальнейшей поддержки диалога. Предлагается концептуальное представление, основанное на структурах лингвистической валентности (семантическое предсказание), которое подходит для связи компонентов обработки. Общая архитектура обработки основана на производственном подходе: она может запускать несколько сценариев и объединять речевые и поведенческие выходы этих сценариев на роботе. Система выполняет концептуальные операции с семантикой при обработке текстов на сервере в автономном режиме или при управлении роботом в режиме диалога, а также при помощи пользователю в решении головоломки Tangram.

В докладе “**Задачи распределения в многоагентной роботизированной системе взаимодействия человек–робот”** – “Distributing Tasks in Multi-agent Robotic System for Human–Robot Interaction Applications” (Р. Галин, Р. Мещеряков, С. Камешева; Институт проблем управления РАН, Москва, Россия) указывается на то, что взаимодействие “робот–человек” становится актуальным трендом в робототехнике и наблюдается в различных ситуациях. Данная исследовательская работа описывает взаимодействие человека и коллаборативных роботов за пределами традиционных парадигм для роботов в общем рабочем пространстве. Это исследование показывает, что человек и роботы распределяют задачи в совместном взаимодействии многоагентной робототехнической системы. В рамках научно-исследовательской работы проанализированы различные методы распределения задач на глобальном и локальном уровнях в многоагентной робототехнической системе. Рассмотрены характеристики алгоритмов распределения задач. В качестве примера представлен роевой алгоритм частиц для распределения задач.

Перспектива исследования взаимодействия человека и робота заключается в получении синергетического эффекта от совместного процесса. Создание условий для взаимодействия человека и робота обеспечит эффективность и продуктивность технологических процессов за счет разделения задач и автоматизации операций. Роботы станут интерактивными и интеллектуальными, а люди будут адаптированы к жизни, в которой робот является неотъемлемой частью.

В докладе “**Автоматизированное составление словаря корпусов текстов и вычисление степени конкретности русского языка”** – “Automated Compilation of a Corpus-Based Dictionary and Computing Concreteness Ratings of Russian” (В. Соловьев и В. Иванов; Казанский федеральный университет) представлен новый метод, реализованный авторами для создания словарей конкретных / абстрактных слов русского языка. Метод, основанный на предварительно подготовленных вложениях слов, вычисляет ранжирование конкретности, определяемое как функция сходства между векторами слов и расстоянием между рассматриваемым словом и “смыслом” конкретных / абстрактных слов. Реализация метода повлекла за собой создание русского словаря конкретности / абстрактности с оценками конкретности. Контекстная информация, кодируемая вложениями слов, полезна для ранжирования слов по их конкретности.

Полученные рейтинги С/А значительно коррелируют с оценками экспертов-людей.

Интерес к двойственному понятию конкретности / абстрактности, заметно возросший в последнее время, требует разработки таких инструментов, как специализированные словари для его изучения и использования. Создание словарей, содержащих для каждого слова индекс его конкретности / абстрактности, – очень трудоемкая задача. До недавнего времени таких словарей для русского языка не существовало. В статье описан подход, позволяющий быстро и автоматически создавать качественные словари конкретности / абстрактности. Словарь, созданный этим способом для русского языка, имеет коэффициент корреляции Спирмена со словарем, созданным вручную на основе опроса респондентов, равный 0,78.

В докладе **“Legal Tech: Метод валидации документов на основе ассоциативно-онтологического подхода”** – “Legal Tech: Documents’ Validation Method Based on the Associative-Ontological Approach” (С. Кулешов, А. Зайцева и К. Ненаушников; Санкт-Петербург, Федеральный исследовательский центр РАН) указывается на то, что направление Legal Tech активно развивается, позволяя автоматизировать различные юридические задачи, решаемые как профессиональными юристами, так и рядовыми (обычными) пользователями. В связи с особенностями юридических документов в разработке Legal Tech широко используются технологии обработки естественного языка (NLP). Одной из задач в Legal Tech, решение которой необходимо как профессионалам, так и непрофессионалам, является валидация текстов документов, в том числе определенная проверка на наличие в них обязательных структурных элементов. В данной статье рассматривается реализация метода и алгоритма валидации, основанной на машинном обучении и использующей ассоциативно-онтологическое представление текста, документов под названием “Согласие на обработку персональных данных” в русскоязычной юридической практике. Такая валидация происходит путем проверки документов через набор правил, при этом каждое правило описывает структурные элементы документов. Ассоциативно-онтологическое представление текста делает такие правила понятными для человека, упрощает их корректировку и доработку в соответствии с меняющимися нормами законодательства. Результаты экспериментальной верификации предложенного алгоритма на множестве текстов реальных правовых документов показывают его эффективность при применении в системах Legal Tech.

Юридическое сообщество в настоящее время не готово к внедрению автоматических моделей принятия решений и систем вывода для формирования законопроектов. Отсутствие развитых правовых систем использования роботов и сильное влияние этической составляющей в законотворчестве обусловили данную проблему.

Автоматизация должна быть подчинена рутинным задачам, стоящим перед юридическим сообществом: локальное корректирование на предмет ошибок и несоответствий в документах, поиск коллизий с законами или прецедентами, антикоррупционная экспертиза и др.

Многие этапы работы с документацией остаются прерогативой экспертного ручного труда, так как они требуют комплексного и творческого подхода, но некоторая рутина может быть автоматизирована.

Вместо узкоспециализированных решений был предложен подход, основанный на преобразовании опыта специалиста в систему логических правил. Разработаны принципы создания системы, выполняющей автоматическую валидацию юридических документов, в том числе метод и алгоритм валидации документов на основе правил. Сформирован набор документов для проверки работоспособности разработанных алгоритмов для каждого из обязательных и опциональных разделов, разработан прототип системы валидации документов, содержащих согласие на обработку персональных данных. Также сформирован набор автоматически генерируемых правил с помощью машинного обучения.

Экспериментальная верификация показала применимость ассоциативно-онтологического подхода к проблеме идентификации и валидации структурных элементов в юридических документах, содержащих согласие на обработку персональных данных. Наибольшая точность идентификации была получена на структурных элементах с меньшей изменчивостью текста и с конкретными терминами (например, в структурном элементе “Биометрические персональные данные”). В некоторых структурных элементах, в связи с высокой изменчивостью

текста в разных типах документов, потребовалась ручная корректировка созданных правил.

В докладе “**Выявление слухов в российских твитах**” – “A Rumor Detection in Russian Tweets” (А. Черняев, А. Спрысков, А. Ивашко, Ю. Быдуля; Тюменский университет, Тюмень, Россия) исследуется проблема обнаружения слухов в российских твитах. Для проведения эксперимента была собрана база данных, представленная сообщениями в Twitter на русском языке. Было отобрано определенное количество характеристик данного явления, что послужило основой для обучения нейронной сети на материале примерно 3000 твитов, собранных и проаннотированных в процессе исследования. 40% образцов этой коллекции содержат в себе слухи о трех событиях. Для выявления слухов в твитах было разработано специальное программное обеспечение. Авторы использовали SVM, чтобы отфильтровать твиты по типу речевого акта. Эксперимент был проведен, чтобы проверить твит на наличие в нем вымысла с учетом оценок точности, определенности и повторного вызова. Величина F1 достигла значения 0.91.

Для сбора и анализа данных использовалась программа Mozdeh, поддерживающая такие функции, как поиск и получение данных о твитах, а также позволяющая анализировать текст и работать с различными языками, в том числе и с русским. Таким образом, база данных была сформирована благодаря использованию программы Mozdeh и официальной библиотеки Twitter. В ходе сбора данных было собрано и проаннотировано 3026 сообщений на русском языке, посвященных трем событиям, произошедшим в 2018 г. 1196 (40%) были достоверными, 1830 (60%) – нет. По результатам этого исследования было разработано программное обеспечение для выявления слухов в сообщениях русскоговорящего сегмента социальной сети Twitter. В исследуемой базе данных точность выявления отсутствия истинной информации, то есть непроверенного слуха, определяется в рамках 92%.

Доклад “**Оценка распределенных алгоритмов отказоустойчивого управления в группах роботов**” – “Distributed Methods for Autonomous Robot Groups Fault-Tolerant Management” (Э. Мельник, А. Клименко и И. Сафроненкова; Федеральный исследовательский центр Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону; Научно-исследовательский институт многопроцессорных вычислительных систем Южного федерального университета, Таганрог, Россия) посвящен проблеме отказоустойчивого управления в группах автономных и мобильных роботов. Эта проблема актуальна в связи с частым использованием групп роботов и отсутствием механизмов обнаружения ошибок отказоустойчивого робота и восстановления миссии. Были разработаны и представлены некоторые алгоритмы, основанные на протоколе репликации ViewStamped (с распределенным лидером) и на принципах консенсуса без лидера. Описана процедура анализа контекстной информации и конкретная процедура избрания лидера. Кроме того, разработаны алгоритмы без лидера с учетом динамического расположения групп роботов. Разработаны модели оценки эффективности алгоритмов с учётом коммуникационных накладных расходов и приведены отдельные результаты моделирования.

В настоящем докладе были представлены и приблизительно оценены два алгоритма: алгоритм диспетчеризации системы с распределенным лидером и алгоритм без лидера. Эти алгоритмы были разработаны на основе хорошо известного протокола репликации ViewStamped Replication и на основе метода консенсуса без лидера. Тем не менее, были внесены некоторые изменения: исходные алгоритмы не предполагают перемещения групп узлов. Решить эту проблему можно за счет использования контекстного хранилища данных (включая генеральные планы миссий, текущие координаты роботов и т.д.). Необходимость передачи контекстных данных увеличивает нагрузку на сеть, но обеспечивает основу для отказоустойчивости.

Оценки эффективности разработанных алгоритмов позволяют сделать следующие важные выводы:

- распределенный лидер эффективен в группах роботов с относительно короткой миссией (небольшой размер контекстного хранилища данных);
- распределенный лидер эффективен в группах с надежными устройствами, так как восстановление в случае отказа лидера требует значительных временных и сетевых ресурсов;
- безлидерное управление эффективно в условиях длительных по времени миссий и относительно небольшого количества роботов в группе.

Впервые в формате SPECOM обсуждалась проблема, связанная с одним из способов хранения информации с помощью метода стеганографии (Р.К. Потапова, А.В. Джунковский, МГЛУ, Москва). В докладе **“Предварительное исследование потенциального размещения стеганографического контейнера”** – “Preliminary Investigation of Potential Steganographic Container Localization” предложен новый оригинальный способ хранения информации, затрудняющий процесс поиска и обнаружения информации. Основным объектом служит специальный текст на материале русского языка, содержащий все разновидности и варианты единиц поуровневого характера: от фонетического до синтактико-семантического. Проведенные эксперименты на статистически достоверном материале показали, что варьирование поуровневой специфики связного текста разнообразными “пограничными сигналами” (по Н.С. Трубецкому и Р.К. Потаповой) дает возможность использовать особенности восприятия этой информации для решения задач стеганографии.

В докладе **“Токсичность в текстах и изображениях”** – “Toxicity in Texts and Images on the Internet” (Д. Гордеев, Москва, МГЛУ, и В.В. Потапов, МГУ им. Ломоносова, Москва) отражены результаты исследования, цель которого заключалась в разработке специального программного способа установления наличия-отсутствия фактора токсичности на материале текстов и изображений. Сформированная для этого база данных включала 8800 единиц иллюстративного интернет-материала текстового и изобразительного характера, то есть включающего только краткий текст, только изображение (картинку) и совместную комбинацию вышеуказанных типов стимулов. Основой для решения задачи послужили результаты ручной классификации единиц интернет-мемов, целью которой являлась ориентация на признаки “наличие токсичности” – “отсутствие токсичности”. При этом ставилась дополнительная задача: при классификации на восприятие определить не только “наличие токсичности” – “отсутствие токсичности”, но и с опорой на признаки, позволяющие провести это различение, то есть с опорой либо на краткий текст, либо на изображение. Полученные при предварительном эксперименте данные позволили использовать их в процессе обучения нейронных сетей. Таким образом, как показал данный подход, возможно на большей статистике уточнить дифференциальные признаки оценки интернет-материалов на “токсичность – нетоксичность” и с использованием более точных признаков а) кратких текстов, б) изображений, в) кратких текстов с вспомогательными изображениями, продолжив разработку программного способа автоматизированного решения задачи идентификации токсичности в интернет-коммуникации.

Следующую 23-ю Международную конференцию “Речь и компьютер” SPECOM-2021, приуроченную к 25-летию основания конференции, решено провести в Санкт-Петербурге на базе СПб ФИЦ РАН и при непосредственном участии МГЛУ в организации конференции 27–30 сентября 2021 г., по возможности в гибридном формате: www.specom.nw.ru/2021

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* XIV Международная конференция SPECOM’2011 “Speech and Computer” (“Речь и компьютер”) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 146–154.

REFERENCE

1. Potapova R.K., Potapov V.V. *XIV Mezhdunarodnaya Konfereciya SPECOM’2011 “Speech and Computer” (“Rech i kompjuter”)* [The 14th International Conference SPECOM’2011 “Speech and Computer”]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2012, No. 5, pp. 146–154. (In Russ.)

А.А. Карпов

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института информатики
и автоматизации РАН (СПИИРАН),
Россия, 199178, Санкт-Петербург,
14-я линия Васильевского острова, д. 39
karpov@iias.spb.su

Р.К. Потапова

Доктор филологических наук,
профессор, директор Института прикладной
и математической лингвистики Московского
государственного лингвистического университета,
Россия, 119034, Москва, Остоженка, д. 38
rkpotapova@yandex.ru

В.В. Потапов

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51
volikpotapov@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 28 января 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Alexey A. Karpov

Doct. Sci. (Tech.),
Head Researcher at the St. Petersburg Institute
for Informatics and Automation of
the Russian Academy of Sciences,
39 The 14th Line, St. Petersburg, 199178, Russia
karpov@iias.spb.su

Rodmonga K. Potapova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia,
rkpotapova@yandex.ru

Vsevolod V. Potapov

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Lomonosov Moscow State University,
1-51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
volikpotapov@gmail.com

Received by Editor on January 29, 2021
Date of publication: April 30, 2021

Для цитирования: *Карпов А.А., Потапова Р.К., Потапов В.В.* XXII Международная конференция SPECOM-2020 “Речь и компьютер” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 107–115. **DOI:** 10.31857/S241377150014560-9.

For citation: Karpov, A.A., Potapova, R.K., Potapov, V.V. *XXII Mezhdunarodnaya konferenciya SPECOM-2020 “Rech i kompyuter”* [The 22nd International Conference SPECOM-2020 “Speech and Computer”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 107–115. (In Russ.) **DOI:** 10.31857/S241377150014560-9

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE
2021, том 80, № 2, с. 116–122

ЮБИЛЕИ УЧЕНЫХ

DOI: 10.31857/S241377150014561-0

Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения)

Mikhail Viktorovich Panov (On the 100th Anniversary of his Birth)

Михаил Викторович Панов – один из крупнейших современных филологов-русистов, автор многочисленных новаторских работ по русской фонетике, орфоэпии, орфографии, морфологии, стилистике, поэтике, по изучению русского языка под социальным углом зрения.

М.В. Панов родился 21 сентября 1920 г. в московской интеллигентской семье. Отец его был офицер-артиллерист, потом переводчик, мать получила образование на Высших художественных курсах. После окончания школы М.В. Панов учился в Московском городском педагогическом институте, закончил его и с первых дней Отечественной войны оказался на фронте. Он прошел всю войну, находясь на передовой, в составе расчета противотанкового орудия. Был неоднократно ранен, награжден несколькими орденами и медалью “За отвагу”.

После войны Михаил Викторович был учителем в школе, потом поступил в аспирантуру Московского городского педагогического института и после ее окончания преподавал в этом институте, где в то время на кафедре русского языка работали такие уже в ту пору известные отечественные лингвисты, как Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров. В 1958 г. академик В.В. Виноградов пригласил М.В. Панова в Институт русского языка АН СССР, и здесь Панов проработал тринадцать лет, с 1963 г. заведуя сектором современного русского языка.

В 60-е годы прошлого века М.В. Панов совместно с С.И. Ожеговым и коллективом научных сотрудников Института русского языка АН СССР начал масштабное исследование русского языка советской эпохи. В 1962 г. был опубликован проспект работы под названием “Русский язык и советское общество” [1], затем ряд коллективных сборников, посвященных этой проблематике и самим названием указывавших на то, что имеется в виду развитие русского языка в XX в., а в 1968 г. вышла из печати четырехтомная монография “Русский язык и советское общество”[1] [2] под редакцией М.В. Панова.

В 1971 г. тогдашняя администрация Института русского языка, считавшая М.В. Панова политически неблагонадежным, вынудила его уволиться. В течение ряда лет он – научный сотрудник Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР, по существу сосланный в это профессионально чуждое ему учреждение, – тем не менее, *увлеченно* занимается проблемами обучения русскому языку нерусских. В соавторстве

[1] Надо заметить, что, несмотря на явно выраженную “советскость” самого названия монографии, в этом фундаментальном исследовании нет и намёка на какие-либо конъюнктурные моменты, связанные с 50-летием советской власти. Официально, по заданию Президиума АН СССР, который курировал эту работу, она приурочивалась именно к этому юбилею; о “высоком” внимании к работе свидетельствует и тот факт, что хотя и с некоторым опозданием, но в небывалом для тогдашнего издательства “Наука” темпе в течение одного года было издано сразу четыре тома монографии.

с Р.Б. Сабаткоевым он в 1982–1983 гг. издал двухтомный учебник русского языка для национальных педагогических училищ, опубликовал множество статей, посвященных методике преподавания русского языка в национальной школе. В то же время он читает в МГУ курсы лекций о языке русской поэзии, о фонологии, о позиционном синтаксисе. С начала 1990-х годов и до последних дней жизни он – профессор кафедры русского языка Московского государственного открытого педагогического университета, студентам которого в 1995–96 гг. он прочитал большой курс лекций по лингвистике и поэтике (см.: [3]; [4]).

Основной областью научных интересов М.В. Панова была русская фонетика. Книгу под таким названием, опубликованную в 1967 г. [5], он блестяще защитил в качестве докторской диссертации годом позже. Он был последовательным приверженцем Московской фонологической школы. Строгость научного мышления, выработанная в фонетических и фонологических штудиях, проявилась у М.В. Панова и в других областях лингвистики: им написано немало неординарных работ, посвященных морфологии, словообразованию, поэтике, стилистике, социолингвистике. Вот на последней в этом перечне стороне научной деятельности Михаила Викторовича – социолингвистике – я хотел бы остановиться чуть более подробно.

Вопрос о роли М.В. Панова в развитии отечественной и мировой социолингвистики заслуживает глубокого и детального рассмотрения. Здесь я хочу наметить лишь некоторые, ключевые, с моей точки зрения, моменты, характеризующие эту сторону многогранной научной деятельности Панова.

Имя М.В. Панова как исследователя русского языка под социальным углом зрения продолжает ряд имен таких знаменитых отечественных ученых, стоявших у истоков социальной лингвистики, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, М.М. Бахтин, Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур и другие. В его работах мы находим не только развитие идей предшественников (прежде всего, Бодуэна и Поливанова), но и несомненное новаторство в осмыслении языковых фактов в их связи с социальными процессами и отношениями. Это новаторство проявилось в двух основных направлениях – в истолковании изменений, которые претерпел русский язык в XX в., и в разработке методики изучения современной речи, ее “социальной паспортизации”.

Что же нового внес Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений?

При ответе на этот вопрос надо прежде всего обратиться к разработанной Михаилом Викторовичем теории антиномий (т.е. постоянно действующих противоречий – движущих механизмов языковой эволюции), примененной им при описании развития русского языка послереволюционного периода, – в его статьях начала 60-х годов (см., например, [6]; [7]) и в уже упомянутой выше и ставшей широко известной не только в лингвистических кругах монографии “Русский язык и советское общество”. Пожалуй, впервые в отечественной социолингвистике с помощью этой теории были вскрыты механизмы языковой эволюции и показана социальная обусловленность действия таких антиномий, как антиномии кода и текста, системы и нормы, говорящего и слушающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной.

Коротко каждую из этих антиномий можно охарактеризовать следующим образом.

1) Под кодом понимается набор средств, которыми располагает язык; если набор этих средств ограничен, то для того, чтобы выразить какой-либо смысл, бывает недостаточно употребить только один знак – необходимы определенные комбинации знаков этого набора: чем меньше набор (код), тем длиннее текст (комбинации знаков набора), и, напротив, чем больше набор (код), тем короче текст.

2) Система языка понимается как совокупность возможностей, которые язык предоставляет говорящим на этом языке для выражения тех или иных смыслов; однако в реальной речевой деятельности, которая регулируется определенными нормами, реализуются далеко не все из этих возможностей: норма фильтрует то, что предоставляет ей система; антиномия заключается в том, что система “разрешает” гораздо больше из того, что норма “одобряет”.

3) В процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и

слушающего[2] не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в свёртывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы всё выражаемое говорящим было максимально понятно, и, следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего.

4) Информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют.

Мысль о связи развития языка с развитием общества давно стала в лингвистике общим местом, своего рода аксиомой. В большинстве работ прошлого эта мысль так или иначе *иллюстрировалась* материалом, характеризовавшим развитие конкретных языков. Иначе говоря, "общее место", аксиома подкреплялись некоторым набором фактов. Однако никакой социально ориентированной теории языковой эволюции при этом не возникало: описание конкретных изменений, даже "привязанное" к определенным социальным сдвигам, сохраняло фактографичность, атомарность.

Рассмотрение же тех изменений, которые пережил русский язык в XX в., с точки зрения антиномий позволило не только найти общие тенденции и закономерности в эволюции разных участков языковой системы – в фонетике, лексике, грамматике, – но и показать обусловленность действия антиномий определенными социальными факторами и зависимость этого действия от характера социальной среды говорящих.

Например, демократизация состава носителей литературного русского языка после революции 1917 г. вела к расшатыванию традиционной нормы, и тем самым антиномия системы и нормы разрешалась в пользу системы: в литературном употреблении появилась масса того, что система "разрешает", а норма запрещает (ср., например, формы двувидовых глаголов, появляющиеся в результате так называемой имперфективации: *организовывать, атаковывать, мобилизовывать* и под.; некоторые из этих форм сейчас вполне нормативны; см. об этом: [2, кн. 3, § 68].

Антиномия кода и текста разрешается в пользу кода (он увеличивается) в социально замкнутых коллективах говорящих и в пользу текста – в "текучих", социально неоднородных коллективах. И это понятно: социально или профессионально замкнутый коллектив говорящих может "позволить" себе, например, разветвленный и детализированный словарь (как это имеет место в специальных терминологиях и в профессиональных и социальных жаргонах). А в социально неоднородных, текучих человеческих сообществах выработка подобного словаря невозможна: представителям таких сообществ легче объясниться друг с другом, применяя описательные номинации (т.е. удлиняя текст в ущерб коду), а не однословные термины, которые многим просто неизвестны.

Эта же антиномия (кода и текста) при одних условиях, характеризующих развитие общества на том или ином этапе, разрешается в пользу кода: он увеличивается (например, словарь может увеличиваться путем массовых заимствований из других языков, как это происходит в нашем языке сейчас), а при других условиях – сокращается, как это было, например, в конце 40-х годов XX в., когда не только не принимались новые заимствования, но и вытеснялись из употребления старые, давно адаптировавшиеся в русском языке (подробнее об этом см.: [8, с. 139–142])[3].

При разработке теории антиномий М.В. Панов подверг анализу и сами социальные факторы, которые могут влиять на язык. Одни из них он назвал лингвистически значимыми, то есть такими, которые могут оказывать влияние на языковую эволюцию, другие – лингвистически незначимыми. Среди лингвистически значимых он выделял факторы *глобальные* и *частные*. Глобальные факторы воздействуют на все уровни языковой структуры, а частные в той или иной мере обусловливают изменения лишь на некоторых уровнях [2, кн. 1, с. 34–35].

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей литературного языка. Так, изменение состава

[2] Под этими терминами в русистике принято иметь в виду и участников устного диалога, и пишущих или воспринимающих письменный текст. В другой терминологии это отправитель (адресант) и получатель (адресат) речи.

[3] Здесь нет возможности рассматривать другие антиномии и их действие на разных этапах развития языка; желающих получить о них более детальную информацию отсылаю к первому тому указанной монографии [2].

носителей русского литературного языка после революции повлекло за собой изменения в произношении – в сторону его буквализации, приближения к письменному облику слова: *булоЧНая, смеялСЯ, тиХИй*, а не *булоШНая, смеялСА, тиХЫй*, как в старомосковской произносительной норме. В лексике литературного языка появилось много так называемых внутренних заимствований – из диалектов и просторечия (например, слова *учёба, неполадки, напарник, глухомань, нехватка* пришли в литературное употребление именно оттуда). В синтаксисе получили распространение конструкции диалектного, просторечного и профессионально ограниченного характера, и мы сейчас почти не ощущаем их нетрадиционности для литературного языка: *ходили по грибы, плохо с кадрами, испытание на выносливость, радиовещание на зарубежные страны* и под. В морфологии значительно увеличилась частотность форм, которые раньше оценивались нормой как просторечные или профессионально ограниченные: ср., например, частотность форм с ударными флексиями во множественном числе существительных мужского рода – типа *прожекторА, прожекторОв, ...; слесарЯ, слесарЕй...* и т.п.; о социальном распределении подобных форм можно прочитать в работе, начатой по инициативе и при идейной поддержке М.В. Панова, – см.: [9].

Пример частного социального фактора – изменение традиций усвоения литературного языка (раньше, в XIX – начале XX в., – устная, семейная традиция, в новых условиях – книжная, через книгу, через учебник). Этот фактор повлиял главным образом на произношение: наряду с традиционными орфоэпическими образцами получают распространение новые образцы, более близкие к орфографическому облику сло́ва (примеры см. выше).

Согласно М.В. Панову, действие и глобальных, и частных социальных факторов на язык не может быть деструктивным, разрушающим языковую систему. Иначе говоря, социальное воздействие может ускорять или замедлять языковые изменения (тезис, сформулированный еще Е.Д. Поливановым), но не может их отменить или “упразднить”. Если бы общество могло воздействовать на язык деструктивно, то оно поступало бы против своих интересов, так как в этом случае язык не мог бы выполнять свою основную функцию – быть средством коммуникации.

Надо сказать, что, отдав много сил и времени изучению развития русского языка в XX в., Михаил Викторович по своим лингвистическим интересам и склонностям оставался синхронистом: он любил рассматривать языковые факты не в их эволюции, а в их отношениях друг с другом. И даже в работе “Русский язык и советское общество”, по существу посвящённой истории языка (хотя и микроистории), сказалась его “синхроническая” натура: он предложил эволюцию русского языка анализировать по определенным синхронным срезам, что дает возможность сравнивать разные этапы языковой эволюции.

Основные же идеи Панова-синхрониста, касающиеся социальной обусловленности языка, нашли выражение в его концепции массового обследования русской речи. Одни из идей, образующих эту концепцию, касаются социально обусловленных подсистем современного русского языка, другие воплотились в предложенных и разработанных М.В. Пановым приёмах и методах обследования говорящих и их речевой практики. Так, он первым высказал гипотезу о существовании особого разговорного языка, о его самодостаточности – первоначально на материале наблюдений над разговорным синтаксисом (см.: [1, с. 77, 97]). Эта гипотеза, выраженная М.В. Пановым в заостренной, категорической форме, многим лингвистам казалась маловероятной, но затем она нашла полное и убедительное подтверждение в хорошо известном цикле работ по разговорной речи, выполненных под руководством Е.А. Земской.

Работы по разговорной речи опираются на *массовый* материал. Это важно по крайней мере в двух отношениях: во-первых, только массовый материал может дать надежные, объективные результаты; во-вторых, массовость наблюдений позволяет выявить социальные различия в реализации разговорного языка. Такие различия особенно заметны в произношении. При этом они “многоплановы”, то есть зависят от разных характеристик носителей литературного языка, разных социальных условий его существования.

Вот как писал об этом Михаил Викторович в одной из своих статей:

> Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.
>
> Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневолжская и

т.д. Особо надо отметить разновидности литературного произношения, возникающие в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии. Литве, Татарии и т.д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем и внетерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внетерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров – у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование [10, с. 173].

Примечательна перекличка идей и методов социофонетических исследований М.В. Панова с идеями и методами одного из основателей современной американской социолингвистики Уильяма Лабова, которые разрабатывались примерно в те же годы: первая социофонетическая статья У. Лабова [11] была опубликована в 1964 г.

И у Панова, и у Лабова – ясное понимание вариативности как е с т е с т в е н н о г о свойства языка, четкая ориентация на языковую реальность во всех ее социальных, возрастных, территориальных и прочих ипостасях, последовательно выраженное стремление количественно измерить наблюдаемые произносительные различия; наконец, для обоих ученых характерна изобретательность в методике социофонетического обследования носителей языка (правда, у Лабова уже в начале 1960-х годов были более совершенные технические средства изучения живой речи, включая видеотехнику, а у нас в то время еще и портативных магнитофонов не было).

Одна из характерных черт Панова-социолингвиста – его приверженность “произносительному факту”. Эта черта только внешне кажется противоречащей известной любви Михаила Викторовича к “геометризму” теоретических построений. В действительности тщательное изучение фактического состояния произносительной нормы на том или ином синхронном срезе языка укрепляет фонетическую теорию, способствует ее геометризму.

Само понятие нормы было для Панова неразрывно связано с ее носителями. Отсюда важная роль *фонетических портретов* – описаний произносительных навыков и привычек тех или иных людей как представителей определенной социальной среды. Примеры таких портретов – в фундаментальном исследовании М.В. Панова “История русского литературного произношения XVIII–XX веков” [12].

Это удивительная работа. Из нее мы можем узнать не только о произносительных особенностях речи наших выдающихся современников – поэтов, ученых, деятелей культуры, но и о том, как *г о в о р и л и* по-русски люди, жившие более чем два столетия тому назад, – например, Петр Первый или Сумароков, то есть каково было их п р о и з н о ш е н и е. Ведь никаких технических средств (например, магнитофонов), которые позволили бы сохранить особенности их устной речи, в ту пору, естественно, не было. Но Панов смог по крупицам – дневниковым записям, письмам, клочкам случайных записок, чудом сохранившихся в архивах, по высказываниям деятелей прошлого и многому другому – восстановить речь наших предков. Книга пролежала неизданной (не по вине ее – опального в ту пору – автора!) двадцать лет и была напечатана, да и то усилиями учеников Михаила Викторовича, только в 1990 г.

Идея фонетического портрета и ее воплощение в ряде блестящих портретных описаний, данных в книге Панова, чрезвычайно важны и плодотворны для социолингвистики. Расширяя перечень составляющих портрет характерных признаков путем привлечения морфологических, синтаксических, лексических черт, особенностей стилистического использования единиц разных уровней языка, а также свойств коммуникативного поведения человека, можно создавать уже не только фонетические, но и более объемные с о ц и о л и н г в и с т и ч е с к и е портреты носителей языка.

Работы М.В. Панова как социолога языка недостаточно оценены в современной социолингвистике. Они признаны и развиваются прежде всего в науке о русском языке, в исследованиях по современной русской фонетике, по разговорной речи. Но несомненно, что они имеют и более широкое теоретическое значение, так как указывают перспективные и плодотворные пути изучения языка (не только русского) под социальным углом зрения.

М.В. Панов был выдающимся организатором науки: он умел создавать научные коллективы, зажигать их участников своими идеями, и результатом творческой работы таких коллективов являлись не только проникнутые концептуальным единством книги, монографии, сборники

ученых трудов, но и целые направления научных исследований. Конечно, это объяснялось тем, что и сам Михаил Викторович был человек увлеченный и увлекающийся. Но также и тем, что он умел сложное объяснять просто, воплощать в виде геометрически стройных теорий, не игнорируя, однако, в угоду стройности ни одного реального языкового факта.

Талант популяризатора науки – еще одна сторона замечательной личности М.В. Панова. В книгах, посвященных русской орфографии, – "И всё-таки она хорошая!" [13] и "Занимательная орфография" [14], он рассказывает о такой скучной материи, как орфография, не просто доходчиво, а весело, с выдумкой. Эта черта проявилась и в "Энциклопедическом словаре юного филолога" [15]. Панов был инициатором этого издания для школьников, его главным редактором и одним из основных авторов помещенных в этой энциклопедии статей.

Михаил Викторович был учителем – и в буквальном смысле этого слова (он несколько лет преподавал русский язык и литературу в школе), и в смысле более общем: у него были многочисленные ученики и последователи в науке о языке, он был автором нескольких учебников для студентов-филологов, в течение многих лет блистательно читал лекции в битком набитых аудиториях вузов Москвы.

О школьных учебниках, созданных под руководством М.В. Панова, надо сказать особо. В них проявилось умение М.В. Панова рассказывать о серьезных вещах весело, без прямолинейной дидактики, с юмором. Он и соавторов своих заразил этим умением: стоит заглянуть в созданные ими учебники для 5-го, 6-го, 7-го и 8–9-го классов (М., 1994–2000 гг.), чтобы убедиться в этом.

И еще он был поэт – и в прямом, и в переносном значении этого слова. В 1999 г. вышел небольшой сборник его оригинальных стихов "Тишина. Снег", получивший благожелательные отзывы литературных критиков, а в 2002-м, уже после смерти автора (3 ноября 2001 г.), – сборник "Олени навстречу". Поэтом он был и в науке, которой служил беззаветно и преданно в течение всей своей долгой и насыщенной творчеством жизни.

Основные лингвистические работы М.В. Панова собраны и опубликованы уже после его смерти – в 2004 и 2007 годах (см.: [16]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
2. Русский язык и советское общество. Кн. 1–4. Коллектив авторов / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
3. *Панов М.В.* Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М., 2014.
4. *Крысин Л.П.* Рецензия на книгу: М.В. Панов. Лингвистика и преподавание русского языка в школе // Русский язык в школе. 2015. № 7.
5. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
6. *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. 1962. № 3.
7. *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
8. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
9. Русский язык по данным массового обследования. Коллектив авторов / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.
10. *Панов М.В.* О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
11. *Labov W.* Phonological correlates of social stratification // American Anthropologist, vol. 66, no. 6, part 2. December 1964.
12. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX веков. М., 1990.
13. *Панов М.В.* И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964; 2-е изд. М., 2007.
14. *Панов М.В.* Занимательная орфография. М., 1984.
15. Энциклопедический словарь юного филолога. Составитель и главный редактор М.В. Панов. М., 1984; 2-е изд. М., 2006.
16. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е.А. Земской и С.М. Кузьминой. Т. 1. М., 2004; Т. 2. М., 2007.

REFERENCES

1. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Prospekt* [The Russian Language and Soviet Society. Booklet]. Alma-Ata, 1962. (In Russ.)
2. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Kn. 1–4. Kollektiv avtorov. Pod red. M.V. Panova* [The Russian Language and Soviet Society. Collected Authors. Panov, M.V. (Ed.)]. Moscow, 1968. (In Russ.)
3. Panov, M.V. *Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole* [Linguistics and the Russian Language Teaching at School]. Moscow, 2014. (In Russ.)
4. Krysin, L.P. *Recenziya na knigu: M.V. Panov. Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole*

[Review on the Book: Panov, M.V. Linguistics and the Russian Language Teaching at School]. *Russkij yazyk v shkole* [The Russian Language at School]. 2015, No. 7. (In Russ.)

5. Panov, M.V. *Russkaya fonetika* [The Russian Phonetics]. Moscow, 1967. (In Russ.)

6. Panov, M.V. *O razvitii russkogo yazyka v sovetskom obshchestve* [To the Evolution of Russian Language in the Soviet Society]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1962, No. 3. (In Russ.)

7. Panov, M.V. *O nekotoryh obshchih tendenciyah v razvitii russkogo literaturnogo yazyka XX veka* [On Some General Trends in the Evolution of Russian Literary Language in the 20th Century]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1963, No. 1. (In Russ.)

8. Krysin, L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [Russian Word, Native and Alien. Studies in the Contemporary Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, 2004. (In Russ.)

9. *Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. Kollektiv avtorov. Pod red. L.P. Krysina* [The Russian Language According to the Data of Mass Survey. Collected Authors. Krysin, L.P. (Ed.)]. Moscow, 1974. (In Russ.)

10. Panov, M.V. *O tekste dlya foneticheskoj zapisi* [On the Text for a Phonetic Record]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [The Evolution of the Contemporary Russian Language Phonetics]. Moscow, 1966. (In Russ.)

11. Labov, W. Phonological correlates of social stratification. American Anthropologist, vol. 66, no. 6, part 2. December 1964.

12. Panov, M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vekov* [The History of the Russian Literary Pronunciation of the 18th–20th Centuries]. Moscow, 1990. (In Russ.)

13. Panov, M.V. *I vsyo-taki ona horoshaya! Rasskaz o russkoj orfografii, ee dostoinstvah i nedostatkah* [And Yet it is Good! A Story About the Russian Orthography, its Virtues and Failings]. Moscow, 1964; the 2nd Ed. Moscow, 2007. (In Russ.)

14. Panov, M.V. *Zanimatelnaya orfografiya* [Fascinating Orthography]. Moscow, 1984. (In Russ.)

15. *Enciklopedicheskij slovar yunogo filologa. Sostavitel i glavnyj redaktor M.V. Panov* [Encyclopedic Dictionary of a Young Philologist. Panov, M.V. (Comp., Ed.)]. Moscow, 1984; the 2nd Ed. Moscow, 2006. (In Russ.)

16. Panov, M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. Pod red. E.A. Zemskoj i S.M. Kuzminoj* [Works on General Linguistics and the Russian Language. Zemskaya, E.A., Kuzmina, S.M. (Eds.)]. Vol. 1. Moscow, 2004; Vol. 2. Moscow, 2007. (In Russ.)

Л. П. Крысин

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
leonid-krysin@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 12 марта 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Leonid P. Krysin

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
leonid-krysin@mail.ru

Received by Editor on March 12, 2021
Date of publication April 30, 2021

Для цитирования: *Крысин Л.П.* Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 116–122. **DOI:** 10.31857/S241377150014561-0.

For citation: Krysin, L.P. *Mihail Viktorovich Panov (K stoletiyu so dnya rozhdeniya)* [Mikhail Viktorovich Panov (On the 100th Anniversary of his Birth)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 116–122. (In Russ.) **DOI:** 10.31857/S241377150014561-0.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.